

В.Р. Яценко

Непредвиденные происшествия в экспедициях

Annotation

В коротких рассказах описаны происшествия, происходившие в экспедициях в процессе геодезических работ. Воспоминания основаны на дневниковых записях. Автор продолжает тему, начатую в книгах «Летопись экспедиционных маршрутов», «Последние белые пятна на картах».

Для широкого круга читателей, интересующихся работой геодезистов, топографов и картографов.

- [Виктор Романович Яценко](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Ложная тропа](#)
 - [Злобное предсказание шамана](#)
 - [Каменные идолы на картах](#)
 - [Затерянное в лесу святилище](#)
 - [Выжил в потайной женской келье](#)
 - [Геодезиста обвинили в добыче женьшеня](#)
 - [Гость из скита](#)
 - [Ящерицы помогли кладоискателям](#)
 - [Пророчество кержаков](#)
 - [Таёжный узник](#)
 - [Безлюдный плот](#)
 - [Раненый кабан](#)
 - [Встреча с отшельниками в тайге и в джунглях](#)
 - [Запрещенная гора для селькупских женщин](#)
 - [Нечистая сила в болотах Васюганья](#)
 - [Солонцы родовой памяти](#)
 - [Младенец из фактории](#)
 - [Поиск интернатских подростков](#)
 - [Из-за ласки обвинён в воровстве](#)
 - [Сорок семь дней в небытии](#)
 - [Эпизоды из экспедиционных маршрутов](#)
 - [Укус в спальном мешке](#)
 - [Сорока-воровка](#)
 - [Загадочные останки в прибрежной тундре](#)
 - [Снежный человек в горах Алтая](#)
 - [Колымская дорога на скелетах](#)

- [В Ботовской пещере клубок пряжи](#)
 - [Загадочная ритуальная площадка в Саянах](#)
 - [Карты Урала на отвесных скалах](#)
 - [«Медвежий праздник»](#)
 - [Клещевая болезнь](#)
 - [В бригаде появились волчата](#)
 - [Встреча с однокурсником](#)
 - [Молва о золоте Миллионного порога](#)
 - [Подарок с Вилюя](#)
 - [Тембенчинская повариха](#)
 - [С теодолитом через реку на бревне](#)
 - [Загадка сбежавших лошадей](#)
 - [Гена женился на эвенкийке](#)
 - [Хромая рысь](#)
 - [Photos](#)
 -
 - [Contents](#)
 -
-

Виктор Романович Яценко

Непредвиденные происшествия в экспедициях

В.Р. Яценко

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В ЭКСПЕДИЦИЯХ

Москва
ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД»
2014

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено таежных маршрутов — пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). В настоящее время Виктор Романович Яценко работает в ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД».

Виктор Романович Яценко — Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России.

В 1990 году издательство «Недра» напечатало книгу рассказов В.Р. Яценко «По геодезическим маршрутам», в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

Предисловие

Полвека автор проработал в отрасли геодезии, топографии, картографии. После окончания Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (НИИГАиК), который именуется Сибирской государственной геодезической академией (СГГА), автор работал в топографо-геодезических экспедициях Сибири в должностях бригадира, начальника партии, начальника отряда, начальника экспедиции. Затем несколько лет трудился на Кавказе. В годы интенсивных разработок нефти и газа в Тюменском регионе возглавил Уральское аэрогеодезическое объединение. В этот период требовались срочные топографические карты для проектирования и строительства городов, дорог, электростанций, прокладки нефтяных и газовых трубопроводов. Затем был переведён в Москву на должность заместителя начальника Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, а затем возглавил эту службу. Потом был назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). После развала Советского Союза четыре года проработал в Африке в должности руководителя консультантов геодезической группы в Министерстве обороны Анголы.

Во второй половине прошлого столетия перед геодезической службой нашей страны была поставлена задача, в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства, создать топографические карты в масштабе 1:25 000 на всю территорию Советского Союза. Потребовалось несколько десятилетий для выполнения столь грандиозной задачи. Тысячи геодезических, топографических, картографических бригад занимались этой трудоёмкой работой. Труднее всего создавались карты на таёжные регионы Сибири, Дальнего Востока, болот Васюганья и Заполярья. Отважным первопроходцам приходилось проникать в самые удалённые, необжитые уголки нашего государства. Для этих целей вначале была выполнена сплошная аэрофотосъёмка, но на фотоснимках не было видно таёжных избушек, троп, родников и т.д. Требовалось пройти по всем тропам, обследовать избушки, нанести их на карту и написать фамилию хозяина — рыбака или охотника, которому принадлежало это строение. При пересечении тропы через реки указывался на карте брод с оцифровкой: ширина реки, глубина и характеристика дна реки. В процессе обследования удалённых уголков тайги приходилось наткаться на странных отшельников, староверов, загадочных золотоискателей, одиноких скитальцев, иногда опасных кочевников. Порой первопроходцы попадали в

сложнейшие ситуации — грань между жизнью и смертью становилась неуловимой.

Фамилии героев книги не вымышлены, некоторые продолжают работать и в настоящее время. Не каждый мог выдержать тяжелейшие экспедиционные условия, особенно если хоть раз пришлось увидеть клыкастого медведя или услышать за палаткой вой волков: после этого некоторых охватывали испуг и разочарование, они сбегали, зачастую попадая в списки без вести пропавших. Работая в этих сложнейших условиях, первопроходцы внесли огромный вклад во всеобщее картографирование нашего государства, создав топографические карты с грифом «СЕКРЕТНО». Плодами этих работ теперь пользуются все страны, бывшие союзные республики. В результате этой трудоёмкой работы было подготовлено к изданию и напечатано 300 000 листов карт.

В силу политизированности не всегда объективно отражалась истинная картина прошедшего столетия, особенно умалчивалась трагическая гибель первопроходцев. В глубоком забвении остаются имена геодезистов, которые первыми обследовали необозримые просторы тайги, тундры, болот, степей, горных перевалов, составляя топографические карты. Всем известна эпопея про староверов Лыковых, проживающих в верховьях реки Абакана, якобы обнаруженных журналистами. У лётчиков вертолёт, доставивших журналиста к Лыковым, на карте была нанесена изба Лыковых.

Как и многие бывалые первопроходцы, автор, путешествуя, не расставался с фотоаппаратом. Поэтому многое увиденное в этом калейдоскопе таёжных встреч запечатлено на фотографиях.

Ложная тропа

Проводник Тюлюш Хуурак возвращался из экспедиционной бригады, работавшей в центральной части Саян. Так случилось, что инженер Альберт Бартер со своей бригадой остался без продуктов. Тюлюш доставил Бартеру продукты на двух вьючных лошадях, а обратно ехал верхом на одной из лошадей, вторая лошадь — следовала на привязи. Каждый раз я опасался, отправляя проводника с продуктами в бригаду, того, что он уходит в тайгу один. По правилам техники безопасности, категорически запрещено передвигаться по тайге одному. Я вновь и вновь предлагал проводнику забрать в маршрут одного рабочего с базы партии. Тюлюш, потомственный тувинский охотник, всю жизнь занимавшийся охотой в отдалённых уголках Саянских отрогов, мне доказывал, что на охоту он ходит только один, его никто никогда не сопровождает. Ему приходилось встречаться с медведями много-много раз, на его счету несколько десятков застреленных медведей; порой поединки с ними происходили в сложных условиях, иногда они были критическими. Каждую осень вплоть до январских морозов он охотился в одиночку, даже его девятилетний сын приходил к нему в охотничью избушку осенью, приносил продукты, притом в пути ему приходилось ночь коротать в тайге у костра одному.

На этот раз проводник попал в странную историю. Продукты в бригаду он доставил на лошадях по тропе за три дня, обратно решил сократить путь, поехав без тропы, для этого нужно было пересечь перевал. Его главная цель была изучить новые таёжные урочища, в которых он не бывал. Работая летом в нашей экспедиции, Тюлюш таким образом обследовал таёжные просторы, в некоторых охотился в осенне-зимний период. Обычно при доставке продуктов в бригады он брал в маршрут одну из своих охотничьих собак, на этот раз в бригаде работники уговорили проводника оставить им собаку до конца полевого сезона. Дело в том, что бригаду постоянно стал преследовать медведь, поэтому Баргер попросил проводника отдать им собаку для безопасности завершения полевого сезона. Проводник медленно ехал по затенённым таёжным зарослям. После пересечения небольшой горной реки вдруг появилась тропа, она оказалась широкой, даже имелись затёсы. Тувинец знал, что эти охотничьи угодья никому не принадлежат, поэтому тропа его удивила. Затёсы были трёх- или пятилетней давности. Охотник знал, что в тайге случайных троп не бывает, — обязательно она должна вывести к какому-нибудь строению или золотоносным приискам, возможно, кто-то «затеял» загадочное ремесло в таёжном ущелье.

Таинственная тропа увлекла охотника, он удалялся всё дальше и дальше вглубь непроходимых лесных зарослей.

Неожиданно рядом раздался выстрел, просвистела пуля, — испуганная лошадь вздыбилась на задние ноги, с необыкновенной быстротой дёрнулась в сторону. Тюлюш вылетел из седла, лошади умчались по тропе в обратную сторону. Бывалый охотник в такую ситуацию никогда не попадал. Между деревьями проводник обнаружил самострел, непонятно на кого он был сооружён. Удачно не пострадали лошади, и седок тоже уцелел, пуля пролетела в нескольких сантиметрах от всадника. Самострел был сооружён из одноствольного старого ружья шестнадцатого калибра. Долго охотник рассматривал грозное устройство, зная, что эти сооружения категорически запрещено делать. Бывалый охотник почувствовал настороженность, он осмотрелся по сторонам, снял с плеча двустволку. Лошадей не было, положение становилось критическим. Нужно было отправляться за сбежавшими лошадьми. Теперь проводник вспомнил про свою собаку, которая сейчас бы помогла выйти из этой сложной ситуации. Где-то обязательно близко располагался хозяин этого бандитского сооружения. Тюлюш понимал, что он мог находиться в данный момент на прицельной оружейной мушке таёжного отшельника. Проводник постарался спокойно удалиться из густого ельника. Он удалялся по тропе, прижимаясь к одной стороне, а иногда шёл рядом с тропой по лесу, чтобы не находиться под прицелом пули. Лавируя между стволами деревьев, проводник спешил добраться до речного брода, надеясь, что в густых зарослях без тропы лошади запутаются: потому что вторая лошадь находилась на привязи, поэтому где-нибудь она пойдёт по другую сторону ствола и тогда они вынуждены будут остановиться.

После того как тропа закончилась, охотник успокоился, что пуля его не настигнет, теперь беспокоило, догонит ли он лошадей. Тюлюш постоянно останавливался, всматривался в землю, стараясь рассмотреть вдавленные отпечатки копыт. Следы местами рассмотреть становилось трудно, тогда проводник вставал на колени, ему удавалось восстанавливать путь движения своих лошадей. Он шёл, рассуждая про себя, что придется идти пешком пару дней без продуктов, оставшихся привязанными к седлу. Тюлюш шёл быстро, понимая, что, пока свежие силы, нужно успеть осилить большую часть расстояния.

Вдруг проводник увидел своих родненьких лошадок, которые смиренно стояли около огромного кедра, они запутались и находились в раздражённом состоянии, отбиваясь от назойливых комаров и мошкар. Проводник, обрадовавшись, начал обнимать голову своей любимой лошадки, сгоняя с неё присосавшихся кровопийцев. Затем он наломал берёзовый веник и им

обмёл лошадей, отогнав от них проклятых комаров и мошек. После этого он уселся на лошадь и отправился в путь.

Охотник обвинял себя в том, что начинал сдавать: в молодости сбросить его никогда лошадям не удавалось, дикие лошади даже умудрялись падать, чтобы освободиться от маленького наездника, но тувинец впивался как клещ. Об этом позоре решил никому не рассказывать, даже сыновьям, тем более об этом не должны знать члены экспедиции, которые знали его много лет как непревзойдённого умельца езды на лошадях.

Через несколько дней Тюлюш обратился ко мне с просьбой: дать ему лошадь на выходные дни, пояснив, что нужно навестить свои охотничьи угодья. Забрав своих лучших двух собак, умеющих брать след, охотник отправился к загадочному самострелу; вначале он хотел попросить ещё одну лошадь и забрать старшего сына, но в последний момент передумал, решил разобраться самостоятельно. Отправился на рассвете, чтобы засветло добраться до загадочной тропы. День выдался нежарким, поэтому Тюлюш продвигался быстрыми темпами. Подъехав к самострелу, охотник внимательно осмотрелся, собаки, как обычно, стремглав бежали вокруг, делая свои пометки. Тюлюш обнаружил, что кто-то у разрушенного самострела побывал. Охотник привязал лошадь к дереву и оставил на привязи одну собаку для охраны.

Зажав в руках двустволку, проводник с собакой отправился по тропе. Через полкилометра тропа привела к небольшой реке с редкостными для этих мест песчаными берегами. Река оказалась неглубокой, тропа продолжалась. Вскоре она закончилась, упёршись в дерево, на котором был сооружён лабаз, но он был пустым. Когда-то в лабазе хранились продукты, но теперь он находился в запущении. Тюлюш понимал, что тропа предназначена для других целей, но не мог разгадать таинственный замысел. Он возвратился к реке с песчаными берегами и стал подавать команды собаке, чтобы она взяла след: этот пёс, в отличие от остальных, славился своим непревзойдённым умением. Собака долго принюхивалась к следам на песке, а потом уходила в лес и там рыскала среди деревьев, в угрюмых лесных зарослях, обнюхивая редкую травку. Собака несколько раз фыркнула, обозначив свою находку, и отправилась по лесу, постоянно находясь вблизи берега реки. Она передвигалась быстро, уткнувшись носом в редкую травяную растительность. Охотник, не спуская глаз с собаки, едва успевал, но тропы никакой не было.

Вдруг над вершинами деревьев с оглушительным тревожным криком пролетела кукша. Тюлюш знал повадки этой громогласной лесной сплетницы, она давала знать всем присутствующим в тайге, что появилось двуногое существо. Суматошная птица своим каркающим криком

резвонила по всей ближайшей округе, создавая переполох среди обитателей леса. Этот внезапный крик подействовал и на охотника, он понимал, что приближается опасность. Собака устремилась вперёд, беспокойство нарастало. Она иногда приближалась к берегу, потом вновь углублялась в лес, но от реки далеко не убегала.

В тёмных кедровых зарослях показалась избушка. Собака суетливо продолжала бегать вблизи избушки. Поблизости был сооружён небольшой сарай, в котором хранились дрова, и возвышался маленький стол. На столе беспорядочно сгрудились рыбные кости, алюминиевая кружка с недопитым чаем с крошками берёзовой чаги, задымлённая сковорода и закопчённый котелок, в котором чай был ещё горячим. Тюлюш, озираясь по сторонам, увидел кострище, в котором догорали остатки головёшек.

В избушке никого не было, пол и нары были устланы шкурами, по всем признакам в избушке проживал человек, который вёл аскетический образ жизни. Проводнику стало ясно, что житель охотой не занимается. Оставалась неразгаданной тайна, чем занимается отшельник, зачем он проложил ложную тропу, оградив доступ к своей избушке грозным сооружением самострела. Странно, что хозяин сумел исчезнуть из своего жилья, что даже пёс не успел его учуять, иначе он бы залаял на таёжного незнакомца. Тюлюш понимал, что находиться в этой местности опасно, хотя собака ни разу не залаяла. Проводник перед уходом поставил на столике в избушке пустой патрон от ружья шестнадцатого калибра. По охотничьим законам это означало, что содержимое патрона находится в поисках хозяина избушки. Такой страшный приговор вынес тувинец за сооружённый злодейский самострел. Дверь избушки Тюлюш оставил открытой, подперев палкой; этим дал понять — расправы злодею не миновать, что вскоре он нагрянет ещё раз.

Уходя от избушки, вдруг охотник увидел на песчаном берегу изрытые ямы — теперь стало понятно, что хозяин занимается добычей золота, теперь тайна ложной тропы была расшифрована. Золотодобытчик создал ложную тропу, чтобы случайных посетителей тайги отправить по ложному пути и оградил своё «присутствие» самострелом.

Осенью, как только выпал первый снег, Тюлюш отправился в ущелье с ложной тропой, за ним следовали сыновья и свора собак. Избушка оказалась пустой, по всем признакам хозяин бросил свои владения давно.

Злобное предсказание шамана

В тот год инженер Николай Варфоломеев занимался рекогносцировкой геодезических знаков в Заполярье. До половины полевого сезона ему довелось выполнять эту работу в западной части Хантайского озера. В горной тундре этот вид работы продвигался очень быстро. На вершинах каменистых гор он устанавливал небольшие вешки с цветными флажками, составлял абрисы и оформлял все соответствующие документы. На одной вершине, которая в округе была господствующей, вдруг появились великовозрастные эвенки, хотя деревень поблизости никаких не было. До ближайшего посёлка Хантайское Озеро около сотни километров, в этом населённом пункте Варфоломеев пробыл с рабочими несколько дней, отсюда у него начинались маршруты по обследованию местности, но этих аксакалов в посёлке он не встречал. Жилой посёлок Хантайское Озеро расположился на высоком берегу одноимённого озера, в нём проживало совсем мало людей; дома построены все одинаковые, сооружали их, чтобы приучить местных людей к оседлому образу жизни. Рядом с некоторыми домами возвышались чумы: старые эвенки не могли привыкнуть к строениям из дерева, поэтому около домов возводили свои национальные жилища, но жили в них только в летний период.

Варфоломеев, увидев эвенков, был сильно удивлён их появлением. Среди трёх старцев один оказался шаманом, он резко отличался своей одеждой от сопровождавших его эвенков. Шаман стал интересоваться экспедиционной работой людей на вершине этой высочайшей горы. Николай подробно рассказал о процессе, который он выполнял, пояснив, что через пару месяцев сюда прибудет специальная бригада, которая по его абрисам выстроит на вершине горы геодезическую пирамиду, она будет невысокой, потому что обзор с горы во все стороны великолепный. Геодезист поведал, что об этих видах работ он поставил в известность председателя колхоза в посёлке Хантайское Озеро, но шаман к этому сообщению отнёсся пассивно. Варфоломеев понял, что шамана интересовали совсем другие вопросы.

Старцы заговорили между собой на эвенкийском языке. Тогда Николай установил буссоль на каменистом нагромождении, которое соорудили рабочие, и приступил к измерениям. Геодезист в бинокль увидел, что у основания горы, где начинается россыпь обомшелых камней, стояло несколько крупных рогатых оленей, на которых пожаловали аксакалы. Их появление оставалось загадочным. Эвенки отошли в сторону и несколько

минут громко разговаривали, обсуждая какие-то важные вопросы. Они не делали попыток спускаться с вершины, продолжали дискутировать, иногда шаман отходил в сторону и долго стоял в раздумье.

Николай, закончив измерения и оформление материалов, обратился к шаману выяснить, что привело их сюда в эту безлюдную горную тундру. Геодезист пояснил, что две недели назад они наткнулись на эвенкийское стойбище, пастухи которого занимались поисками оленей. Жильцы стойбища рассказали, что стадо волков напало на их табун и большое количество оленей волки угнали в лесную зону к реке. Геодезист дал эвенкам бинокль на неделю для поиска потерявшихся олешек. На днях один из пастухов с десятилетним сыном вновь приезжал к геодезистам; он привёз свежего оленьего мяса, рассказав, что оленей найти пока не удаётся, поведал, что разболелась младшая дочь. Бригадир отправил больной дочери коробку сгущённого молока, вспомнив, что девочке очень понравилось это лакомство. Николай подумал, что появление аксакалов связано с исчезновением части стада оленей. Шаман сказал, что у них проблема гораздо серьёзнее.

С Ледовитого океана наплывали тёмные тучи, от них веяло прохладой. Геодезическая бригада готовилась к спуску. Аксакалы тоже развернулись в сторону своих оленей. Николай отправился первым, кирзовые сапоги скользили по крутому склону, покрытому замшелыми влажными камнями. Эвенки шли уверенно, их национальная обувь подходила для данной местности. Наконец добрались до палаточного лагеря, в котором оставался оленевод Миргачан, недалеко находились олени аксакалов и их каюр. Ожидавшие своих руководителей оленеводы познакомились, они сидели у костра, распивая чай. Миргачан рассказал бригадиру, что шаман приехал со своей свитой для осмотра горы. На днях они должны захоронить на ней именитого шамана, который завещал, чтобы его труп оставили на вершине этой самой высокой горы. По их обычаю, никто не должен знать место захоронения шамана. Аксакалов озадачило, что на горе встретили экспедиционных людей. Варфоломеев решил теперь действовать через своего оленевода, использовать его в качестве посыльного. Отправив оленевода к аксакалам, он просил передать им, что геодезическая бригада сейчас завьючит оленей и отправится в маршрут на следующую вершину, которая располагается почти в двадцати километрах от этой горы. В последующие дни экспедиционная группа удалится ещё дальше, поэтому аксакалы не должны беспокоиться о том, что здесь будут посторонние люди.

Через некоторое время Миргачан появился, он пояснил, что шаман просит, чтобы на эту гору не приходили экспедиционные люди и не строили здесь свои вышки. Он просил организовать строительство вышки на

соседней горе, пояснив, что с момента захоронения шамана гора вносится в разряд святых вершин. Посыльный пояснил, что на вершине будет могила, а рядом будут разложены все необходимые принадлежности шамана, согласно существующему ритуалу. Варфоломеев вспомнил, что ему однажды приходилось видеть странное скопление упряжек, вещей на одной из вершин Заполярья. Оленевод тогда рассказал, что это захоронение какого-то местного национального руководителя. На горе стояли полуистлевшие нарты с огромным ящиком, а рядом была расставлена посуда, какие-то тряпки, гильзы, стрелы, олени шкуры.

Геодезист вновь делегировал оленевода, пояснив, что он не может изменить проект, не имеет права вносить такие глобальные перемещения. В любом случае на этой самой высокой горе в округе будет построен геодезический знак. Варфоломееву хотелось оказать помощь шаману, который попал в сложное положение, но отменить постройку пирамиды на этой горе он не мог. Несколько раз Миргачан отправлялся к шаману, который предлагал только один вариант: не строить вышку на этой горе и не приходить экспедиционным работникам на эту вершину.

В последний раз оленевод возвратился мрачный, пояснив, что шаман предупредил, если бригадир не изменит свой план, то на него свалится масса проклятий, постоянно будут преследовать неприятности. Миргачан сказал, что рассвирепевший шаман злобно заявил, что в день строительства вышки на этой горе у Николая случится большое горе. Варфоломеев улыбнулся, сказав, что во время строительства геодезической пирамиды он будет работать далеко от этих мест, в Туруханской тайге. После неприятных переговоров бригадир решил уйти скорее от этого места, поэтому срочно завьючили оленей и отправились в маршрут к следующей горе. Благодать, что в Заполярье в летний период ночей не бывает, поэтому бригада спокойно передвигалась по залесённому берегу небольшой реки. К полночи олени стали спотыкаться; оленевод предупредил, что олени устали, поэтому нужно сделать привал. В это время геодезист спохватился, что на плече нет полевой сумки, в которой хранились секретные топографические карты и все журналы полевых работ. Стал вспоминать, когда он последний раз открывал сумку, но только удалось припомнить, что он смотрел карту в процессе переговоров с шаманом через посыльного. Бригадир оставил оленевода с оленями на берегу небольшого озера, а сам с рабочими отправился в обратный путь на поиски сумки. Николай предполагал, что сумка слетела с плеча во время маршрута. Такое раз уже было, но это случилось у костра, разогнулось кольцо, с помощью которого ремень был прикреплен к сумке. В тот раз бригадир согнул металлическое кольцо и

вновь стал пользоваться сумкой, хотя было желание укрепить кольцо или подстраховать его капроновым шпагатом.

Поиски осложнялись тем, что нужно было идти по следам оленьих копыт, тропы никакой не было, маршрут проходил по берегу реки, по густым зарослям леса. Между стволами деревьев рос непроходимый кустарник, при таком насыщенном сочетании травы и кустов трудно было увидеть полевую сумку. Передвигались медленно, рядом друг с другом, всматриваясь в кочковатую заросшую землю. В полночь от крон лиственниц в зарослях стало мрачно, поэтому было принято решение передохнуть до полного рассвета и потом продолжить маршрут. Варфоломеев переживал, боясь, что не найдёт сумку с документами, — по существующему положению, он будет отстранён от топографо-геодезических работ, а практически дисквалифицирован. Рабочие, уставшие за день, приткнулись к стволу дерева и заснули, Николай проклинал вчерашний день, когда повстречался с шаманом, теперь он вспомнил злобное предсказание эвенкийского аксакала.

Два дня длились поиски. Сумку удалось обнаружить в стороне от следов каравана оленей. Один из последних оленей во время маршрута оторвался от каравана и направился в сторону, Николай бросился за ним, в это время кольцо разогнулось и сумка оказалась в траве. Найдя своё секретное сокровище, геодезист схватил его обеими руками, прижал к груди и шёл долго в такой позе. Возвратившись в палаточный лагерь, все улеглись спать.

Утром оленевод доложил бригадиру, что начали действовать колдовские проклятия шамана. Один олень, очевидно, пытался напиться воды в озере, залез в заболоченную часть, теперь его нужно вытаскивать. Поднялись рабочие, стали спасать рогача, удалось вытащить его, но ноги у него оказались переломанными. Миргачан плакал: это был его олень — самый крупный, на котором он ездил. Три недели бригада испытывала неприятности. Через каждые три-четыре дня появлялось какое-нибудь происшествие, которое останавливало работу. Оленевод несколько раз отказывался работать, поясняя, что может произойти бедствие.

Наконец работа в Заполярье у Варфоломеева закончилась, оленевод с оленями отправился в своё стойбище, а Николай с рабочими переехал на новый объект, в туруханские таёжные просторы. Здесь совершенно другая местность, и вскоре про шамана забыли. Работать в этом регионе было гораздо сложнее. Вершины гор покрыты лесом, деревья высокие. Николаю ежедневно приходилось подниматься на деревья, прибивать жердь с флажком, чтобы её было видно с соседних гор. Остроконечные горные вершины отсутствовали, в основном горы были плоскоравнинные, поэтому

на каждой горе приходилось залазить на деревья по несколько раз, чтобы отыскать самое высокое место. Рекогносцировка для строительства геодезических знаков в таёжной местности у экспедиционных специалистов считалась одной из самых сложных и ответственных процессов.

Однажды Варфоломеев установил вежу на сорокаметровую лиственницу; уставший, он медленно стал спускаться. На половине пути рука сорвалась, и он с грохотом, ломая сучья, полетел вниз. Рабочие подбежали к бригадиру, он попытался подняться, но переломы костей не позволили ему сделать какие-либо движения. Начались проблемы доставки больного до ближайшей деревни. Тайга на сотни километров, нет дорог и троп. Двум рабочим с этой проблемой не справиться. Бригадир вспомнил, что на берегу безымянной реки в двадцати километрах живут в тайге кержаки. Инженер отправил одного рабочего в скит к кержакам. В осенний период у таёжных жителей своей работы полным-полно, поэтому уговорить их трудно, тем более нужно появиться в деревне, они там не бывали, а их родители, которые в далёкие времена ушли из деревни, давно в мире ином. Через несколько дней рабочий возвратился, с ним пришли два обросших, широкоплечих кержака. Бригадир находился в тяжёлом состоянии, он часто отключался, теряя сознание. Начался сложный процесс, нужно было нести бригадира по тайге до деревни. Бригадир был небольшого роста, но коренастый. Благодаря выносливым кержакам за неделю геодезиста доставили в деревню. В местной больнице сообщили, что ещё несколько часов, и они не смогли бы спасти больного.

Выздоровевшему Николаю главный инженер экспедиции А.Ф. Чепкасов рассказал, что его падение с дерева произошло в тот день, когда в Заполярье, на Шаманской горе, строительная бригада сооружала пирамиду. Николай вспомнил злобное предсказание шамана, что в день строительства геодезического знака на горе у Варфоломеева произойдёт большое горе.

В дальнейшем здоровье у Варфоломеева восстановилось полностью, он впоследствии возглавил Сибирскую государственную геодезическую инспекцию в городе Красноярске. Н.С. Варфоломееву было присвоено почётное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации».

Каменные идолы на картах

На севере Уральских хребтов застыли в вечном карауле каменные исполины высотой с четырнадцатизэтажный дом. Геодезисту Вячеславу Пискулину довелось обследовать эту местность, и весь полевой сезон он должен был заниматься геодезическими измерениями в этих сакральных местах Северного Урала. Бригада состояла из четырёх человек. Должность помощника выполнял студент Томского топографического техникума. Один из рабочих — молодой парень Альберт — с детских лет увлекался альпинизмом. Ему подсказали, что эта экспедиция постоянно работает на самых высоких вершинах, поэтому он поступил на работу к Пискулину. Второго рабочего прислал начальник партии, его звали Василием, по национальности — манси, ему тридцать лет, родился он и вырос в этих местах, прекрасно знал всю округу. Бригадир удивила шевелюра Василия — длинные волосы, заплетённые в косу. В оправдание рабочий пояснил, что, по мансийским обычаям, у мужчин волосы должны быть длинными. Такого обычая манси придерживаются с давних времён.

Бригада работала без транспорта, продукты хранились на метеостанции. После очередного похода за продуктами бригада переместилась в междуречье рек Печора, Ичотляга и Лягавож. Каменистые вершины гор в истоках этих рек предстали перед геодезистами в изумительной красоте. Многочисленные останцы один краше другого, в большинстве из них можно было уловить прообраз животных, птиц, людей, застывших в загадочной позе. Бригадир шёл впереди, он периодически останавливался, наслаждаясь красотами каменных нагромождений, от некоторых невозможно было оторвать взгляд. Пискулин рассматривал эти останцы на аэрофотоснимках, сожалел, что нет возможности отразить эту красоту на карте. Приходилось все останцы измерять, чтобы на новой карте появился условный значок останца с указанием высоты. Некоторые каменные исполины для местных жителей были кумирами, об этом знал Василий, который помогал выделить такие останцы с названием и переводом на русский язык. Целыми днями манси рассказывал легенды и мифы про идолов, которым поклонялись жители ближайшей округи. Многие из них были весьма занимательны.

Наконец вышли на одну из плоских вершин с названием Маньпупунёр, которая переводится на русский язык — Малая гора идолов. На горе возвышались гигантские каменные исполины — их было шесть, седьмой «уединился» от них; бригадир предпочёл начать измерения с него, он был

меньше остальных. Василий много рассказывал в предыдущие дни про этих каменных идолов. Манси обычно добираются до этих сакральных мест по тропе, проложенной по берегу реки Манья, которая впадает в реку Северная Сосьва. Манси поклоняются этим каменным истуканам, иногда они появляются здесь семьями.

Отдельно стоящий седьмой останец напоминал гигантскую бутылку, перевёрнутую вверх дном. Один из семи останцев бригадиру нужно было включить в сеть геодезических измерений. Долго осматривал Вячеслав останцы, в практике такого ещё не было. Нужно было установить теодолит на останце и проделать измерения на три пункта триангуляции, которые располагались в десяти-двадцати километрах от этой закладной точки. Геодезист, обследовав останцы, понял, что ему подняться с инструментом и штативом на каменные исполины не удастся, поэтому он принял решение: установить на одном из них флаг и проделать измерения с трёх геодезических знаков. На юге в десяти километрах возвышалась гора Кайп, приблизительно на таком же удалении находилась вершина в восточном направлении с названием Печерьятоляхчахль, а на северо-западе выделялась каменистая вершина среди таёжных зарослей — гора Шежимиз. Бригадир предложил Альберту продемонстрировать свою альпинистскую подготовленность, подняться на вершину отдельно стоящего останца и установить флажок. Рабочий обрадовался, что его альпинистская увлечённость стала востребованной.

Василий взбунтовался, он был категоричен, поясняя, что манси поклоняются этому природному сооружению, его нельзя трогать, а тем более на него залазить запрещено. Испокон веков манси обожествляли этого идола. Каждый священный мансийский идол хранит в себе огромный заряд вероисповеданий. Манси доказывал, что около этого истукана происходят национальные религиозные служения божеству и связанные с этим соответствующие обряды, все люди должны относиться с почитанием к этим сакральным исполинам. Василий утверждал, что горы Маньпупунёр переводятся на русский язык как горы Малых богов, поэтому не должно быть суждений и толкований о подъёме на стацию языческого божества.

Геодезист стал объяснять принцип создания топографических карт, что все семь гигантских идолов будут нанесены на новую карту, даже показал аэрофотоснимок, на котором чётко просматривалось изображение всех каменных останцев. Бригадир пояснил, что после измерений флаг Альберт сразу снимет. Василий продолжал настаивать на том, что дотрагиваться до идола нельзя. В конце спора манси предупредил, что за осквернение священного кумира Альберт понесёт суровое наказание. Бригадир пояснил, что у них другого выхода нет. Когда Альберт стал готовиться к подъёму на

останец, Василий ушёл за обрыв, на краю которых стояли шесть каменных исполинов, чтобы не смотреть, как происходит осквернение. Рабочий сумел удачно подняться на вершину и даже попросил его сфотографировать. Закрепить небольшую жердь с прикреплённым флажком на вершине оказалось сложно. С помощью капроновой верёвки бригадиру с помощником пришлось отправить в рюкзаке груды камней, чтобы Альберт, поднимая наверх бульжники, смог укрепить ими палку с флажком.

После установки вехи бригада отправилась на ближайший пункт триангуляции, который был сооружён на господствующей высоте с отметкой 1087 метров с названием Кайп. Василий пояснил, что эту гору манси называют окаменевшей мансийской колдуньей. Подниматься на скалистую, остроконечную вершину горы оказалось сложно. Склоны были почти отвесными. Осилить вершину удалось с большими трудностями. Установив инструмент на наблюдательный столик, геодезист торопился скорее проделать измерения и отправиться на гору Шежимиз, которая гораздо ниже и подъём на которую будет намного проще. Бригадир несколько раз заглянул в трубу с тридцатикратным увеличением, но флажка обнаружить не удалось. Пискулин был озадачен, куда мог исчезнуть флажок. Бригадиру пришлось отправить на гору Маньпупунёр Альберта с помощником, потому что Василий отказался от разных дел, связанных с осквернением идола. Прошёл день — флаг так и не появился. Геодезист был обеспокоен, поэтому он вынужден был снять инструмент, и они с Василием отправились к семёрке каменных идолов.

При спуске по каменистому склону вдруг повстречались со студентом, его заплаканное лицо насторожило бригадира. Помощник поведал, что Альберта ужалила змея, он находится без сознания. Ускоренными шагами поспешили на перевал, в маршруте студент рассказал, как это случилось. Подходя к останцу, нашли палку с флажком; в это время дул порывистый ветер, — стало понятно, что порывы ветра сорвали флажок. Альберт сразу стал подниматься на вершину, он очень торопился, зная, что бригадир ждёт, когда появится флаг. Стоя в трёх метрах от каменного истукана, помощник следил за каждым движением рабочего, Альберт поочерёдно крепким захватом рук брался за острые каменистые выступы, затем переставлял ноги, в какой-то момент нога углубилась в отверстие, напоминавшее нору, в это время альпинист заревел и упал с трёхметровой высоты. Оказалось, что Альберт наступил на змею и она его ужалила. Сразу стали использовать все методы от змеиного укуса, но вдруг нога начала распухать, рабочий временами стал терять сознание, потом он уснул; помощник бегом отправился за бригадиром.

Когда пришли к каменному идолу, Альберт бредил. Василий советовал отправиться с больным в деревню Усть-Манья, пояснив, что там живёт лекарь, который запросто сможет вылечить Альберта, только ему не нужно говорить, что больной делал попытку подняться на каменного идола. Геодезист понимал, что до деревни пятьдесят километров по каменистым и таёжным тропам, бригаде в таком малом составе больного не донести, поэтому сразу по радиации стал сообщать о ситуации начальнику партии.

Вертолёт прилетел только через день, к этому времени в бригаде произошла ещё одна беда: энцефалитный клещ укусил помощника. У него поднялась температура, стало тошнить, поэтому его тоже пришлось доставить в больницу.

Василий сказал начальнику партии, что он предупреждал о предстоящих неприятностях, коль стали осквернять каменного идола. Василий заявил, что он увольняется. Бригада оказалась расформированной. Начальник партии вывез весь состав с горы каменных идолов. Появился более срочный объект, поэтому Пискулину пришлось возглавить новую бригаду на Северном Урале.

В конце полевого сезона бригаду Пискулина в новом составе доставили на вертолёт на гору Маньпупунёр, чтобы он закончил обследование этого сакрального места мансийских жителей. Геодезист учёл все высказывания Василия, которые помогли выполнить комплекс геодезических измерений за полтора месяца.

На новых крупномасштабных топографических картах, которые издаются с грифом «СЕКРЕТНО», на горе Маньпупунёр имеются все семь гигантских каменных идолов с указанием высоты каждого исполина.

Затерянное в лесу святилище

Полевой сезон заканчивался. С севера улетели птицы. Лесные массивы готовились к зиме. Нарядные золотистые лиственницы сбрасывали последние свои наряды. Экспедиционные отряды торопились завершить оставшиеся маршруты, — сдерживали участвовавшие осенние дожди, иногда они чередовались со снегом. Геодезист Иван Вицан первым вывел свою бригаду на базу партии, заявив, что полевой сезон закончен. Он и помощник стали собираться к отлёту в Тюмень к своим семьям. Вдруг от начальника экспедиции из Тюмени поступила радиogramма, что получено тревожное сообщение от руководства Ханты-Мансийска, которое ссылается на радиogramму охотника с истоков реки Северная Сосьва. Там охотник обнаружил в избушке студентку топографического техникума с поломанной ногой. Далее начальник экспедиции дал указание: создать поисковую бригаду из первой освободившейся полевой бригады, обеспечить её всеми необходимыми средствами по технике безопасности и отправить на оказание помощи студенту.

Бригадир и помощник загрустили, поняв, что на их долю выпала сложная командировка. Эту местность обслуживала совсем другая экспедиция, но в таких случаях в экспедициях существовал суровый закон: кто получил тревожную информацию, тот и срочно подключается к исполнению. Обрадовались только рабочие: их завтра должны были рассчитать и уволить, оба они бывшие заключённые, много лет отбывали на севере, теперь же скитались летом по экспедициям, а зимой старались устроиться на любую работу, — обычно они находили котельные, которых на севере много, и работали там кочегарами. Теперь появилась возможность им поработать ещё с полмесяца, а то и больше. Через пару часов поступило уточнение, что студент находится в одном из домов в нежилом посёлке Саранхапнер, расположенном на реке Щекурья. Стало понятно, что нужно добираться до посёлка Саранпауль, а там пешком идти по таёжным массивам пятьдесят километров.

Один из рабочих пояснил, что в тех таёжных краях ему приходилось бывать, местность сильно заболоченная, население в основном состоит из коренных жителей — манси. Сборы продолжались недолго. Бригадир предчувствовал, что главные проблемы начнутся в таёжной глухомани, — так оно и случилось. В посёлке Саранпауль поведали, что в верховьях реки Щекурья имеется два заброшенных посёлка, но в них давно никто не живёт. Поисковая бригада пешком отправилась по лесным зарослям,

придерживаясь берега реки, который был завален буреломными стволами деревьев. В первый день удалось осилить более двадцати километров, рассчитывали пройти больше, но сдерживала дождливая погода. К концу второго дня добрались до деревушки; первое впечатление было, что она жилистая, строения выглядели добротными. Дома располагались на правом склоне реки; обычно нежилые деревни зарастают огромным бурьяном, а здесь среди домов росла травка. Предстояло разыскать дом, в котором была студентка. Вдруг на заборе увидели одежду, которая сушилась.

Иван шёл впереди, за ним еле успевали идти его подопечные; он был на голову выше своих сослуживцев, худощавый, переходы ему давались довольно легко. Он торопился, наступали сумерки, нужно было засветло разыскать больного. По всем признакам студент прозябал в этой покосившейся пятистенке. Геодезист резко дёрнул за дверную ручку, дверь распахнулась, неожиданно раздался оглушительный девчоночий визг. Оробевший, Иван словно застыл на месте, затем он стал протискиваться в дом, за ним вплотную следовали сподвижники, распирало любопытство, такого визга они не слышали давно. На стенах висели экспедиционные плакаты по технике безопасности — вначале бригадир подумал, что попал на свою базу партии. За перегородкой, на кровати, лежала девушка. Услышав скрип открывающейся двери, она закричала, вскочила. Каштановые распустившиеся волосы прикрывали одну сторону лица. Она была до того испугана неожиданным появлением посторонних людей, что не могла вымолвить ни единого слова, её тёмные округлённые глаза гляделись в лица незнакомцев.

Иван заметил завязанную белой тряпкой ногу, сразу догадался, что это и есть «клиент» со сломанной ногой, из-за которой они не смогли улететь к своим семьям. Уставший геодезист, обливаясь потом, уселся на скамейку, стянул со своей шевелюры головной убор, промокший от дождя и пота, и стал расспрашивать девушку. Её звали Ирина, она училась в Томском топографическом техникуме, проходила производственную практику в геологической партии, которая базировалась всё лето в этой заброшенной деревне. Полмесяца назад партия закончила полевые работы, готовились вылетать на вертолёт. Дождливая погода не позволяла прилететь вертолёту. Десять дней назад погода прояснилась, прилетели сразу два вертолёта, один из Ханты-Мансийска, второй из Нягани. Вертолётная площадка не позволяла приземлиться сразу двум вертолётам, поэтому один вертолёт делал круги над деревней, а второй загружали, стараясь мгновенно заполнить тяжёлыми образцами, в него заскочило несколько работников, и вертолёт улетел в Ханты-Мансийск. После этого приземлился вертолёт, в него загрузили оставшееся оборудование и на его борту разместились

последние работники. В этот период была такая неразбериха, спорили, кому, на каком вертолётёте лететь. Дело в том, что второй вертолёт летел до Нягани. Обещали, что через пару дней их перевезут в Ханты-Мансийск. Геологи понимали, что в такие непогодные дни они могут попасть домой не через пару дней, а через пару недель. В процессе этой сутолоки Ирина вспомнила, что забыла в доме свой паспорт, хранившийся под клеёнкой на столе, поэтому помчалась в дом. Схватив паспорт, она выскочила из дома, прыгнула с противоположной стороны крыльца, чтобы сократить путь, и приземлилась неудачно, вскочила, — в глазах помрачнело, упала. Очнулась, была тишина, моросил дождь. Сильно болела нога. Одежда становилась промокшей. Ползком перебралась в дом. Начались дни ожиданий, знала, что хватятся, когда все соберутся вместе в Ханты-Мансийске. Дожди шли не переставая. Желудок был пустой: столовая находилась в соседнем доме; предполагала, что там что-то осталось, потому что вертолётёты ждали давно, но они прилетели сразу оба, поэтому на такие экстренные сборы никто не рассчитывал.

Студентка отломил крайние дощечки у стола, приложила их к больной ноге и крепко-накрепко замотала шпагатом и тряпками, вспомнив это из занятий по гражданской обороне. После этого смогла сползть в столовую, там, действительно, кое-что сохранилось, даже обнаружила три банки сгущённого молока. Практикантка рассчитывала, что вот-вот прилетит вертолёт, но его не было. Через несколько дней появился охотник с собаками, он уходил на зимний промысел в горы. У него имелась радиостанция — он пообещал, что передаст сообщение о больной своему руководству. Охотник выделил чуть-чуть продуктов из своих запасов, посетовав, что у него их не так много. Он торопился, поэтому сразу же удалился в горы.

Один из рабочих признался, что в те годы, когда он отбывал заключение в лагерях, ему пришлось однажды доставлять по тайге подобную поклажу. Он заявил, что у них не хватит силёнок унести студентку до деревни, до которой расстояние было более пятидесяти километров, поэтому он предложил сконструировать волокушу. Для этого срубили две берёзки толщиной у основания около десяти сантиметров, затем связали их, получилось в виде оглоблей для саней. В эту упряжку становился один человек, а двое в пристяжке помогали по бокам. Кроме волокуши, сделали носилки, которые были предусмотрены для преодоления водных препятствий, которых в маршруте было огромное количество. Ирина подсказала, что от деревни имеется хорошая тропа; девушку уложили на волокушу с носилками, и бригада отправилась в далёкий сложный маршрут.

За первый день удалось пройти всего пятнадцать километров. На второй день продвижение осложнилось, пошёл дождь. Геодезист чувствовал, что тропа уводит их в другое направление. В конце концов, решили идти без тропы, повернув в сторону деревни. Дождь усиливался. Путь преградила широкая река, — пришлось делать плот. Водную преграду осилили с большими трудностями. Дождь не прекращался. С деревьев обрушивались потоки дождевой воды. Промокли все до основания. Большая дрожала, пояснив, что она сильно замёрзла. Пришлось делать стоянку. Попытались разжечь костёр, но появилась новая проблема: оказалось, что спички у всех промокли. Положение становилось критическим. Иван, промокший до ниточки, не мог равнодушно смотреть на посиневшую студентку. Он отправился по берегу реки и вдруг обнаружил тропу; ускоренными шагами он стал быстро удаляться по этой тропе в глухие заросли с надеждой, что, возможно, она выведет к какому-нибудь пристанищу. Интуиция не подвела. В затаённых зарослях геодезист увидел строение. Приблизился — вокруг дома были установлены деревянные статуи разных размеров. Ивану приходилось встречать в Заполярье подобные мансийские святилища, но это было сооружено в древние времена. Сгрудившиеся почитаемые идолы были молчаливыми свидетелями вековых традиций коренных жителей этого сурового таёжного края. Они, словно застыли в вечном карауле, почернев от векового дежурства, хотя надёжно были защищены от дождевых потоков.

По всем признакам верующие здесь бывали и в далёкие времена, и совсем недавно; об этом свидетельствовали скопившиеся олени рога, которых сгрудилось около дома огромное количество. Очевидно, оставались от жертвоприношений. Внутри святилища выделялся идол, выстроганный из дерева, величиной он был в половину человеческого роста. На его голове возвышалась корона с многочисленными золотистыми блёсками. У входа стоял огромный глиняный кувшин с изображением идола для жертвоприношений, в котором виднелись медные и бронзовые монеты. Пол храма был устлан оленьими шкурами. Всё это навеяло далёкой древностью. Хотелось застыть в этой тишине вместе с идолами, которые и здесь расположились вдоль стен.

Иван обрадовался, увидев посередине жилища печь, на которой лежал коробок со спичками. Печка была заполнена дровами; геодезист вспомнил, что такой обычай существует в охотничьих сибирских избушках. Он зажёл дрова, они громко затрещали, повеселевший Иван отправился за своими путниками. Он возвращался радостно, шёл быстро, не обращая внимания на ливневые потоки, обрушивающиеся с ветвей задетых им деревьев. Наконец добрался.

Его сподвижники сгруппировались под густой елью. На волокуше лежала студентка, закрытая брезентом, её закутанная нога была неприкрытой. На неё скатывались с ветвей крупные капли воды. Рядом сидели съёжившиеся рабочие и помощник. На них обрушивались ливневые струи леденящей воды. Их страдальческие, скорбящие лица были фиолетовыми.

Бригадир скомандовал, что перекур закончился, он впрягся в оглобли, сдёрнул с места волокушу. Практикантка взмолилась, прося оставить её под деревом; она предложила идти им одним, а потом забрать её, когда перестанет дождь и появятся дополнительные помощники. Рабочие и помощник тоже отказались вставать, заявив, что натёрли ноги и дальше передвигаться не могут. Они стали упрашивать бригадира идти ему одному.

Глядя на посиневшие лица коллег, залитых струями леденящей воды, на их безразличные взгляды, Вицан вспомнил про страшную трагедию, которая случилась месяц назад в конце августа в соседней экспедиции, когда при такой же ситуации замёрзла бригада, состоявшая из четырёх человек. Замерзли они один за другим, пройдя три, пять километров, были мокрые, спичек не было, передвигаться не было сил, оставались сидеть в тундре среди кочек. Замёрз и бригадир Евгений Баранский, который имел уже приличный опыт, проработав семь лет, в апреле этого года был награждён медалью. Температура воздуха была около ноля градусов. Вспомнив тот ужасный эпизод, Ивану сделалось страшно.

Иван, вдохновлённый обнаруженным мансийским святилищем, громко заявил, что совсем рядом имеется дом, гам гонится печь. Все отнеслись к этой информации недоверчиво и безразлично. Геодезист резко потащил волокушу и заявил, что самостоятельно избу им не найти. После этих уверенных слов люди зашевелились, начали подниматься, потянулись за волокушей. У бригадира, словно появилось второе дыхание, он один тащил волокушу, его партнёры кое-как за ним успевали.

В доме было уже тепло. Люди, сгорбившись, продрогшие, молча входили в дом, озираясь и вглядываясь в армаду идолов, стоявших вдоль бревенчатых стен редкостного таёжного святилища. Все находились в каком-то заторможенном состоянии. Затащив носилки со студенткой, Иван отправился за дровами, которые находились под навесом вблизи дома. Возвратившись, Иван заметил, что работники начали отходить. Снимали одежду, выжимали воду, но на идолов не вешали, относясь к ним с большим почтением.

На второй день все заявили, что здесь нужно оставаться до тех пор, пока не прекратится дождь. Появилась новая проблема — закончились продукты. Три дня прожили в святилище. Иван каждый день проделывал

маршруты по тропе, однажды он вышел на большое открытое кочковатое болото, усыпанное красной клюквой. Рано утром геодезист долго прислушивался к каплям дождя, вдруг он понял, что дождь не идёт. Поторопился на улицу, трава и деревья были покрыты инеем, температура резко понизилась, установилась хорошая погода, поэтому бригадир командовал готовиться в маршрут на болото за клюквой. Кое-как удалось уговорить ослабевших коллег продолжить маршрут. Добравшись до болота, все набросились на клюкву.

В какой-то момент донёсся гул. Все стали вглядываться в синеву неба, по которому проплывали белоснежные облака. Показался вертолёт, он сделал круг и приземлился рядом с людьми. Из дверного проёма выскочили бородатые мужчины, они подбежали к студентке и стали её обнимать. Это были руководители геологической партии, в которой проходила практику Ирина. После этого они загрузили в салон носилки и забрали геодезическую поисковую бригаду.

В дальнейшем Ивану Дмитриевичу Вицану довелось работать в должности начальника партии. Потом он возглавлял экспедицию в Тюмени, работал начальником экспедиции в Свердловске, ему было присвоено почётное звание «Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации». Много было сложнейших экспедиционных случаев у бывалого первопроходца, но чаще всего он вспоминал затерянное мансийское святилище: если бы не оно, то неизвестно, как закончилась бы его жизнь и жизнь находившихся с ним спутников.

Выжил в потайной женской келье

Начальник Свердловского аэрогеодезического предприятия Алексей Васильевич Духновский получил тревожную радиограмму из экспедиции, в которой сообщалось, что из бригады самовольно ушли студенты, проходившие производственную практику. В тексте было подробно описано место нахождения бригады. Духновский достал из сейфа топографическую карту и стал рассматривать местность, на которой бригада выполняла топографо-геодезические работы. Оказалось, что этот регион «окутан» потрясающими, трагическими событиями. Свежа была в памяти трагедия гибели девяти студентов из Уральского политехнического института под руководством Дятлова. В период расследования этого трагического случая в предприятие обращались следственные органы, чтобы выдали им топографические карты с подробной ситуацией. Духновскому однажды пришлось побывать с секретными картами разных масштабов и аэрофотоснимками у первого секретаря обкома партии А.П. Кириленко: он со своими помощниками интересовался местом, где погибли девять туристов. Предварительно начальник предприятия досконально изучил по картам местность, собрал все сопутствующие материалы.

Местность залесённая, заболоченная, — ориентироваться очень сложно. Деревень мало, большинство из них нежилые. Видимость открывается только с вершин Уральских хребтов, которые в большей степени каменистые с изобилием гигантских останцев. Некоторые из этих каменных нагромождений у жителей Крайнего Севера считаются священными. Восточные склоны хребтов покрыты более густым лесом, чем западные. Духновский при беседе с руководством обкома рассказал, что экспедиционные бригады часто обращаются за помощью к местным жителям — манси, которые живут в таёжных долинах рек в одиночных юртах, избах, иногда группируются по несколько семей. Часто манси работают в наших экспедициях оленеводами со своими оленями. Для экспедиционных работ манси являются прекрасными тружениками: среди россиян трудно подобрать людей, знающих условия сложной, таёжной жизни, удалённых от цивилизации, способных постоянно находиться в маршрутах в любую погоду, умеющих разжечь костёр в проливной дождь и преодолеть горную реку, а после этого не заболеть.

Перебрав карты, Духновский решил срочно ехать на местность, тем более в разгар полевых работ все руководители оказались в экспедиционных бригадах. Главный инженер Ю.А. Русаков вторую неделю находился в

полевых бригадах Тюменского региона, там скопилось более семидесяти геодезических и топографических бригад.

К приезду Духновского в Ивдель собрались руководители экспедиции, начальники партий, бригадиры и проинформировали начальника предприятия о случае, который произошёл несколько дней назад. Два студента Томского топографического техникума проходили производственную практику. Бригада состояла из пяти человек: возглавлял бригаду опытный геодезист, в состав бригады входили оленевод, по национальности — манси (у него имелось тринадцать оленей), рабочий и два студента, которые в период приезда в экспедицию просили отправить их вместе в одну бригаду. Звали обоих Иванами, поэтому маленького ростом стали звать Ваней, а высокого — Иваном. Со своими обязанностями они прекрасно справлялись, отношения со всеми были нормальные. В процессе ежедневных маршрутов приходилось преодолевать огромные расстояния, к такому ритму студенты за два месяца привыкли, весь груз перевозился на вьючных оленях.

Три дня назад они вдруг попросили оставить их в палаточном лагере на три дня, чтобы заполнить дневники о производственной практике. Лагерь располагался около заброшенной юрты Собянина, на левом берегу реки Пелым. Бригада в усечённом составе отправилась на ближайший геодезический знак. Возвратилась бригада спустя три дня, поздно вечером, но студентов в палатках не оказалось. Обнаружили записку, которую вручили Духновскому, в ней было написано: «Нас не теряйте, мы решили вновь подняться в исток Лозьвы, побывать на месте гибели Дятловцев, а затем отправимся домой».

«Это безумие, — вырвалось у Духновского. — Туда более ста километров по тайге, без тропы». Выяснилось, что продуктов они взяли совсем мало. В Ивделе организовали центр по поиску студентов, несколько поисковых бригад отправились по разным маршрутам в сторону хребтов Урала. В первый же день в техникум отправили срочную телеграмму, чтобы выяснить у родителей, не появились ли сбежавшие студенты. Из Томска приехал директор техникума П.А. Болотов; он поведал, что прекрасно знает этих Иванов, — оба отличники и активисты во всех общественных делах. Духновский с Болотовым включились в поисковую бригаду, в которой проходили производственную практику потерявшиеся студенты. Всё снаряжение уложили на вьючных оленей и пешком отправились в стокилометровый маршрут. Передвигались по таёжным зарослям вблизи берега Пелым. Местность для передвижения оказалась весьма сложной: между стволами деревьев густые заросли кустарников и притом под ногами постоянно хлюпала вода. В этой заболоченной тайге было несметное

количество комаров, которые с яростью набросились на приехавших в тайгу новичков. От надоедливых комаров отбивались олени и люди, особенно жалко было олешек, они утопали в болотной жиже, иногда вязли, падали, приходилось снимать сёдла и вытаскивать испуганных рогачей из грязи, а они в этот момент старались уткнуться своей головой под мышку людям, чтобы освободиться от впившихся беспощадных комаров.

В юрте Хандыбина, расположенной на левом берегу реки Пелым, обнаружили исхудавшего Ваню. Он рассказал, что после того, как они с другом ушли из бригады, прошло семь дней. Продукты давно закончились. Студент поведал, что они с Иваном в процессе учёбы в техникуме увлеклись туризмом и мечтали побывать в местах, где погибли девять туристов на Урале. Месяц назад при выполнении геодезических работ они находились совсем близко, и тогда друзья загорелись подняться на склон трагической горы, но производственные маршруты удалялись всё дальше и дальше — ушли далеко. Практика подходила к концу, поэтому решили уйти и посетить легендарные склоны Урала, чтобы рассказать друзьям об историческом перевале и сфотографироваться. Для этого маршрута долго готовились, но никому не говорили, зарисовали с карты маршрут и нанесли на схему все имевшиеся избышки и юрты, в которых планировали ночевать. Спальные мешки не брали, собирались за три-четыре дня добраться до хребтов. На третий день пошёл дождь, пытались идти, но с деревьев вода обрушивалась лавиной, одежда сразу становилась насквозь мокрой. В это время возникли разногласия, один стал настаивать перевалить через хребет и продолжить путь по долине Лозьвы, а второй предлагал идти по берегу реки Пелым до самых истоков, тем более появилась прекрасная тропа. В конце концов решили идти каждый своим путём и встретиться на склоне Уральских хребтов.

Иван отправился через водораздел к Лозьве, а Ваня по тропе устремился на север. В это время пошли дожди. При переходе через горную реку Ваня повредил ногу, порвал связки, наутро нога распухла, усилились боли, не мог ступить. По схеме поблизости должна быть юрта. С большими трудностями добрался до юрты и начал заниматься лечением. На костре грел воду и на распухшую ногу прикладывал горячие тряпки. Постепенно боли стали притупляться, в это время закончились продукты. Продолжать путь с больной ногой и без продуктов было бессмысленно.

По всем признакам, юрта была обжитой, поэтому студент надеялся, что скоро появятся хозяева, которые смогут оказать помощь. Летом приходилось несколько раз встречать местных жителей, они очень гостеприимные и в случае какой-либо беды всегда оказывали помощь. На это и рассчитывал практикант, но кочевники не появлялись. Единственным питанием была

берёзовая чага, которая хранилась в юрте. Голодный и больной, пришелец постоянно кипятил воду, заваривал чагу и целыми днями наслаждался коричневым напитком. Через несколько дней наступила такая слабость и головокружение, что он с трудом приносил в котелке из реки воду. Положение становилось тревожным, когда услышал перезвон колокольчиков на оленях, обрадовался, что в юрту возвращаются хозяева. Увидев директора техникума, Ваня сник, поняв свою грандиозную провинность. Болотов, наоборот, находился в радостном состоянии, что Ваня жив. Студент рассказал о разногласиях со своим другом, поэтому сразу решили изменить направления маршрута. В первую очередь сварили уху и стали отпаивать исхудавшего практиканта. Передвигаться он не мог. Оленевод предложил студенту своего ездового оленя. Ваня уселся на рогача верхом, и бригада отправилась в дальнейшее путешествие. Неожиданно набрали на торную тропу, которая уводила караван на северо-запад в сторону Уральских хребтов. Движение приостановилось из-за проливного дождя.

В это время из соседней поисковой бригады по радиостанции «Недра», которую первый год стали внедрять в экспедиционных условиях, пришло сообщение, что манси обнаружили в потайной женской келье костлявого, долговязого, обросшего парня. Болотов с Духновским сразу изменили направление маршрута в сторону безымянного ручья. Через день состоялась встреча. Два Ивана бросились друг к другу навстречу и, обнявшись долго стояли, молча, со слезами на глазах. Мансийские жители рассказали, что крохотный домик, в котором поселился студент, у коренных жителей Крайнего Севера называется «Манькол» — маленький терем, в него приходят женщины в период родов и месячных. Домик сооружается в удалении от жилья. Избушка совсем маленькая, но в ней имеется всё необходимое для рожениц и менструирующих женщин.

Иван поведал, что после того, как закончились продукты, идти становилось сложно. Несколько дней шёл голодным, в день проходил совсем мало. В дождливую погоду не передвигался. Компаса не было, поэтому заблудился. Через семь дней набрёл на маленькое строение, скрытое в густых зарослях. Пол был устлан оленьими шкурами шерстью наружу. Студент удивлялся, для кого построена такая миниатюрная избушка, хотя в ней всё было предусмотрено, чтобы жить даже в холодное время года. Имелась печь и кое-какая посуда для одного человека. Практикант долгу осматривал жильё с надеждой обнаружить что-нибудь съедобное. В подвешенном к потолку кожаном заплечном мешке вдруг он обнаружил юколу — вяленую рыбу, а в отдельном свёртке хранилось сушёное мясо, похожее на коричневые стручки фасоли. Иван набросился на ароматные мясные запасы, которые оказались даже слегка прокопченными. Все дни

студент питался этими продуктами, стал готовиться к продолжению задуманного маршрута, предполагая, что Ваня уже ждёт его на склоне Уральских хребтов.

Дальше продолжили рассказывать манси. Одной молодой мансийской жительнице приспичило ночью рожать, она отправилась в этот потайной роддом. Приоткрыв дверь, она почувствовала в келье живое существо. Это существо зашевелилось, закричало. Испуганная женщина заревела, взмолилась и с визгом бросилась в стойбище. Через некоторое время около избышки появились собаки, они, громко лая, вращались около одинокого строения. Мужчины стали стучать в дверь, раздался оружейный выстрел, из домика выполз трясущийся человек. Мансийские охотники намерены были его застрелить — ведь этот наглец осквернил терем, которым имеют право пользоваться только роженицы и менструирующие женщины, но остановил расправу аксакал. Разожгли костёр и стали расспрашивать у долговязого парня, кто он, откуда попал в эти края. Перепутанный, плачущий студент, заикаясь, поведал, что он работает в экспедиции, заблудился, набрёл случайно на это строение.

Утром в стойбище появилась поисковая бригада, а затем подоспели и Болотов с Духновским. Все вопросы удалось уладить мирным путём. Больше всех обрадовался директор техникума, что его студент живой. Он сделал заключение, что Иван остался живым, потому что ему на пути попала эта женская келья с продуктами, иначе он бы не выжил.

Геодезиста обвинили в добыче женьшеня

Геодезист Тимофей Пак взвалил на свои костлявые плечи огромный рюкзак с ароматными сухарями, изготовленными из запашистого деревенского хлеба, оставшиеся сухари поместил во вьючную сумку, взял её в руки и отправился в далёкий таёжный путь. Ноша оказалась габаритной и увесистой, поэтому Тимофей сразу пошёл размеренной походкой. От пекарни дорога вывела парня на мост через горную, гроыхающую по каменистым порогам реку, далее ухабистая тележная дорога стала извиваться среди вековых деревьев по берегу реки вниз по её течению. Тимофей свернул на едва заметную тропу, которая была когда-то проложена в верховья реки к её истокам.

Неожиданно навстречу вышел милиционер, на нём был плащ защитного цвета, капюшон прикрывал его шевелюру. За сотрудником следовал бородатый мужчина, держа в руках двустволку. Милиционер потребовал предъявить документы. Геодезист стал пояснять, что он работает в экспедиционной геодезической бригаде в должности помощника, в посёлок приходил за сухарями. Документы находятся в палатке, до палаточного лагеря нужно идти два дня. Сотрудник поинтересовался фамилией и национальностью скитальца. Тимофей ответил, что фамилия его Пак, национальность — кореец, пояснив, что он заканчивает учиться в Новосибирском институте инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии, здесь на Дальнем Востоке проходит преддипломную производственную практику. Милиционер не очень внимательно слушал студента, считая, что у корейца такой ответ заготовлен на все случаи жизни.

— Гражданин Пак, признайся, где спрятана твоя фанза и укромная поляна с женьшенем? — После таких странных вопросов в суженных щелках глаза у Тимофея потемнели. Тем временем блюститель порядка всматривался в грязную одежду экспедиционного работника, которая не внушала доверия в принадлежности к какой-либо экспедиции. Геодезист пояснил, что в бригаде случилась беда: в процессе переправы через реку промокли сухари, которые новой сушке не поддаются, поэтому бригадир инженер-геодезист Борис Белоусов отправил его и двух рабочих в деревню за сухарями. Во время маршрута путь преградило урочище сгоревшего леса, его пытались обойти, но пространство оказалось огромным — побоялись сбиться с маршрута, поэтому пробирались через горелый лес. Одежда стала изодранной и испачканной, при подходе к деревне делали попытки почистить спецодежду, но сажа была настолько въедливой, что куртки от

чистки водой стали выглядеть ещё хуже. Намокшие пятна придали вид одежде весьма безобразный. Очевидно, именно вид рабочих, во главе с корейцем, навёл деревенских жителей на мысль, что группа занимается хищнической добычей женьшеня; тем более, в июне начиналось цветение женьшеня и искатели углублялись во все безлюдные уголки дальневосточной тайги.

В пекарне к экспедиционной группе отнеслись вполне доброжелательно, работницы пояснили, что первая партия сухарей будет готова через два дня, а сухари из чёрного хлеба — через три дня. Тимофей решил рабочих с сухарями отправить в бригаду, а сам дождался оставшейся партии и по зарубкам на стволах деревьев, сделанными бригадой несколько дней назад, отправился в двухдневный маршрут. Милиционер не верил корейцу, он сказал, что двадцать лет работает в этих местах, ни разу не встречал корейцев, работающих в экспедициях, да ещё на руководящих должностях, зато каждый год ему приходится вылавливать корейцев, занимающихся сбором женьшеня в этот период летнего сезона. В начале июня женьшень начинает цвести, а к середине августа цветы становятся ярко-красными и плоды к тому времени полностью созревают. Тимофей пояснил, что он вырос в Узбекистане, в пригороде Ташкента, его мать корейка, она работает председателем хлопководческого колхоза, и он никогда не видел женьшеня и никакого отношения к наживе на этом целительном растении не имеет.

Сотрудник предложил корейцу поехать с ними в соседнее село, где располагалось правление и отделение милиции. Геодезист только сейчас увидел в зарослях лошадь, запряжённую в телегу. Студент много раз делал попытки доказать то, что он действительно работает в геодезической экспедиции, но милиционер даже не хотел вникать в тонкости его пояснений.

В это время в палаточном лагере Белоусова началось беспокойство. В назначенный день студент Пак в бригаду не вернулся. На второй день бригадир с рабочими вынужден был отправиться в деревню. Шли строго по затёсам, тщательно осматривали броды через реки. На ночлег остановились в охотничьей избушке, в которой должен ночевать Тимофей. Инженер осмотрел кострище и сделал заключение, что студент здесь не ночевал. В золе среди углей сохранились окурки, Борис знал, что практикант не курил. Бригадир был в недоумении, возмущался, почему студент принял решение отправить рабочих, а через три дня отправился один, хотя знал, что одному передвигаться по тайге категорически запрещено. У Белоусова появлялось подозрение, что студент поссорился с рабочими и они могли убить его, поэтому бригадир постоянно заглядывал во все скопления сучьев, стволов

упавших деревьев, ям от вывороченных деревьев. В одном ущелье, осматривая сильно наклонённое гигантское дерево, бригадир вдруг обнаружил медвежью берлогу. Она была сооружена под поднятым корневищем увядшей лиственницы. Инженер пролез в отверстие, похожее на амбразуру, но в берлоге никаких признаков человеческих останков не обнаружил, днище было устелено толстым слоем мха. Появился страх, поэтому постарались из густых зарослей поскорее уйти.

Борис знал Тимофея ещё по институту. Белоусов учился курсом старше, активно занимался спортом, помнил, что Пак увлекался боксом в лёгком весе, поэтому физически он был крепким и легко переносил все таёжные невзгоды.

В пекарне женщины рассказали, что кореец отправил рабочих, чтобы не голодовал бригадир. Дождавшись последней партии сухарей, он погрузил их на себя, а остатки положил во вьючный мешок и отправился через реку по мосту в свой таёжный маршрут. Работницы пекарни с любопытством смотрели на бравого, светловолосого руководителя экспедиционной бригады, у которого на груди висел бинокль, на боку громоздилась новенькая кожаная полевая сумка, а из-под куртки виднелась кобура с пистолетом. Теперь жительницы посёлка убедились, что кореец действительно работал в экспедиции, — их подозрения и предположения о его причастности к сбору женьшеня исчезли.

Бригадир был в растерянности, и вновь бригада отправилась в маршрут в свой палаточный лагерь. Теперь появилась версия, что студент сбился с маршрута. Дальневосточная тайга коварная, заблудиться очень просто. Бригада сделала заключение, что помощник заблудился в тот же день, потому что он в охотничьей избушке не ночевал. Стали анализировать все проходы от дерева с зарубками до следующего ствола со свежим затёсом, вспоминали, кто из рабочих делал метку топором, таким образом восстанавливали весь цикл передвижения и нанесённых на стволы деревьев меток. Вдруг в одном ущелье обнаружили зарубки, сделанные каким-то другим человеком, появилось предположение, что студент сбился и отправился по этим затёсам. Ускорили шаги по этим зарубкам. Они уводили совсем в противоположную сторону, теперь бригадиру было понятно, что Тимофей ушёл по ложному маршруту. Таёжные заросли порой становились непроходимыми, переплетены лианами. Шли по ним полтора дня. Неожиданно зарубки привели к огромной фанзе, построенной на берегу небольшого ручья, но в ней никого не было. Внутри были разбросаны старые вещи, изогнутые алюминиевые миски, изношенная обувь.

Один из рабочих в бригаде был жителем Дальнего Востока, он сразу сделал заключение, что здесь живут корейцы, которые занимаются сбором

женьшеня. Рабочий предупредил, что следует быстро отсюда уйти, чтобы не застали их хозяева. При появлении корейцев можно в свои места не вернуться. Группа отправилась в свой палаточный лагерь с надеждой, что Тимофей уже находится там. К великому сожалению, студента в палатках не было. Озабоченная, бригада сразу же отправилась на базу партии. Путь предстоял далёкий, но другого выхода не было. При подходе к базе партии Борис встретился со своим студенческим другом Володей Герштейном, который с бригадой продвигался на базу партии. У него тоже случилась беда — сбежал рабочий, очевидно, заблудился, его искали несколько дней, решили доложить начальнику партии.

Два инженера сидели у начальника партии, обсуждая план поиска студента и рабочего. Дело в том, что бригады работали рядом, но по разные стороны хребта. В это время на базу партии приехал главный инженер отряда Л.М. Фомичёв, с ним был студент Пак. Тимофей подробно рассказал, как его арестовали в тайге, обвинив одинокого корейца в хищническом сборе женьшеня. Оказалось, что в округе было много укромных мест, на которых выращивали женьшень, и эти группы сборщиков травы возглавляли корейцы, которых поймать не могли. Когда Пак появился в посёлке, то деревенские жители были уверены, что это главарь одной из группировок, и сообщили в соседнее село милиции. В отделении милиции Тимофей несколько раз переписывал объяснение, его намеревались заставить, сознаться в своих незаконных действиях по сбору женьшеня. Пак сумел настоять, чтобы сотрудники милиции позвонили руководству отряда и убедились в его причастности к работе в экспедиции. После телефонного разговора главный инженер отряда Фомичёв отправил телеграмму в краевое управление внутренних дел, в которой сообщил о скандальном безобразии со стороны районного отдела по делу незаконного задержания студента Пака Тимофея.

Дело в том, что в те годы Главное управление геодезии и картографии находилось в подчинении Министерства внутренних дел, поэтому к телеграмме отнеслись очень ответственно. Арестованного Пака доставили в геодезический отряд для опознания. Главный инженер прекрасно помнил лицо студента, потому что долго беседовал с ним перед отправкой на полевые работы в бригаду Бориса Белоусова. Измождённое лицо уставшего корейца вначале показалось Фомичёву совсем другим, но, как только он со студентом заговорил, сразу его вспомнил и подтвердил, что это их работник, который числится помощником в геодезической бригаде инженера Белоусова. Более недели Пак был арестованным. После этого Фомичёв и Пак приехали на базу партии. Главному инженеру пришлось заняться поиском сбежавшего рабочего. Бригаду Белоусова тоже подключили на

поиски. Много маршрутов было проложено поисковыми бригадами, но обнаружить рабочего не удалось.

Глубокой осенью, когда закончился полевой сезон и бригады все были расформированы, вдруг в отряде появился потерявшийся летом рабочий. Он разыскал инженера Герштейна и поведал, как это всё летом случилось. Во время таёжных ежедневных маршрутов по крутым залесённым и стланиковым сопкам рабочий понял, что ему не выдержать полевой сезон, а отрывать от работы бригаду не захотел, поэтому решил исчезнуть потихоньку. На второй день побега заблудился, продукты подходили к концу. Однажды пришлось вплавь преодолеть широкую реку, спички промокли, костёр разжечь не смог. Переночевал в мокрой одежде под деревом, после этого заболел. Голодный, больной брёл несколько дней, пока не потерял сознание.

Очнувшись, долго не мог понять, где он находится. Это была корейская фанза, в ней жили несколько человек, они занимались сбором женьшеня. У них имелись укромные участки, на которых они выращивали целительные растения. Хозяева фанзы рассказали, что их собака обнаружила у ручья под деревом парня, который находился без признаков жизни. Корейцы сумели вылечить юношу, а потом пришлось отрабатывать до появления снега — так он попал в рабство. Когда выпал первый снег, хозяева вывели рабочего с завязанными глазами до тропы, дали в дорогу продуктов, указали, в какую сторону держать путь до первой деревни.

В экспедиции рабочему причиталась небольшая сумма заработанных денег, поэтому рабочий пришёл к своему бригадиру Владимиру Герштейну за деньгами.

Гость из скита

Встревоженный, Яков вздрогнул от внезапного злого лая собаки, умчавшейся в заросли ущелья. Яша, торопясь, отправился в палатку за своей двустволкой. Вначале конюх подумал, что на вечерний огонёк костра пожаловал медведь, но лошади спокойно пощипывали траву, об этом свидетельствовали равномерные, монотонные звуки колокольчиков, висевших на шеях лошадей. Они сразу бы почувствовали появление хозяина тайги. Оставалось загадкой, кто мог нарушить вечернюю тишину, разбудившую собаку, которая спала у костра, свернувшись клубком. Конюх стал предполагать, что с гор спустилась бригада, но они рассчитывали возвратиться только завтра к вечеру, да и в такую тёмную пору им нет смысла бродить по таёжным зарослям. Найда продолжала настойчиво лаять, хотя она находилась далеко и звуки еле доносились. За весь полевой период собака так не была встревожена, как случилось в этот вечер. За лето она много раз оказывала помощь бригаде. Скоро предстояло прощаться с Найдой. Попала в бригаду собака случайно. Яков выбирал лошадей для своей бригады, выбор в колхозном дворе был не велик. Требовалось забрать четыре лошади для использования их в перевозке экспедиционного снаряжения на вьючных сёдлах. Выезжая верхом из скотного двора, лошадь чуть не наступила на перебежавшую дорогу взлохмаченную собаку. Колхозный конюх вдогонку крикнул экспедиционному работнику: «Забери её, она ничейная, в тайге пригодится». Яков приостановил лошадь, собака уселась на обочину дороги и пристально стала смотреть на седока. «Найда, а Найда, пойдём с нами в тайгу, там тебе будет лучше», — проговорил Яша. Конюх понукнул лошадь, караван тронулся, а за ним пристроилась и бездомная собака. В течение всего лета она была рядом с конюхом. Обычно бригада уходила на несколько дней в горы, а Яков оставался с лошадьми в палаточном лагере, несколько раз бригада пыталась забрать в маршрут собаку, но она, очевидно, усвоила правило, что оставлять одного своего хозяина нельзя.

В дневное время во время маршрутов всей бригады бывали случаи, когда Найда где-то подолгу лаяла. Яков стал отличать по интонации и напористому голосу лая, на кого она тявкала, несколько раз удавалось застрелить глухарей, которых облаивала Найда. Однажды собака пригнала в лагерь дикого оленя, Яков находился один и не успел его даже внимательно рассмотреть. Был такой случай, когда в лагере оставалась одна Варвара, — её бригадир оставил для оформления накопившихся материалов, конюх тоже

уехал с бригадой на лошадях. Девушке оставили собаку и ружьё. Вечером неожиданно залаяла Найда. Варя вооружилась и отправилась на лай собаки. Стрелять ей приходилось во время учёбы в техникуме, стреляла в стрелковом тире. Преподаватель настаивал, чтобы она постоянно ходила в тир на занятия, поясняя, что у неё прекрасно получается, но Варя знала, что в жизни это не пригодится.

Варвара шла быстро: собака не только лаяла, но иногда визжала, кто-то её обижал. Вдруг девушка увидела свору волков, которые напали на Найду, стрелять в них было опасно, под пулю могла угодить собака, один волк находился в стороне. Варя прицелилась и выстрелила, волк перевернулся, остальные серые хищники сразу же исчезли. Убитый волк оказался небольшой, очевидно, совсем молодой. Возвратившаяся бригада была удивлена, когда увидела застреленного серого хищника.

Конюх был доволен, что ему досталась такая умная собака, но сожалел, что не сможет забрать после полевого сезона её с собой в дом, в котором он жил.

Собака не переставала лаять, тогда Яков решил облегчить ей положение, он выстрелил, и лай вскоре прекратился. Через некоторое время Найда возвратилась, она долго смотрела на своего хозяина, возможно, она что-то хотела своим взглядом передать, затем зевнула и улеглась на своё любимое место вдали от костра.

Утром, как только рассеялась темнота, Яков отправился проведывать лошадей, которые паслись недалеко на поляне, потому что вечерний разъярённый лай не давал покоя конюху всю ночь. Лошади были все на лужайке, спокойно пощипывали сочную зелёную травку. Успокоившись, Яков стал разжигать костёр, заварил чай из своих любимых таёжных травок, магазинную заварку он не признавал. Разогрел оставшихся в сковороде зажаренных вечером хариусов и приступил к завтраку.

Вдруг Найда вновь оживилась и с громким лаем бросилась в ущелье, убежала она опять в то же место, в котором была поздно вечером. Этот лай конюха сильно обеспокоил, пойти одному в ущелье он не отважился. Собака лаяла, но не с таким остервенением, как вечером. Через некоторое время конюх почувствовал, что лай приближается к палаткам. Яков зажал в руке ружьё и стал всматриваться в ущелье. Неожиданно послышался человеческий голос, который старался успокоить собаку. Конюх, взглядываясь в идущего с ружьём мужчину, был чрезвычайно удивлён, откуда здесь в безлюдной тайге появился человек. Незнакомец приблизился к палаточному лагерю, Яков узнал парня — это был Варлам из старообрядческого скита, в котором геодезическая бригада останавливалась в начале полевого сезона. В староверческом ските проживало три большие

семьи. Молодое поколение этих семей никогда не видело посторонних людей, поэтому на экспедиционных работников смотрели с настороженностью и старались близко не подходить. Бригадир геодезической бригады инженер Иван Тишкин встречал и раньше в таёжных глубинках подобных отшельников, поэтому воспринял кержаков спокойно, представился аксакалу, пояснив, что в течение недели или двух экспедиция будет работать в округе, а потом перебазируется через водораздел в соседнее ущелье и там предстоит работа до конца сентября. За полторы недели Яков хорошо познакомился с кержаками. Он постоянно оставался в палатках, поэтому у него была возможность с жителями подружиться. Глава скита Перфилий рассказал конюху, что в далёкие времена они ушли в безлюдную тайгу с семьями, забрав свой скот, который хотели у них конфисковать. С тех пор в деревню ни разу не показывались, привыкли к такому образу жизни. Охотничьи припасы им поставляют жители из скита, которые живут ближе к посёлку, они иногда встречаются с лесником, который является дальним родственником главы того скита. Яков давал кержакам лошадей для распашки новых участков земли. Семьи имели лошадей, но со временем поголовье стало сокращаться, двух оставшихся лошадок загрызли в зимние святки волки. Лесные люди приспособились к таёжной жизни, они выращивали овощные и зерновые культуры, необходимые для питания и одежды. У них имелся простейший ткацкий станок, одежда на взрослых и детях была серого и коричневого цвета. В избах вся мебель была изготовлена из кедров, полы застелены самоткаными дорожками, в переднем углу висели иконы и разложены старинные книги в кожаных переплётах. Перфилий в детские годы получил церковное образование, поэтому всех детей в ските он призывал научиться читать.

Варлам — единственный житель скита, который осмелился прийти к вечернему костру, около которого суетился конюх. Парню исполнилось двадцать пять лет, он интересовался жизнью за пределами их скита. Яков рассказывал обо всех государственных событиях в стране и о насущных проблемах. Некоторые моменты, происходившие в государстве, Варламу были непонятны. Одновременно конюх расспрашивал об укладе старообрядческой жизни. Беседы продолжались до глубокой ночи, а после этого парень приходил к своим, и его с интересом слушали все жители скита. Это всё происходило более двух месяцев назад. Конюху не понятно, с какой миссией юноша пришёл в экспедиционный лагерь, проделав путь по тайге длиною в пятьдесят километров. Варлам признался, что он сильно полюбил их помощницу — Варвару. Теперь конюх вспомнил, что в процессе работ около скита однажды бригадир с рабочими отправился в горы на три дня, нужно было заново продублировать небольшую часть измерений,

инженер оставил помощницу в лагере для оформления материалов, которых накопилось значительное количество. Вечерами приходил Варлам, тогда и познакомились они. Юноша пообещал в конце сентября прийти в ущелье к Варваре, но она не очень верила, что такое может случиться. Варваре нравились кристально чистые отношения таёжного юноши, хотя она не представляла, как могут сложиться их отношения. Он для девушки был интересным собеседником, хотя много было наивного, но в этом-то и был смысл чистосердечных разговоров.

Яков рассказал, что девушка закончила учёбу в топографическом техникуме. Выросла она на Алтае в небольшом посёлке, отец рано умер, мать ушла из жизни год назад, старшая сестра Варвары ушла в монастырь. Конюх охарактеризовал Варю как трудолюбивую девушку. Юноша заинтересовался, почему Яков готовит завтраки, обеды, моет посуду, делает всю женскую работу, хотя в бригаде имеется девушка. Конюх разъяснил, что она специалист и выполняет более сложную работу, даже когда все укладываются спать, она у костра продолжает заниматься вычислениями и оформлением материалов. Для этого она училась в техникуме четыре года, да ещё в школе десять лет. В бригаде каждый работник занимается своей работой. Всё это парень воспринимал с большим трудом. Якову не нравилось, что Варвара была необщительна, немного замкнута, излишне молчалива, но об этих качествах он Варламу не говорил.

К вечеру, когда тайга начинала успокаиваться, вдруг собака вскочила и с радостным лаем помчалась встречать возвращающуюся с гор бригаду. У костра стояли Яков и Варлам; увидев пришельца из скита, Варвара покраснела, в её тёмных глазах с алтайским прищуром блеснула улыбка. Ужин был готов, Яков наварил ухи и нажарил рыбы, Варлам принёс своё угощение: солёные грибы, квашеную капусту и мёд в сотах. Ужин затянулся. Полевой сезон закончен. Бригада обсуждала план выхода из тайги. Планировали за четыре дня дойти до Енисея. После ужина все отправились по палаткам, а Варлам с Варварой сидели у костра до утра.

Утром Варвара вдруг сообщила бригадиру, что она уходит в скит. Для всех эта новость была совершенно неожиданной. Инженер растерялся, он не знал, как ему поступить, стал говорить, что он не имеет права возвращаться в экспедицию без предоставленной ему помощницы. Тем более ей нужно отработать три года после распределения, как молодому специалисту. Тишкин стал разъяснять, что его руководство экспедиции обвинит, что он оставил помощницу в тайге и передадут дело в прокуратуру. Стали сообща думать, как выйти из этого положения; геодезист понял, что Варвара решила на такой шаг окончательно, поэтому начал продумывать правильные пути выхода из этой ситуации. Варвара написала заявление на

увольнение и подробную объяснительную записку на имя начальника экспедиции. Девушка приложила прошение, чтобы причитающуюся ей зарплату перевели на Алтай бабушке.

Расставание было сложным. Тишкин испытывал душевную тяжесть, в его жизни такое случилось первый раз. Девушка практически была сиротой, впервые влюбилась, пошла на отчаянный шаг остаться жить в таёжном ските. Варлам в процессе расставания сказал, что если Варваре не понравится жизнь в ските, то они уйдут из тайги и уедут жить па Алтай к бабушке Варвары, — у Вари там имелось жильё.

Варвара обратилась к Якову, чтобы он подарил ей Найду, с которой девушке легче будет привыкать к новым условиям жизни. Конюх обрадовался, что преданная собака теперь приобретёт хозяев. Варя присела к собаке и, глядя её, долго убеждала, чтобы Найда пошла с ней в скит. У Якова от её ласковых, тёплых слов к бездомной собаке слезились глаза.

Личные вещи Варвары разместились в рюкзаке на широких плечах Варлама. Варя кликнула собаку, Найда поднялась и отправилась за Варварой. Бригадир остановил помощницу, снял с плеча своё ружьё и подарил его ей вместе с патронташем, заполненным заряженными патронами. Девушка заливалась слезами, она застегнула на своей тоненькой талии ремень, повесила на плечо ружьё, обняла своего бригадира и, не скрывая слёз, отправилась в далёкий новый жизненный путь, который ей был совершенно неизвестным. Бригадир, конюх и рабочие долго стояли, махая руками вслед уходящим в скит Варламу, Варваре и Найде. После грустных минут расставания инженер скомандовал завьючивать лошадей, и бригада двинулась в многодневный маршрут к берегам Енисея.

Ящерицы помогли кладоискателям

Караван навьюченных лошадей медленно пробирался по таёжной тропе. Впереди шёл высокий стройный парень — инженеру Владимиру Плотникову впервые довелось возглавлять экспедиционную бригаду. Начинаящий инженер чувствовал себя неуверенно, поэтому он часто останавливался, подолгу всматривался в карту, затем вытаскивал компас и сверял путь следования. Он знал, что тропа выведет в заброшенный посёлок золотоискателей, но иногда ему казалось, что тропа поворачивает в другую сторону. В деревне, из которой бригада отправилась в летнее путешествие, инженеру рассказали, что когда-то к золотоискателям была проложена прекрасная тропа, по ней доставляли продукты, снаряжение, вывозили золото, но постепенно запасы драгоценного металла стали иссякать, людей в таёжном прииске оставалось всё меньше и меньше. Наступил процесс ликвидации последних работ — неожиданно приехали верхом на лошадях сотрудники милиции, они арестовали директора. Оставшиеся рабочие были в недоумении, им ничего не оставалось делать, как уйти из посёлка, в котором когда-то проживало значительное количество работников.

В заброшенном посёлке геодезической бригаде предстояло задержаться на две недели. Бывший прииск приютился на берегу горной реки, вокруг ущелья чередовались вершины гор, некоторые даже в летний период были покрыты снегом и льдом. На всех этих вершинах нужно было проделать геодезические измерения.

До нежилого посёлка оставалось около десятка километров. За бригадиром следовал конюх Егорович, ведя свою любимую лошадку. Егорыч — так его сразу стали звать все — был единственным работником в бригаде, который всю свою жизнь провёл в экспедиционных маршрутах, иногда работал в должности проводника, поэтому за ним укоренилась кличка Проводник. Остальные работники бригады впервые оказались в горно-таёжной местности, поэтому бригадир по всем организационным вопросам советовался с бывалым таёжником — так ему посоветовал начальник партии. Егорыч поторапливал бригадира, ссылаясь на то, чтобы засветло успеть до приисков.

Перейдя через небольшой ручеёк, тропа вдруг раздвоилась, бригадир остановился, раздумывая, по какой из них направиться. Егорыч в этот момент приотстал. Усиливался порывистый ветер. Неожиданно раздался треск, сверху свалилась вершина сухого дерева, острым концом она пропоролла инженеру плечо. Владимир от неожиданного удара упал, из

разодранной куртки виднелось окровавленное плечо. Подоспевший Егорыч скомандовал, чтобы развьючили его лошадь и достали аптечку, а сам начал очищать рану от трухлявых соринки гнилого кедра, пронзившего плечо до костей. Володя задумался, что не повезло ему с работой: всего два дня находился в маршруте, один вечер провёл у костра и вдруг такая напасть. Даже не добрался до места работы. Плечо ныло, кое-как удалось остановить кровь, хотя она постепенно сочилась, настроение было упадочным. Обработав и забинтовав рану, бригада продолжила движение.

Сквозь густые заросли показался просвет, перед посёлком раскинулась огромная поляна с густой сочной травой; увидев луговое раздолье для лошадей, конюх воспрянул и показал место, где стали расседлывать лошадей и устанавливать палатки. Владимир заявил, что на этой стоянке им предстоит задержаться на пару недель, поэтому палатки нужно устанавливать основательно. Под спальные мешки наломали еловый лапник, костёр обосновали на берегу журчащей реки, окопав его канавками.

Полужинав, Егорыч предложил бригадиру осмотреть рану, остальные рабочие после трудного маршрута разбрелись по палаткам. Сполохи костра прекрасно освещали округу. Внимательно осмотрев рану, конюх заявил, что завтра нужно обязательно найти ящерицу, чтобы окончательно остановить кровотечение. Владимир был удивлён таким сочетанием: кровь и ящерица, как можно остановить кровь с помощью ящерицы. Проводник поведал, что во всех своих экспедиционных походах ему приходилось использовать ящериц, — такому излечиванию научила его колдунья, которую он всю жизнь вспоминает благодарными словами. Бывалый таёжник поведал, что в молодые годы угораздило его затолкать руку в волчью нору, хотел изловить волчонка, которого он загнал в отверстие в земле, но руку пришлось выдернуть мгновенно, окровавленной, её располосовала волчица. Егорыч показал бригадиру запястье, на котором выделялся глубокий шрам. Долго тогда не заживала рана, посоветовали обратиться к колдунье, она была дальней родственницей, поэтому отказать в помощи не смогла. Из раны постоянно сочилась кровь. Колдунья, водя костлявыми пальцами вокруг раны, внимательно всматривалась в искусанную руку, затем научила, как вылечить кровоточащую рану. В первую очередь она посоветовала остановить кровь — это самое главное, потом начнётся заживление. Метод оказался странный, в который Егорыч не очень верил, но вынужден был испробовать. Первая трудность состояла в том, что нужно было поймать ящерицу, потребовалось определённое время. Затем начинался сам процесс, которому научила колдунья. Егорыч обмакнул ящерицу в воду, после этого начиналась самая сложная процедура. Нужно было языком слизывать с ящерицы влажность и сразу же зализывать кровоточащую рану. Панцирная

кожа ящерицы оказалась жёсткой, колкой; по словам колдуньи, в чешуйчатом покрытии таятся целебные свойства, которые остановят кровь, и рана начнёт засыхать, а кожа будет затягиваться. После этой неприятной процедуры рана начала заживать. В последующие годы в экспедиционные маршруты проводник брал с собой хвост ящерицы, который помогал остановить кровь на небольших повреждениях на коже. Конюху приходилось ремонтировать сбрую для лошадей, поэтому бывали моменты проколов пальцев иглой или шилом, в этих случаях действовал совет колдуньи. В летний период в кармане хранился упакованный хвост ящерицы, но к концу полевого сезона он становился непригодным.

Конюху запомнился один случай, когда ему пришлось воспользоваться хвостом ящерицы. Однажды экспедиционный караван продвигался через маленькую таёжную деревушку. Остановились около магазина, чтобы закупить кое-какие продукты. Продавщица отнеслась к приезду экспедиции с большим уважением. Приостановила отпускать товары деревенским жителям. После того, как бригада рассчиталась за покупку, она обратилась к ней с просьбой, нет ли медицинских средств, чтобы остановить кровь; она показала забинтованный палец, пояснив, что солила капусту и располосовала палец, прошла неделя, а кровь сочится, и рана не заживает. Проводник согласился оказать помощь, он попросил стакан воды, затем обмакнул в воду хранившийся в кармане хвост ящерицы, хотя присутствовавшие деревенские покупатели не догадались, что это за целебный предмет. Кусочком бинта конюх промокнул влагу на хвосте, затем приложил влажный бинт на сочащуюся кровь. Такую процедуру экспедиционный работник проделал несколько раз, и кровотечение прекратилось на глазах сельчан. Все деревенские покупатели, а их собралось много, были очарованы и высказались, что это колдовство, а другие стали говорить, что геологи имеют такой камень, который останавливает кровь.

Через год Егорычу довелось вновь побывать в этой деревне, он перегонял лошадей для экспедиционной бригады. Его жители уговорили ночевать: он был не только желанным гостем, но и целителем. Двум детям нужно было остановить кровь, одному он помог, а у второго началось сильное нагноение, поэтому конюх настойчиво рекомендовал ехать в соседнее село, где имелся фельдшерский пункт, к врачу. Сельчане стали просить проводника вылечить другие болезни, но конюх пояснил, что он может только остановить кровь. На следующий день проводник рано утром отправился в путь, чтобы скорее исчезнуть от больных, которые поверили, что приезжий человек обладает таинственным волшебством.

Бригадир, наслушавшись рассказов конюха, немного отошёл от мрачных мыслей и, успокоившись, отправился на ночлег. Утром, позавтракав, бригада отправилась к месту первых измерительных работ. Бригадир с помощником забрали теодолит со штативом, два молодых парня расчехлили топографические рейки, рабочие вооружились топорами для прорубки визирок и всем составом приступили к прокладыванию теодолитного хода, который был запроектирован пройти через заброшенный посёлок. Проводник остался в палаточном лагере охранять лошадей. Он заявил, что для лечения раны у бригадира требуется ящерица; если кто поймает, тому будет вознаграждение — банка сгущённого молока. Этим сообщением Егорыч всех рассмешил. Прокладывать инструментальный ход по посёлку оказалось непросто. За многие годы безлюдный посёлок зарос бурьяном и кустарником, вместо прорубки, пришлось протаптывать крапиву, которая выросла в человеческий рост. Покосившиеся дома без окон и без дверей выглядели угрюмо. Чувствовалось, что когда-то дома были добротные, построены из толстых стволов лиственниц. Вокруг домов возвышались гигантские разлапистые деревья черёмухи, которые были высажены в те далёкие годы. Проходя с теодолитом мимо дома, на котором не было крыши, бригадир вдруг увидел ящерицу — он бросился за ней, но она мгновенно исчезла под высокое крыльцо. Всем составом начали искать ящерицу, рабочие рейками пытались вызволить её из-под дома. Время шло, а ящерицу поймать не удавалось. Бригадир предложил помощнику самостоятельно продолжить прокладывание теодолитного хода, тем более он заявил, что имеет опыт в этом процессе. Владимир остался около дома в ожидании этой чудодейственной животинки. Он уселся на покосившееся крыльцо и стал всматриваться в завалинку, на которой травка была незначительной. В какой-то момент выскочила огромная ящерица, она была гораздо крупнее той. Инженер наготове держал куртку, он сумел накрыть ею ороговелое чудовище и, обрадовавшись, отправился к Егорычу.

Конюх по отработанной программе тщательно протёр роговые чешуйки тампоном из марли, а затем стал промокать края рваной раны. Для уверенности бывалый таёжник проделал эту процедуру несколько раз. После того, как лечение закончилось, Егорыч взялся за хвост ящерицы, она убежала, а хвост остался у проводника в руках, — этого он и хотел. На следующий день кровотечение прекратилось, рана начала подсыхать. В последующие дни бригада отправилась в горы. Обычно уходили на два-три дня, проделав измерения на каскаде гор, возвращались, набирали продуктов и вновь отправлялись в очередной маршрут. Однажды спустились с гор, а у Егорыча гости — два парня, они представились туристами. Пришли они в эти места пешком, рассказали, что когда-то их отец работал на этих

приисках, его в живых уже нет, а сыновья мечтали побывать здесь давно. В этом году представился летний отпуск, вот и решили обследовать посёлок, которым командовал их отец.

На следующее утро бригада отправилась в горы. Через три дня возвратились. Туристов не было, Егорыч объяснил, что они живут в посёлке, один дом подремонтировали и обосновались в нём. Конюх выведаль туристов, с какой целью они решили посетить такую таёжную, безлюдную глухомань. Оказалось, пришли они сюда искать клад, который когда-то остался от отца. Вначале парни об этом не говорили, несколько дней занимались поисками клада, но когда убедились, что не смогут найти сокровища, стали готовиться в обратный путь — перед возвращением домой раскрыли тайну своего путешествия Егорычу. Они поведали, что в те далёкие годы их отца обвинили в каких-то махинациях, присудили большой срок тюремных лагерей. Сыновья выросли без отца. Из тюрьмы отца доставили больным, он был парализован, говорить не мог, руки тряслись. Иногда у него появлялось прояснение, он узнавал жену и сыновей. Мать говорила, что на приисках у отца должно было спрятано золото, в те времена рассчитывались с работниками золотом, а его арестовали, и золото она так и не видела.

Как-то вечером собрались сыновья и мать и начали медленно расспрашивать больного отца про золото. Мать нашла фотографии о приисках, как на лошадях во вьюках вывозили золото из тайги. Увидев на фотоснимках таёжный посёлок, золотоискатель улыбнулся, очевидно, вспомнились былые времена. Жестикуюлируя руками, сыновья пытались выяснить, был ли у отца клад. Вдруг он стал мычать и кивать головой. Мать посоветовала нарисовать дом и показать ему. Дома все были одинаковые, три окна в улицу. Удалось установить, что клад захоронен под средним окном. В тот вечер не удалось уточнить, как найти этот дом. Отец устал и не смог больше реагировать. На следующий день ему сделалось хуже, и больше подобных прояснений до конца его жизни не было. Мать на приисках никогда не была, поэтому она помочь в этом вопросе не могла.

Когда Егорыч выслушал парней, сразу стал спрашивать, а знают ли они, что существует поверье о поиске клада в тех местах, где живут ящерицы. Братья про такой метод слышали, но ящериц в посёлке не видели. Конюх рассказал, что бригадир видел около одного дома маленькую ящерицу, а вскоре поймал на завалинке того же дома большую ящерицу. Парни ждали возвращения с гор бригадира, чтобы он показал дом, в котором живут ящерицы. Конюх выстрелом из ружья дал сигнал, что бригадир спустился с гор. Вскоре кладоискатели появились в палаточном лагере. Владимир разьяснил, что дом легко обнаружить: он единственный, около которого

имеется коновязь. Парни подтвердили, что дом такой они видели, но не догадались, что стойка для привязывания лошадей на открытом воздухе могла быть около дома руководителя приисков.

На следующее утро кладоискатели появились в геодезическом лагере очень рано, они торопились, чтобы засветло успеть добраться до ближайшего посёлка. Парни сообщили, что мечта их сбылась, клад они нашли. В знак благодарности они подарили Егорычу тульскую дорогостоящую двустволку, а Владимиру массивную золотую цепочку. Кладоискатели поблагодарили геодезическую бригаду за оказанную помощь и оставили сибирскую лайку, которая оказалась на редкость умнейшей собакой: она в течение лета много раз спасала геодезистов от разных неприятностей.

Пророчество кержаков

Инженеру-геодезисту Виталию Осинному в тот год пришлось работать в бассейне горной порожистой реки. Плавный инженер экспедиции Н.М. Агеев настаивал обеспечить бригаду Осинного вьючным транспортом из четырёх лошадей. В конце концов, было решено: в качестве транспорта выделить для бригады лодку с мотором. В процессе работы Виталий убедился, что на лошадях в этой тайге работать было бы очень сложно: совсем нет травянистых лужаек, лошадей кормить нечем, лесными зарослями покрыты все склоны и вершины гор. В бригаде работало два рабочих и моторист — Николай. Имелся ещё один рабочий, но он заболел; подозрение было, что его укусил энцефалитный клещ. Больного вывозили на моторной лодке, в весенний период была большая вода в реке, пороги были под водой, поэтому удалось за неделю доставить больного в ближайшее село сравнительно быстро. Деревень на участке не было никаких. Тайга безлюдная, посёлки сосредоточились по берегам только больших рек: Подкаменная Тунгуска и Нижняя Тунгуска. Запас продуктов на экспедиционный период был заложен в лабазы, которые создавались в весенний период, когда имелась возможность делать посадки на вертолёте на замёрзшую реку.

Организация полевых работ была чётко отработана, никаких сбоев не происходило. Инженер с рабочими уходил на вершины гор, проделав измерительные работы; бригада возвращалась к берегу, проплыв на лодке несколько километров; геодезист со своими спутниками вновь поднимался в горы к пунктам триангуляции. Для Виталия этот полевой сезон был первым после окончания института, юноше нравилась профессия, дикая природа с её мирными обитателями. Однажды удалось увидеть на противоположном берегу реки медведицу, которая в мелкой заводи, в тёплой воде, купала своих маленьких питомцев, они были величиной с кошку. Виталий установил в кустах теодолит с сорокакратным увеличением и долго любовался забавными материнскими методами купания медвежат. Малыши стремительно выскакивали на травянистый берег, она, вцепившись в загравок, тащила непослушного малыша в речную заводь, дойдя до глубины с полметра, медведица окунала его, затем отпускала, и медвежонок скоропалительными движениями своих коротких лап продвигался к берегу. Выбравшись на солнечный береговой склон, взъерошенный младенец, проделывая судорожные движения, освобождался от излишней водяной массы. После этого медвежонок грелся на солнышке. Тем временем мать

отправлялась в заросли за вторым питомцем, вскоре она появлялась, таща малыша, который брыкался, дёргаясь лапами и головой, издавая какие-то звуки недовольства. Последовала такая же процедура. Завершив процесс купания малышей, медведица пошла в более глубокий отсек заводи и погрузилась в тёплую застоявшуюся воду, но проплыла она совсем немного.

Выходя, она вдруг остановилась, на мгновение замолкла, словно стала прислушиваться, затем начала поворачивать голову в разные стороны. Хозяйка тайги была чем-то озабочена. Очевидно, её острое обоняние уловило постороннее присутствие в её лесных угодьях, поэтому она насторожилась. Медведица поднялась на травянистый косогор, малыши мгновенно поднырнули под мать, ухватились за набухшие соски и умолкли. Беспокойство у медведицы нарастало, кормящая мать, озабоченная появлением несвойственного существа в таёжных зарослях, решила увести своих младенцев в более надёжное глухоманное ущелье. Она некоторое время стояла, словно была окаменелой, потом сделала решительный шаг в сторону густых зарослей; медвежата выражали недовольство, затем они сцепились между собой в драку. Медведица молниеносно уgomонила их нежным ударом передней лапы — драчуны притихли и короткими прыжками последовали за матерью, перепрыгивая через полусгнившие стволы деревьев, которыми была устлана прибрежная местность. После этого Виталий долго сидел у костра, вспоминая материнскую заботу о малышах, сожалея, что не было такой фотокамеры, которая бы зафиксировала весь этот процесс общения с медвежатами хозяйки тайги.

До завершения экспедиционного сезона оставалось работ на один месяц. Продукты закончились, но порядок был отработан. Инженер с рабочими отправился в соседнее ущелье прокладывать теодолитный ход, планируя через четыре дня возвратиться, а Николай поехал на моторной лодке за остатками продуктов, которые находились в лабазе. Мотористу требовалось два дня, чтобы сплавить и доставить последние продукты, необходимые для завершения полевого сезона. На четвёртый день бригада торопилась, чтобы засветло добраться до палаточного лагеря, надеясь на горячий ужин, потому что в последние дни питались только сухарями и чаем. К великому удивлению, костра не было. Лодочника в лагере не оказалось. Когда убедились, что Николай в лагерь не приезжал, стало тревожно. Хотели сразу же отправиться к лабазу, но темнота не позволила передвигаться по лесу. Уснуть в ту ночь бригадиру не удалось: в голову лезли разные неприятные мысли; когда начало светать, сразу двинулись в маршрут, до лабаза идти нужно было дня два, но голод не позволял быстро передвигаться, рабочие часто останавливались на отдых. К вечеру половину пути осилили, остановились на ночлег на берегу реки, вблизи порога.

Бригадир долго всматривался в грозное зрелище порога, припоминая, что в мае они плыли на лодке по этой реке к истокам и никакого порога не заметили. Уровень воды находился на пару метров выше, обрывистых берегов не было, они скрывались под водой.

Рабочий, набирая в реке воду в котелок, вдруг обратил внимание на затонувшую изогнутую алюминиевую миску, он вытащил её и вспомнил, что такая миска находилась в лодке Николая, которой он иногда вычерпывал скопившуюся воду из лодки. Рабочий показал миску бригадиру. Виталий сразу понял, что это миска Николая, появилась мысль, что на пороге произошла страшная беда. Стали обследовать берег, нашли на песчаном берегу несколько банок с тушёнкой, это подтвердило, что моторист возвращался от лабаза, лодка была загружена продуктами. Стало понятно, что идти к лабазу нет смысла, продуктов там нет. Приступили к тщательному поиску Николая, понимая, что на пороге случилась беда.

Утром наткнулись на Николая, он лежал без сознания под деревом, у него была переломана нога, торчала оголённая кость, содрано плечо и на голове запеклась кровь. Нужно было больного срочно доставить в больницу, положение становилось безысходным. Голодные, уставшие, без продуктов и без лодки. Один из рабочих, по имени Захар, в полтора раза был старше по возрасту бригадира, имел большой опыт таёжных работ, несколько лет работал в тайге на лесоповале; он сразу предложил соорудить плот: другим способом больного в деревню не доставить. Сразу приступили к поиску брёвен по берегу для строительства плота. Очень пригодился топор, который прихватили в маршрут.

Виталий находился в растерянности, на него свалилось сразу столько неприятностей, он не знал, как выйти из этого замкнутого круга. Вспомнилось пророчество кержаков. В мае на моторной лодке поднялись к истокам реки, за несколько дней не заметив ни единого порога. Со всех ручьёв и речушек сливались гигантские потоки бурлящей воды. Прибрежные деревья стонали от натиска весеннего половодья. Добравшись до заданного ущелья, Виталий скомандовал расчехлить приборы, и бригада приступила к полевым топографо-геодезическим измерениям. На третий день бригада наткнулась на семью кержаков, проживающих в доме, срубленном под куполом сросшихся вековых кедров. Одичавшие отшельники никогда не видели посторонних людей. Они прятались, старались рассмотреть пришельцев украдкой, раздвигая занавески на окнах и через щели сарая, наконец, глава семьи — рыжебородый Изосим осмелился выйти. Он поинтересовался, каким путём люди пробрались в эти непроходимые места. Кержак пояснил, что на реке столько порогов, что на лодке пройти по ним невозможно. Захар объяснил, что в реке много воды,

поэтому порогов не видели. Кержак ответил, что на обратном пути придётся испытать непроходимость порогов, едва ли они смогут выпустить их живыми. Выйдя на берег, Николай показал Изосиму новшество, завёл мотор и сделал круг по водной глади реки. Кержак крестился, сказав, что эта нечистая сила уничтожит всю рыбу в реке. Семья была недовольна появлением экспедиционных работников. Затворники прожили здесь не один десяток лет. На второй день, сворачивая палатку и спальные мешки, экспедиционные люди увидели ещё одного человека. С реки шла светлорусая девушка с массивной косой, через плечо было перекинута коромысло с двумя деревянными вёдрами, наполненными водой. Девушка старалась не смотреть в сторону экспедиционной группы. В это время из дома вышел Изосим, он направился к пришельцам. Кержак рассказал, что в их семье самый старый человек — это его мать; никто не знает, сколько ей лет; она несколько лет не встаёт с кровати, болеет, но разум не теряет, предвидит все события. За два дня до появления экспедиции она говорила, что к их жилью приближаются люди, они едут на странных санях по реке, но на её высказывания не обратили внимания, зная, что людей в этих местах никогда не бывало. Сегодня провидица сказала, что у этих людей скоро заболит один человек, затем со вторым случится беда, а через год уйдёт на тот свет руководитель этой группы. Виталий и его подчинённые посмеялись над высказыванием старушки, но вскоре действительно заболел рабочий, — решили, что это совпадение. Когда случилась беда с Николаем, инженер задумался, понимая, что пророчество кержаков сбывается. Николай постоянно бредил и просил пить.

Соорудив плот, сразу отчалили, больного уложили на лежак, изготовленный из еловых лапок. Два порога пришлось миновать по берегу, больного перенесли на носилках, а затем волоком по побережью перетаскивали плот. Добравшись до деревни, удалось дозвониться до руководства экспедиции — приехал главный инженер Агеев и организовал отправку больного на вертолёт в Красноярск, в больницу. Виталий рассказал Агееву о пророчестве кержаков.

Дело в том, что предсказание кержаков продолжилось: через год в аэропорту Красноярска был смертельно травмирован Виталий Николаевич Осинный обломком лопасти вертолёта.

Эту историю мне рассказал В.А. Лазаренко, работавший тогда начальником этой экспедиции.

Таёжный узник

Не успели топографы обжиться на новом месте в долине безымянной реки, под сводами вековых кедров, как к ним пожаловал гость из артели золотоискателей. С этой артелью топографы встречались накануне. Обросший, в изодранной одежде, парень, озираясь, стал упрашивать руководителя топографической бригады спасти его от смерти, пояснив, что банда золотоискателей увезла его в тайгу тайком, превратив парня в узника. Бригадир Михаил Порошин ответил, что в бригаде не хватает одного рабочего, поэтому предложил пришельцу поработать у них в бригаде. Сурен с большой радостью согласился и рассказал подробно, как он стал узником.

Несколько лет Сурен трудился в строительной бригаде, которая строила коровники в колхозах. Люди работали в этом небольшом коллективе из Армении, они знали друг друга, все были жителями одной деревни. Месяц назад закончили строить коровник в одном из сибирских колхозов. После того, как завершили строительство, приехало принимать стройку руководство колхоза. Обошли все отсеки этого громадного помещения. Председателю колхоза коровник понравился, давно мечтал о таком. Символически выпили за завершение строительства и поехали в деревню за получением расчёта. В коровнике строительная бригада жила несколько месяцев, поэтому вся одежда и инструмент находились в одном из выстроенных отсеков помещения. В бригаде имелась бензопила и много дорогостоящих инструментов. Руководитель бригады указал на Сурена, чтобы он остался в коровнике, готовил имущество для переезда в соседнюю деревню, там тоже предстояло строить коровник, но меньших размеров. Сурен собрал посуду и отправился на берег реки, чтобы помыть её и упаковать для транспортировки. Закопчённая алюминиевая посуда прекрасно очищалась речным песком, поэтому парень увлёкся этой работой и не заметил, как к берегу подошли пьяные парни. Они стали расспрашивать его, чем он занимается здесь в одиночестве, возможно, учится, как намывать здесь в песке золото. Сурен рассказал о завершённой работе, показав на выстроенный коровник. Выслушав парня, рыжебородый толстяк огромного роста предложил Сурену поехать к ним в артель — добывать золото. Парень отрицательно качал головой, пояснив, что ему эта работа нравится.

В это время ему набросили на голову полотенце, которое лежало рядом. Связали руки, ноги, при этом сняли сапоги, рубашку, побросали на берегу, а Сурена уложили на телегу. Парень пытался вырваться и сразу получал крепкие удары. Сурен, когда гости подходили к нему, обратил внимание, что

на берегу стояли две подводы, запряжённые по паре лошадей. Весёлая компания с выпивкой и песнями отправилась в дорогу. Ехали долго, иногда останавливались; один компаньон, самый молодой, он не выпивал, постоянно находился рядом, ему поручили охранять узника. В какой-то момент остановились надолго. С пленника сняли повязку с головы, развязали ноги. Теперь Сурен имел возможность рассмотреть своих захватчиков. Все они были крепкие, подвижные, постоянно сквернословили. Было件нятно, что руководил этой артелью рыжебородый, он подошел к Сурену и заявил, если возникнет попытка убежать, то две пули всегда догонят, он показал на двустволку, висевшую на плече. Он пояснил, что его армянские друзья поймут, что Сурен утонул, поэтому в любое время можно проститься с жизнью в этих таёжных просторах. Сурен задумался, понимая, что его жизнь находится на волоске от смерти. Кругом вековые деревья, стало件нятно, что от посёлка уехали далеко. Дорога закончилась, просматривалась еле заметная тропа.

На этой стоянке распрягли лошадей, навьючили на них весь груз, которого оказалось весьма много, и отправились пешком по таёжной тропе, проложенной по берегу реки. Через день добрались до реки с песчаными пологими берегами. Лошадей развьючили, и два человека на лошадях уехали обратно, Сурен завидовал этим людям и мечтал уехать с ними. В артели осталось шесть человек, Сурен был седьмой. Было件нятно, что эти люди здесь уже жили, имелись балаганы, которые сооружены были основательно. Рыжебородый не только командовал, но и активно работал сам. Из зарослей принесли лотки и прочие принадлежности для промывания песка и получения благородного металла. Сурену развязали руки, и один из компаньонов стал показывать, как нужно промывать песок. Работа оказалась тяжёлой, его поставили на самый трудный процесс. Сурен обратил внимание, что ружьё имел только главарь, а у остальных висели ножи, прикреплённые к поясам. У юноши, который охранял Сурена, торчал обрез, носил он его под курткой. Работа была изнурительной, работали с темна до темна.

Сурен мечтал об одном: как сбежать, хотя знал, что выбраться из этой тайги без продуктов невозможно. Рыжебородый обещал Сурену, что ему будет выделен пай намытого золота, как и остальным. Узник знал свою участь, — живым его не отпустят. Из разговоров было件нятно, что золото они моют в этом месте уже не первый год. На сотни метров песчаные берега были перелопачены несколько раз.

Когда на берегу появилась топографическая экспедиционная бригада с завьюченными лошадьми, золотоискатели всполошились. Они не ожидали, что в этих глухomanных местах могут появиться посторонние люди. Юноша,

охранявший Сурена, сразу постарался со своим подопечным скрыться за обрыв. Рыжебородый вышел навстречу экспедиционному каравану, пояснив, что они работают в Сибирском тресте изысканий, определяют запасы цветных металлов в песчаных россыпях и процент содержания золота. Руководитель экспедиционного отряда поведал, что они занимаются топографическими работами, и поинтересовался, имеется ли тропа по берегу реки. Рыжий здоровяк подробно рассказал о тропе, по которой они сюда добрались, и попросил спичек, пояснив, что у них они отсырели. Топограф стал шарить по карманам, золотоискатель внимательно смотрел на комплектацию бригадира: на груди висел бинокль, с одной стороны свешивалась полевая сумка, с другой — походная радиостанция, окрашенная в серебристый цвет, а из-под куртки торчала кобура с пистолетом. Михаил вытащил из кармана коробок спичек, передал его, и они тронулись в маршрут. У топографа остался какой-то неприятный осадок от встречи с рыжеволосым толстяком: его насторожённая и испуганные глаза вызывали к нему недоверие. Экспедиционный караван постепенно скрывался в густых зарослях, главарь стоял в растерянности, глядя вслед рабочим, ведущим лошадей, у каждого за спиной висело ружьё.

После того, как экспедиция исчезла, золотоискатели вылезли из укрытий, поспешили к своему руководителю. Они были перепуганы неожиданным появлением в этих безлюдных местах странной экспедиции, в которой почти все люди были вооружены. Сурена караульщик оставил без присмотра, этим моментом и воспользовался узник. Он, крадучись, мгновенно поспешил в заросли, стараясь уйти в ту сторону, куда отправился экспедиционный караван. Сурен осторожно обходил сучки, чтобы его хозяева не услышали их хруст — иначе ему смерть. Пригнувшись, не задевая свесившиеся сучья, он, торопясь, проникал всё дальше и дальше, приближаясь к экспедиционному отряду. Он понимал, что его бандитская гвардия сейчас гонится за ним. Сурен спешил, зная, что стрелять в него они не будут, потому что совсем близко находится вооружённый экспедиционный отряд. Наконец он добрался до тропы, сразу же перешёл на другую сторону и по зарослям устремился вдогонку каравану. Вскоре беженец услышал перезвон колокольчиков, подвешенных на шеях лошадей. Им овладела какая-то дрожь, он боялся приблизиться, потому что в экспедиции имелась собака, которая может загрызть незнакомца. Дрожащий скиталец передвигался поодаль. Вспотевший, он брёл и брёл, оглядываясь и прислушиваясь, не следуют ли за ним его хозяева.

Как только караван остановился на ночлег, Сурен решил сразу же пойти к руководителю, но боялся собаки. Собака бросилась на пришельца с громким лаем, но она не делала попыток укусить, поэтому Сурен смог

пройти в лагерь, который начал готовиться к ночлегу. Сурен стал рассказывать руководителю, а сам постоянно оглядывался, боясь, что обещанная пуля может его пронзить даже здесь. Вечером, когда тайга покрылась мраком, вдруг собака с надрывным лаем бросилась в лесные заросли, так как она видела ночью хорошо, это помогло ей отогнать преследователей вдаль от лагеря. Экспедиционные рабочие дважды выстрелили дуплетом, и над тайгой наступила тишина.

Утром, как только забрезжил рассвет, работники завьючили лошадей и отправились в далёкий маршрут, вглубь тайги. Бригадир сказал, что за пару дней они удалятся за тридевять земель. Сурен рассказал Михаилу, что он два года учился в строительном техникуме, немного приходилось работать с теодолитом и нивелиром. Бригадир научил Сурена записывать отчёты в журнале, и он стал работать в должности помощника бригадира. Сурен освоил многие процессы. Он поднимался на деревья, устанавливал вехи, делал разметки площадок при маркировке опознаков на залесённых вершинах. Производил все измерения при дешифрировании на реках и в лесных зонах. Сурен проработал в должности помощника до конца полевого сезона.

Перед выходом из тайги заболел бригадир, он простудился при переправе через реку. Ему пришлось нырять за вьюком, в котором находились документы летних измерений. После этого Михаил стал сильно кашлять, поднялась температура, начались приступы. В какой-то момент он потерял сознание. Бригаду пришлось выводить из тайги Сурену. За три месяца он научился ориентироваться. Троп никаких не было. Помощник взял в руки буссоль, топографическую карту и возглавил выход экспедиционного отряда. Маршрут оказался весьма сложный. Рабочие начали роптать, боясь, что Сурен уведёт их в противоположную сторону. Продукты закончились, поэтому рабочие находились в нервном состоянии. Как только появилась тропа, затем охотничья избушка, геодезисты успокоились.

В деревенском медпункте фельдшер сделал больному укол, через некоторое время топограф очнулся; он удивился, что они оказались в деревне. Сурен поторопился уехать в посёлок к друзьям, они должны были заканчивать строительство коровника.

Поздним вечером Сурен вошёл в отсек помещения, в котором сидели за ужином его коллеги. Обросший Сурен, стоя в дверном проёме, поздоровался на армянском языке. Все начали всматриваться в пришельца, он подошёл к столу и заговорил скороговоркой, так получалось только у него. Все бросились к нему, стали обнимать.

Коллеги поведали, что Сурена давно считали утонувшим. Приезжали из Армении отец и младший брат Сурена, установили скромный памятник на берегу реки. Строительная бригада приняла решение зачислить посмертно Сурена в бригаду и выплачивать зарплату родителям. До утра Сурен рассказывал о своих похождениях. Подробно остановился на моментах, когда его золотоискатели похитили: один из них схватил ружьё, принадлежавшее строительной бригаде, хотел присвоить, но главарь выхватил ствол и положил на место, пояснив, чтобы не было никаких улик, что кто-то посторонний здесь был, — тогда сделают окончательное заключение, что он утонул. Они даже сняли с Сурена наручные часы и положили их на берегу реки. Продумали они всё и в отношении одежды.

Утром Сурен поехал в Искитим (город в Новосибирской области) в экспедицию получить зарплату, рассчитаться и навестить больного бригадира.

При встрече с Михаилом он стал настаивать, чтобы Сурен пошёл учиться в Новосибирский топографический техникум, пояснив, что в эти дни там начинаются занятия. Топограф повторял много раз, что в этой специальности у Сурена прекрасно всё получается. Сурен поблагодарил своего бригадира за то, что он спас его от гибели тогда в тайге, приняв ответственное решение забрать в бригаду Сурена, и даже изменил маршрут передвижения, чтобы избавиться от преследования бандитской группы.

Сурен, прощаясь, сказал, что он и так подвёл своих земляков, поэтому ему нужно ехать и помогать строить новый коровник.

Безлюдный плот

Плот плыл по реке без людей. На сбитых брёвнах плывущего сооружения находилось несколько наполненных рюкзаков, разноцветная одежда, оранжевые спасательные жилеты, обувь. Плот проплывал мимо экспедиционной базы партии. Лодочник моторной лодки Василий Жигунов и радист Валентин в это время находились на берегу; они разделявали пойманного тайменя, который оказался слишком большим. Потратили около двух часов, вываживая эту гигантскую рыбину к берегу. Пришлось Валентину сбегать за ружьём, и только после того, как он сделал несколько выстрелов в голову этого чудовища, удалось вытащить тайменя на берег. Увидев плот без людей, парни остолбенели: в течение всего лета на реке не появлялось ни единой души, и вдруг такое сооружение. За сотни километров горная тундра, озёра, лесные массивы вокруг, и вдруг безлюдный плот, сколоченный из брёвен, с вещами, словно люди, увидев экспедицию, нырнули в воду. Работники находились в растерянности, не зная, какие предпринимать действия. Василий много лет проработал в экспедиции, приходилось попадать в разные ситуации — он предложил причалить плот. Завели лодочный мотор и проплыли вокруг бревенчатого сооружения, оно оказалось капитально сделано, на нём были разбросаны вещи, посуда, развешаны свитера, носки сушились на топоре, воткнутом в бревно. В закопчённом котле лежало несколько штук некрупных рыб, очевидно пойманных на удочку.

Валентин перепрыгнул на плот, и, удерживаясь за борт лодки, они стали буксировать безлюдное сооружение к причалу базы партии. Оно оказалось увесистым и поддавалось причаливанию трудно. Наконец удалось подплыть к пологой части берега и привязать плот верёвкой к стволу дерева. Внимание радиста привлек радиоприёмник: он был совсем миниатюрный, конечно, зарубежного производства. Валентин, имевший квалификацию радиста, быстро разобрался в нём, — и сразу же зазвучала музыка. Василий выразил недовольство, что Валентин взял с плота чужую вещь, но радист ответил, что послушает музыку и возвратит приёмник на место. Моторист предложил продолжить разделявание тайменя, но радист отказался, объяснив, что запачкал рыбной кровью свою рубашку, поэтому сейчас пойдёт греть воду для стирки.

В это время в небе послышался гул вертолёт. Оба работника были удивлены: начальник партии улетел на вертолёте в Игарку с отчётом на несколько дней, других вертолётов в этом безлюдном регионе не бывало.

Странно, что вертолёт летел с юга над руслом реки Северной. Василию иногда приходилось на вертолёте доставлять в бригады продукты, поэтому он изучил местность. Река Северная уносила свои воды на юг в Нижнюю Тунгуску, перед её впадением в Енисей, около Туруханска. Вертолёт долго кружил над базой партии, затем приземлился на вертолётной площадке, которая была вырублена два года назад в период строительства помещений под базу партии. Площадка располагалась совсем близко, вокруг находилось огромное скопление двухсотлитровых бочек с авиагорючим. Василий с Валентином отправились к вертолёту; приземлившись, пилот сразу же выключил двигатель. Моторист сделал заключение, что вертолёт прилетел надолго, коль заглушил и мотор. Из дверей выскочил высокий, черноволосый мужчина, подойдя к работникам, он спросил:

— А где мои водолазы? — Василий с Валентином переглянулись, пояснив, что здесь располагается база партии топографо-геодезической экспедиции, а начальник партии Агафонов улетел на вертолёте в Игарку. Мужчина, улыбаясь, сказал:

— Значит, они решили меня разыграть, я же плот их увидел с вертолёта? — Василий пояснил, что плот плыл по реке без людей, с помощью моторной лодки прибуксировали его к берегу. Гость улыбнулся, понимая, что его разыгрывают, и быстрыми шагами направился по склону к берегу, где был пришвартован плот. Один из гостей, поравнявшись с Василием, предупредил, что напрасно он такую шуточную версию выдал Ивану Васильевичу про отсутствие людей на плоту, там находилась его дочь с друзьями. Этот сподвижник спросил лодочника: знает ли он, какую должность занимает Иван Васильевич? Моторист ответил, что на базу прилетает только руководство из Игарки, а из Туруханска прилетел вертолёт впервые. Незнакомец продолжил свое нравоучение, пригрозил, что если тот такими шутками будет разбрасываться, то Иван Васильевич пересадит всех их в тюрьму.

Иван Васильевич уже рассматривал вещи на плоту. Вдруг он увидел на брёвнах кровь, и сразу у него появилось подозрение, что людей на плоту убили. В это время подошёл Валентин, его рубашка тоже была в крови. Прилетевший мужчина подскочил к радисту и начал допрашивать, откуда у него кровь, но ответа не захотел слушать, потому что обнаружил радиоприёмник на шее радиста. Он сорвал приёмник, пояснив всем, что этот подарок он привёз дочери из Японии и дочь брала его в это плавание. На берегу лежало ружьё. Он схватил его, открыл затвор и ощутил свежий запах пороха. Валентин ответил, что ружьё его и стрелял он пару часов назад, стал показывать на мосток, у которого он стрелял в тайменя. Разгневанный,

мужчина решил, что дочь с друзьями застрелены, а трупы находятся где-то в реке.

В это время грянул гром, экипаж завёл двигатель вертолѐта, прибежал бортмеханик, показывая на потемневшее небо, что срочно нужно взлетать. Мужчина приказал сопровождавшим его работникам забрать радиста, а того вдруг не оказалось: пока рассматривали вещи на плоту, он исчез. Теперь приезжие гости уцепились за версию, что виновен радист. Начались поиски сбежавшего Валентина. Василий возмутился, что напрасно Валентин сбежал, никакого отношения он к гибели туристов не имеет. Работники потребовали показать радиорубку Валентина, хотели изъять документы радиста. Моторист доказывал, что без начальника партии не позволит забирать какие-либо документы, но они пригрозили, что арестуют и его. Оказалось, что радист никуда не убегал, он сидел на своём рабочем месте в радиорубке и принимал радиogramмы от бригад, которые находились в маршрутах и на вершинах гор.

Разъярённый, руководитель прилетевшей группы выхватил телефонную трубку у Валентина и приказал увести его на борт Лодочник пытался объяснить, что радиста нельзя увозить, в тундре работает много бригад, должна быть ежедневная радиосвязь, но на Василия не обращали внимания. Вертолѐт улетел, Василий ругал себя, что виноват в этом он, когда предложил прибуксировать плывущий плот. Не было бы плота на базе партии и не было бы беды. Моторист никогда не заходил в радиорубку и не знал, как связаться с Игаркой и доложить начальнику партии о том, что остались без радиста.

На второй день Василий отправился на вертолѐтную площадку за бензином для заправки лодочного мотора; вдруг он увидел инженера-геодезиста Валеру Мицкевича с бригадой, который работал в истоках реки Северной, но он не должен выходить на базу партии — продуктами обеспечен, а выход должен был согласовать с начальником партии. Вслед за бригадой шли ещё несколько человек. Оказалось, это были те туристы, чей плот причален к берегу. Валера рассказал, что он с бригадой переходил с одной горы на другую через русло реки, на берегу заметили группу людей, — странно, они были в купальных костюмах. Приблизились, студенты рассказали, что они плыли на плоту и увидели склон, усеянный красной брусникой, причалили плот и стали собирать спелую ягоду, а когда вернулись к реке, плота не оказалось. На берегу на них напали комары, мошка, а одеты были в купальные костюмы: день был жаркий, поэтому на плоту загорали. Геодезисты оказали им помощь, у кого какая одежда была в запасе, — всю отдали туристам. За три дня до встречи со студентами Валере мать прислала посылку со свитерами, её доставили на вертолѐте, на

свитерах вышито «От Марины Адольфовны». Две девушки были одеты в эти свитеры. На всех не хватило обуви, поэтому ноги были обмотаны рукавами от курток и чехлами от спальных мешков.

Четвёрка туристов была благодарна Мицкевичу за то, что он вывел их к плоту. Сами они никогда не смогли бы выйти, тем более идти по лесным зарослям в купальных костюмах было невозможно, да и продуктов у них не было.

Василий рассказал, какая трагедия здесь разыгралась, что радиста арестовали по подозрению в убийстве людей на плоту; туристы были потрясены таким сообщением, они попросили срочно связаться с Туруханском. Валерий сумел связаться по радиостанции с начальником партии Виктором Николаевичем Агафоновым, находившимся в Игарке, и пояснил сложную обстановку, которая произошла в его отсутствие. Геодезист просил через аэропорт сообщить в Туруханск, что студенты находятся на базе партии, они искушены комарами, ноги у них в мозолях, ждут вертолёт. Непременно должны доставить радиста на базу партии. Начальник партии пообещал, что в отношении самоуправства чиновника он сейчас сообщит в соответствующие органы.

Через несколько часов прилетел вертолёт из Туруханска за туристами. Командир вертолёта рассказал, что радист отказался лететь на базу партии, его отправили рейсовым самолётом в Игарку. Также он поведал, что Ивану Васильевичу в полёте сделалось плохо. Его увезли на машине скорой помощи в больницу. Врачи установили диагноз — инсульт, до сих пор он не пришёл в сознание. Дочь, услышав такое сообщение, разревелась, её увели в вертолёт. Вертолёт с туристами сразу же улетел в Туруханск.

Вскоре прилетел из Игарки начальник партии Агафонов, он рассказал, что радист прилетел из Туруханска и сказал, что его заставляли написать признание в убийстве туристов, но когда поступило сообщение, что туристы живы, про радиста все забыли. У него не было денег и документов. Кое-как ему удалось улететь в Игарку. После всех потрясений он отказался лететь на базу партии и подал заявление на увольнение.

Прилетевший вертолёт увёз в горы бригаду Валерия Мицкевича, которому пришлось потерять время на туристов, выводя их из тупикового положения.

На базе партии в память о туристах остался плот, пришвартованный к берегу. Про этот плот рассказал экипаж туруханского вертолёта, — они доставляли в истоки реки рабочих, которые соорудили плот из брёвен в два яруса, затем рабочих вывезли, а туда завезли туристов. На этом плоту студенты отправились в плавание, через пару дней произошло происшествие, они остались без плота. Туристы доказывали, что плот кто-то

в воду столкнул, хотя в этих глухих местах людей никогда не бывало. Самые близкие населённые пункты: Туруханск и Игарка находятся за сотни километров.

Раненый кабан

Конюх Егорыч готовился в далёкий маршрут. Ему предстояло за два дня пригнать лошадей в бригаду, улетевшую на вертолёт в истоки Енисея. Перед отъездом начальник партии сообщил конюху, что ему нужно забрать студента, приехавшего сегодня, который будет проходить производственную практику в этой бригаде. Егорыч одобрительно отнёсся к этому сообщению: два дня перегонять пять лошадей по таёжным дебрям одному сложно. Утром появился практикант с рюкзаком и зачехлённым ружьём. Александр оказался словоохотливым парнем, он рассказал всё о себе и был рад, что ему предстояло добираться в бригаду верхом на лошади. Конюх поинтересовался, приходилось ли Саше садиться верхом на лошадь; он ответил, что в студенческие годы однажды отправляли их на уборку урожая в колхоз, возил копны сена на лошади верхом, поэтому опыт имеется.

Подобрав в колхозе лошадей, всадники купили пару мешков картофеля в деревне по заказу бригадира и отправились по таёжной тропе в двухдневный маршрут. У Егорыча имелась схема, на ночёвку планировалось остановиться на берегу озера. Тропа оказалась запущенной, по ней в последние годы мало проходило людей, упавшие деревья порой перегораживали путь, приходилось выискивать объезды, на это уходило много времени. Засветло все-таки успели добраться до озера. Солнце медленно спускалось за вершины деревьев. Рассёдлывая лошадей, напарники вдруг увидели летящих уток, которые опустились в камышах озера. Студент, задрав голову, произнёс: «На ужин бы не помешало с картошечкой». Конюх согласился, тем более, путать лошадей он не мог доверить практиканту. Александр схватил свою двустволку и отправился к озеру, спрятавшемуся в огромных пространствах камыша. До камышовых зарослей с километр. Юноша торопился, чтобы успеть засветло: хотелось порадовать Егорыча утиным мясом. Саше приходилось с друзьями ездить на охоту на водоплавающих птиц. Студент приблизился вплотную к жёлтым, камышовым зарослям, утопающим в болотной жиже.

Неожиданно вспорхнула стая уток, Александр успел выстрелить в летящих птиц, одна рухнула на берег. Селезень с атласной шейкой судорожно трепыхался у самой кромки болота. Саша схватил добычу и помчался к Егорычу. Ужин оказался прекрасным — свежая утятина с картошкой. У костра студент стал отпрашиваться на утреннюю зорьку, чтобы сходить в камыши, добыть парочку уток для бригады. Конюх согласился.

Охотничий азарт не давал покоя студенту — чуть стало мерцать, он отправился к озеру. Лес просыпался, где-то далеко прозвучали писки каких-то маленьких птичек, из камышовых зарослей донеслись булькающие звуки воды. Прошлогодний камыш находился в хаотическом состоянии, местами он был придавлен, поэтому появлялась видимость. Вдруг Александр увидел в жёлтых зарослях бурое шевеление, сразу осенило, что это медведь. От испуга всё тело покрылось гусиной кожей. Автоматически пальцы рук стали перебирать патроны — ведь в стволах заряды с мелкой дробью на уток. Присел на колени, стал перезаряжать ружьё, очевидно, шевеление донеслось до бурого чудовища. Поднялась огромная голова — это был кабан, с изумляющей скоростью он набросился на пришельца, Александр не успел даже вскочить. Фыркая, взбесившийся секач молниеносными движениями бросился на охотника, пропорол клыками ногу. Ожесточённость кабана не прекращалась. Саша прекрасно помнил отцовские возвращения с охот, тог рассказывал, как ему приходилось спасаться от секача на дереве, поэтому Александр сразу заторопился к дереву — странно: у дерева стояла лестница; он быстро поднялся, перед ним был настил, который готовили когда-то профессиональные охотники на кабанов. К счастью, здесь было безопасно. Саша стал стрелять в кабана, раненый секач сделался таким разъярённым, что даже на высоте трёх метров становилось страшно. Александр стрелял и стрелял, успевая вставлять в ружьё патроны с пулями. Ярость секача не унималась, уже и патроны с пулями заканчивались. В какой-то момент выстрел оказался убойным, животное упало. Саша боялся слазить, опасность не прекращалась. Патроны с пулями закончились. Несколько выстрелов сделал в лежавшего кабана картечью. Александру казалось, что кабан живой, этот страх удерживал его на высоком охотничьем настиле.

В это время Егорыч собрал лошадей, оседлал их, и вдруг раздались выстрелы, вначале он думал, что студент напал на стаю уток, но стрельба продолжалась долго. Конюх почувствовал, что множество прозвучавших зарядов произошли из-за каких-то непредвиденных обстоятельств или возникшей трагической опасности. Взволнованный непрерывной стрельбой, конюх схватил своё ружьё и быстрыми шагами направился в зону камышей. Сквозь кроны лесных сводов сочились просветы солнечных лучей. Он шёл, напряжённо всматриваясь по сторонам, сожалея, что нет на этот раз собачки. В деревне обещал один житель выделить на лето охотничью собаку, но когда к его дому подошли, пса не оказалось в будке; говорят, что собаки чувствуют такие моменты.

Подойдя к камышам, Егорыч окликнул Александра. Вдруг ответ последовал откуда-то сверху. Студент закричал, что внизу разъярённый кабан, застреленный, возможно, он живой. Конюх увидел практиканта на

охотничьих полатах. Внизу лежал распластавшийся кабан. Егорыч сделал два контрольных выстрела в кабана, после этого вплотную подошёл к нему. Взъерошенный студент спустился и долго смотрел на клыкастое чудовище. Саша рассказал, что не думал вступать в единоборство с этим гигантом, но он налетел так стремительно, что не было времени даже убежать, спас охотничий скрадок, который, вероятнее всего, строили для охоты на кабанов.

Увидев окровавленную ногу Александра, Егорыч заторопился возвращаться в деревню, но юноша категорически отказался, пояснив, что у него имеется специальный пластырь для таких порезов. У костра студент стал обрабатывать разорванную рану, а Егорыч разрубил тушу кабана на несколько частей, затем завьючил на лошадь, и они отправились в путь; путники торопились, нужно было засветло добраться до бригады. В бригаде встретили прибывших работников с большой радостью, оказалось, руководителю сообщили по радиации, что с конюхом отправили студента, поэтому для бригады такое пополнение не было сюрпризом.

Бригадир сообщил, что в этом месяце они должны поработать по-ударному, потому что через месяц самолёт начнёт выполнять аэрофотосъемку местности; к тому времени необходимо замаркировать все опознаки. Бригадир предложил Егорычу остаться и привести в порядок мясо, а он со всей бригадой верхом на лошадях уезжает на десять дней заниматься маркировкой. Конюху подобные работы не являлись новинкой, поэтому он сразу приступил к своим обязанностям. Сложность состояла в том, что во время перегона лошадей Егорыч очень торопился, поэтому кабана даже не ободрали. Устанавливались тёплые дни, Егорычу пришлось поторапливаться, чтобы мясо не испортилось. Разделявая мясо, конюх столкнулся со странным обстоятельством, в туше было много свинцовых пуль калибра — 16, но вдруг три пули были совсем другого калибра — 12. У Александра и у Егорыча ружья были одного размера — 16. Конюх промыл все пули, много раз примерял к патрону своего ружья, предполагал, что свинец сплюснулся до таких размеров, но форма не позволяла остановиться на таком варианте.

Через две недели бригада возвратилась с маршрута, Егорыч рассказал Александру о загадочных пулях в туше кабана, тот долго рассматривал пули и обнаружил на них метки, пояснив, что пули с этими метками были выпущены совсем из другого огнестрельного оружия. Появление пуль такого большого размера в туше секача осталось загадкой. Вскоре про загадочность пуль забыли. Мясо Егорыч сумел приготовить на летний период в разных вариантах. Часть он высушил и закоптил, небольшое количество засолил, и хранили это мясо в молочной фляге всё лето, опуская

на стоянках в холодные, родниковые ручьи. У каждого работника в кармане имелось копчёное мясо, которое было неотъемлемой частью в ежедневных маршрутах.

Полевой сезон закончился в середине сентября, бригада сумела уложиться в намеченные сроки. Основной состав работников был вывезен из тайги на вертолёт, а Егорыч отправился один на лошадях по маршруту, которым он приехал весной.

В колхозе Егорыч рассказал работникам, что напарнику пришлось застрелить кабана в камышах, который напал на студента, в туше были редкостные пули двенадцатого калибра. Колхозники поведали, что этот кабан был ранен деревенским охотником за неделю до приезда экспедиции. Охотник в той схватке сильно пострадал. Он много раз стрелял в секача, но выстрелы почему-то были не убойными. Охотник возвратился из тайги еле живой, с поломанной ногой и разорванными ранами, два месяца пролежал с загипсованной ногой. Зарёкся, что больше охотиться на кабанов никогда не будет. Егорыч повстречался с тем охотником, он извинялся, что не мог предупредить работников экспедиции, что в камышах находится раненый секач, он гораздо опаснее, чем медведь. Деревенские охотники планировали осенью отправиться на охоту и застрелить этого опасного, раненого кабана.

Егорыч, возвратившись в экспедицию, рассказал Александру о его редчайшем подвиге — ему удалось застрелить раненого секача, который для деревенских охотников стал устрашающим. Саша сказал, что охота на кабана стала самым запоминающимся эпизодом его производственной практики. Студент признался, что трудности таёжной жизни он еле-еле выдержал, несколько раз появлялось желание сбежать. Ежедневные подъёмы по крутым склонам залесённых гор, когда пот заливал глаза, а комары изъедали лицо, руки; кроме того постоянно ноги в кирзовых сапогах мокрые, утром в эти сапоги с трудом приходилось заталкивать ноги; особенно большие трудности студент испытывал в дождливую погоду. Маршруты не прекращали даже в ненастные дни. Александр сделал заключение, что после окончания института в экспедиционных отрядах он работать не будет. Егорыч тоже посетовал, что лето было очень сложным, у него сильно разболелась спина с тех пор, как поднимал кабана на лошадь.

Прошло две недели после отъезда Александра домой. Однажды работница отдела кадров сообщила Егоровичу, что ему поступила бандероль от Трофимова Александра. Конюх вскрыл упаковку, в ней была мазь для лечения радикулита. Александр написал, что эта мазь обязательно поможет и спина болеть не будет.

Встреча с отшельниками в тайге и в джунглях

Возвратившись из очередного маршрута, геодезист Владимир Буланакوف почувствовал недомогание. Болела голова, тошнило. В какой-то момент Володя обнаружил на теле впившегося клеща. Сразу появилось подозрение, что это энцефалитный клещ, поэтому возникли болезненные симптомы. Вспомнились сразу рекомендации врача, который перед выездом на полевые работы проводил в экспедиции лекцию; он разъяснял: надо аккуратно вытаскивать клеща из тела, чтобы не оторвать это насекомое от головы. Лектор говорил о том, что необходимо доставить пострадавшего в больницу, а вытасканный клещ передать туда же. Буланакوف находился со своей бригадой за сотни километров от больницы в далёкой заболоченной левобережной тайге Енисея. Над палаточным лагерем стыла ночная сумрачная тишина. Во мраке ночи пламя догоравшего костра освещало уставшие лица работников бригады, доедавших из мисок остатки гречневой каши. Густеющая ночная таёжная темнота находилась в подслеповатом свете луны. Утомлённые работники после ужина молча стали расходиться по палаткам на ночлег. Над притихшим лагерем пролетела с неприятно резкими звуками сова.

У костра остались Владимир и конюх Анисим. Бригадир признался, что обнаружил клеща в укромном месте, в паху. Конюх стал подбрасывать в костёр охапки дров, чтобы улучшить освещение. Геодезист начал стягивать одежду, температура воздуха была близка к нулю. В полумраке бликов костра заскорузлыми, холодными пальцами рук Володя пытался вырвать впившегося клеща, вначале он раскачивал туловище насекомого, как учил врач, много раз смазывал растительным маслом. В сложных таёжных условиях, при скудном освещении, сидя на земле, притом начал моросить холодный дождь, вытащить эту маленькую тварь оказалось сложно. В конце концов, удалось справиться с этой проблемой, но головка клеща осталась в теле. Геодезиста охватил страх: он вспомнил прошлогоднюю трагедию в соседней бригаде — впился энцефалитный клещ в рабочего, парня доставили в больницу, врачи спасли больного, но он остался инвалидом первой группы. В том случае бригада работала недалеко от населённого пункта. Буланакову добраться до Енисейска потребуется несколько дней. Анисим понимал паническое состояние своего руководителя: конюх по возрасту был в два раза старше, всю жизнь провёл в таёжных местах, вырос

в староверческой семье на заимке; он стал успокаивать бригадира. Конюх признался, что накануне он обнаружил в истоках реки семью старообрядцев, у них есть очень старая женщина, которая вылечивает любые болезни. Владимир рассмеялся, пояснив, что с этой болезнью даже врачи не могут справиться. Анисим рассказал, что с семьёй познакомился случайно. После того, как бригада удалилась в поход на две недели, конюх направился в верховья реки, пробирался по берегу, пошёл поискать пастбище для лошадей. Ушёл очень далеко, вдруг наткнулся на срубленные пни — сразу догадался, что это дело рук староверов, только они могут уединиться в такую глухомань. На эту мысль натолкнуло то обстоятельство, что три недели назад бригада набрела на заброшенную избу на берегу реки. Добротный дом, по предположениям Анисима, был брошен два-три года назад, притом окон и дверей в доме не было. У Анисима сразу появилась мысль, что староверы ушли глубже в таёжные дебри, прихватив всё необходимое, что можно унести. Долго рабочие рассматривали брошенное редкостное строение, в котором прослеживались моменты древних человеческих смекалок.

Обнаружив срубленные деревья, бывалый таёжник сразу понял, что где-то расположилось жильё староверов. Поодаль от берега, под кронами деревьев, возвышалась изба. Анисим вырос в таких условиях, поэтому знал, как вести себя в подобных случаях. Конюх встретился с хозяином и рассказал о мирных намерениях экспедиции, которая через две недели уйдёт совсем в другие места. Хозяин признался, что однажды на реке появились рыбаки, поэтому семья перебазировалась вглубь, бросив ту избу. ! лава семьи поведал о трагических обстоятельствах: бык, на котором распахивали землю под посевы и посадку овощей, вдруг заболел, не смогла его вылечить даже Ефросинья, теперь они остались без вспаханной земли. Анисим дал лошадей староверам, они перепахали свои лужайки и остались довольны. Конюх сказал староверу, что бригада в эту сторону не пойдёт и после возвращения из очередного маршрута они всем составом отправятся через водораздел в соседнюю долину. Глава староверской семьи успокоился. Анисим признался, что его давно мучила боль в спине, не давала покоя даже ночью; об этом он рассказал старообрядческой лекарихе, она передала маленький туесок, сделанный из бересты, с мазью. Анисим сразу стал натирать спину, через пару дней про болезнь в позвоночнике он забыл. Во время натирания спину словно обжигало пламенем огня.

Летние ночи в северных широтах короткие, чуть начало светать, конюх отправился к семье староверов. Анисим рассказал про случившуюся беду с руководителем их бригады. Целительница сразу приступила к изготовлению микстуры, пояснив, что эта болезнь в здешних краях совсем новая, её нужно

из организма выжигать срочно, она сказала, что микстура будет чрезвычайно горькая. Срок её хrapения — три дня, после трех дней она для использования не пригодна. В течение этих дней нужно всё содержимое в туеске выпить. Анисим выразил тревогу в связи с оставшейся головкой клеща в коже: целительница пояснила, что нужно выковырнуть остатки, но они на болезнь не влияют, потому что клещ, наслаждаясь кровью, свою заразную слюну впрыснул в организм, теперь нужно от неё освободиться с помощью микстуры. Конюх с изготовленной микстурой поспешил в палаточный лагерь.

Самочувствие бригадира резко ухудшилось. Он скомандовал рабочим собираться в маршрут на выход из тайги, рассказав о случившемся укусе. Все пригорюнились. Анисим стал настойчиво рекомендовать выпить микстуру, но геодезист не верил в это шарлатанство. Конюх пояснял, что лекарство будет действовать только в течение трёх дней, срок годности нужно отсчитывать по часам. Состояние геодезиста становилось таким, что он отменил поход и начал пить микстуру. После второй дозы он заснул. Анисим не знал, что делать, уселся на коня верхом и поскакал к староверам на консультацию; целительница объяснила, что микстура начала действовать, и предупредила, что в эти дни больному нельзя простывать, желательно отлежаться. Три дня Владимир не употреблял пищу, пил только микстуру и чай. Лекарство закончилось, бригадир стало легче, а через пару дней бригада отправилась в новый далекий маршрут продолжать работу.

Полевой сезон подходил к концу. Буланакон обнаружил, что необходимо сделать одно контрольное измерение на пункте триангуляции, находящемся вблизи той стоянки, где укусил энцефалитный клещ. Прибыв на старую стоянку, бригадир попросил Анисима съездить на лошадях к старообрядцам и оказать помощь в распахивании земельных участков, а также просил передать им, если нужно, топоры, пилы, вёдра, посуду, веревки, кошму, брезенты. Тем временем Владимир отправился с рабочими на несколько дней в маршрут для завершения полевых работ.

Возвратившись, геодезист узнал от конюха, что целительницу недавно похоронили. Бригадир с Анисимом отправились к семье. Володя соорудил венок из полевых цветов, возложил на могилу Ефросиньи и долго стоял на коленях, выражая слова глубокой благодарности за спасение его жизни.

Обстоятельства так сложились, что Буланакону через пару лет пришлось с семьёй переехать на Кавказ. Там он стал работать начальником экспедиции. Через несколько лет Владимира Ивановича командировали возглавить экспедицию в Эфиопии. Однажды пришлось встретить представительницу отшельников в джунглях. Случилось это так. Предстояло пройти через джунгли, чтобы попасть в саванны: на территории

этих тропических степей работала геодезическая бригада. Вначале имелась тропа, проложенная по берегу небольшой речушки с мутной водой и обрывистыми берегами, но вскоре тропа прекратилась. Без прорубки продвигаться по джунглям невозможно. Между стволами деревьев густой колючий кустарник, запутанный лианами. Для прорубки представлено было несколько негров, они ловко рассекали кустарник и продвигались вглубь джунглей. Имелся переводчик, который говорил о насекомых, кишаших вокруг людей. Знакомыми оказались только муравьи, но они здесь огромных размеров, и их укус был весьма ощутимым. Переводчик показал пиявок и посоветовал их не отрывать от тела, если они вопьются, а выжигать с помощью сигареты или спички, а лучше использовать соль. Нельзя допустить, чтобы головка пиявки осталась в теле. Владимиру сразу вспомнился энцефалитный клещ, которого тоже нужно было вытаскивать аккуратно, чтобы не оторвать головку. Насмотрелся Владимир на многоножек, которые ночью ползают по телу, оставляя незаживающие полосы, которые превращаются в дальнейшем в рубцы. Удалось узнать про муху цеце, осадок остался неприятный.

Вскоре опять появилась тропа, она оказалась прекрасной для передвижения. Через некоторое время тропа вывела к огромной хижине. Владимиру она напомнила эвенкийский чум, но сооружена она была из бамбука, веток деревьев и оплетена лианами. В это время с противоположной стороны к хижине подходила пожилая женщина с вязанкой сухого хвороста на плечах. Было понятно, что это хозяйка хижины. Переводчик поздоровался с ней. Владимиру он пояснил, что это представительница древнейшего племени, которая ведёт отшельнический образ жизни. Верхняя часть её тела была оголённой, выделялись отвисшие груди тёмно-шоколадного цвета, лицо оказалось испещрённым глубокими старческими морщинами. Хозяйка пригласила в хижину. Владимиру захотелось посмотреть внутреннее убранство — оно было весьма скромным, пол устлан старыми козьими шкурами. Переводчик долго говорил с хозяйкой, расспрашивая, чем она занимается. Она рассказала, что её иногда навещают дети, они все взрослые, живут в разных местах страны. У неё часто появляются местные жители с округи, приносят детей на лечение. Она занимается лечением глаз, у неё огромный опыт, иногда доставляют детей из дальних селений. Владимир, услышав про глазные заболевания, рассказал, что у него катаракта на одном глазу, врачи сказали, что пора делать операцию, назначили на осень, но теперь придется делать через три года, после возвращения из Африки. Целительница пояснила, что катаракту можно вылечить без хирургического вмешательства, для этого у неё имеются лекарства собственного приготовления. Буланакон задумался,

ведь врачи в России ему говорили, что эту болезнь можно ликвидировать только хирургическим способом. Вспомнилась Сибирская тайга, укусы энцефалитного клеща, тогда Владимир тоже не верил в способности таёжной целительницы. Володя попросил, чтобы старушка рассказала метод лечения. Оказалось, что способ обычный, нужно капать в глаза утром и вечером в течение месяца, затем сделать перерыв на неделю и вновь повторить месячное закапывание.

Владимир заинтересовался этим лекарством, переводчик убедил взять и попробовать капли, а вдруг помогут. У целительницы оказалось огромное количество посуды, наполненных микстурами и соками с разных деревьев и трав. Хозяйка пояснила, что эти капли состоят из набора многих соков экзотических деревьев, которые растут только в Африке. Целительница предупредила, что эти капли ядовиты, нужно обращаться с ними очень аккуратно, чтобы они не попали в желудок. Денег целительница не взяла, она попросила, если имеются спички, то выделить ей их для разжигания костра. Владимир собрал коробки спичек, в том числе у рабочих, и вручил хозяйке, она была благодарна, пояснив, что такого запаса спичек у неё никогда не было.

Используя глазные капли, геодезист стал строго соблюдать рекомендации целительницы, через два с половиной месяца почувствовал, что зрение немного улучшилось. Через три года, возвратившись в Россию, Буланаков отправился к врачу, который записывал его на операцию. Окулист, пересмотрев вначале историю заболевания, сказал, что пациент запустил свою болезнь, после этого он стал осматривать глаз с помощью приборов. Владимир заметил, что врач вновь и вновь проверяет глаза, наконец, доктор заговорил, что он не понимает, что случилось, но катаракты нет. Буланаков не стал рассказывать окулисту длинную историю лечения глазной болезни.

Запрещенная гора для селькупских женщин

Студент Евгений Перфильев проходил производственную практику в бригаде опытного геодезиста в должности помощника. До окончания практики оставалось два месяца. Экспедиция отставала в выполнении плана — пришлось создавать дополнительные бригады, практиканту предложили возглавить новую бригаду. Сформировали бригаду в посёлке Красноселькуп. Перфильеву доставили из Тюмени высокоточный теодолит; отправили студентку Тамару из Томского топографического техникума, которая стала работать помощником; и требовалось подобрать двух рабочих.

Два месяца Евгений работал в бригаде, которая занималась геодезическими измерениями в радиусе около сотни километров от Красноселькупа. Местность чрезвычайно сложная, посередине объекта протекала магистральная река Таз, шириной почти километр. Берега реки на расстоянии двух-трёх километров от русла покрыты густым лесом, а дальше начинались огромные пространства болот с многочисленными озёрами. Использовать транспорт в этих нескончаемых болотах сложно. Пытались работать на лошадях, затем на оленях, завьючивали на них экспедиционный груз, но они постоянно вязли, комары их заедали, кормов недостаточно, поэтому стали работать геодезисты без транспорта, в партии часто прилетал вертолёт, который иногда перевозил бригаду с одного пункта триангуляции на другой. В основном преодолевать эти расстояния приходилось пешком. Небольшой отряд с тяжеленными рюкзаками ежедневно пробирался с одного геодезического знака до другого, обходя скопления озёр и топкие, труднопроходимые болота.

Новую бригаду перевезли на вертолёте на двести километров вверх по течению реки Таз. Начинать работу Перфильеву пришлось в посёлке Толька, расположенном на левом берегу реки Таз, которая здесь гораздо уже. Ширина реки была триста метров. Правобережная местность оказалась залесённой, без полей, поэтому вертолёт использовать не было возможности. Преимущество перед предыдущим участком было в том, что лесные массивы были незаболоченными. Два первых знака располагались в двадцати километрах от посёлка Толька. Евгений уже имел двухмесячный опыт, поэтому сразу же распределил обязанности между работниками. Один рабочий пришёл с Евгением из той бригады, в которой он работал два месяца. Его звали Владимир, на его опыт и рассчитывал бригадир. Володя

несколько лет отсидел в тюрьме за какие-то преступления. Решил заработать в экспедиции, чтобы уехать в родные края. Обычно рабочие, находясь в экспедиционных условиях, отказываются заниматься кухонными делами, а Володя с удовольствием готовил обеды, ужины, мыл и чистил котлы от сажи постоянных костров, даже при скудном ассортименте экспедиционных консервированных продуктов он умудрялся придумать новые блюда. У него это прекрасно получалось, он однажды признался, что в юношеские годы поступал учиться в училище кулинаров, но закончить его не удалось по каким-то объективным причинам. Второго рабочего приняли на работу в Красноселькупе, он в экспедиционных условиях никогда не работал. По национальности он был селькуп, прекрасно ориентировался в таёжной местности, звали его Сергей Каргалин, в день приёма его в экспедицию ему исполнилось двадцать пять лет. Кстати, фамилия его в переводе с селькупского языка означала Медведев. Карга — в переводе на русский язык это медведь. Сергей был большим приверженцем селькупских обрядов.

Все таёжные тяготы экспедиционной жизни он переносил легко, потому что с детских лет занимался охотой, ему приходилось в зимних условиях с напарником уходить на большие расстояния в тайгу и месяцами заниматься охотой, вдали от дома, ютись в охотничьей землянке.

Студентка оказалась очень шупленькой, передвигалась по тайге она с большим трудом, чтобы облегчить ей переход, рабочие забрали у неё спальный мешок. Уходили в маршрут на две недели, набиралось значительное количество продуктов. На свои плечи бригадир взваливал груза больше всех. Он и по росту был выше всех и в плечах шире остальных. Евгений не доверял никому дорогостоящий инструмент, нёс сам. Первый знак оказался сравнительно высоким, он располагался в густом лесу на вершине небольшой всхолмлённости. Двадцать километров за световой день бригада осилила без особых усилий, единственным неприятным фактором были комары, которые набрасывались на вспотевших скитальцев и сопровождали их до самого геодезического двадцативосьмиметрового знака. Навыка в измерениях у бригадира и помощницы ещё не было, поэтому работы затянулись на три дня, хотя погода стояла отличная.

Три дня рабочие практически находились без работы, Сергей, выросший в этих местах, привык постоянно находиться в работе, поэтому чувствовал себя неловко: он к такому безделью не привык. На второй день он спустился к реке и наловил полведра рыбы, затем сплёл из тальниковых прутьев морду, установил её на ночь в ближайшей реке, утром вытащил из морды ведро рыбы, сразу засолил и развесил вялить. Он находил постоянно себе работу. Бригадир и студентка сделали для себя вывод, что рабочих нужно нанимать только селькупов. Без работы Сергей не мог находиться ни

одной минуты. У него были некоторые свои национальные странности: он категорически запрещал рыбные кости бросать в костёр, рассказав, что по селькупскому обычаю не будут водиться продукты. Палатку устанавливал входом только на восток. Первую пойманную рыбку он принёс и сжёг на костре, пояснив, что иначе не будет удачи во время дальнейшей ловли. Сергей внедрил свои новшества в экспедиционную жизнь геодезической бригады. Он сплёл из тонких прутьев упаковочное сооружение для переноски теодолита, которое стали использовать вместо тяжеленного заводского деревянного ящика, изготовленного из дуба. На каждой новой стоянке он обязательно нарезал пихтовые лапки, укладывал под спальный мешок всем работникам, поясняя, что на голой земле спать нельзя. Он смастерил туесок из бересты, посолил рыбу и без солёной рыбы за ужин не садились. На стоянке туесок хранился под слоем толстого мха в прохладном месте. Сушить рыбу Сергей приспособился, развешивая её на высоких перилах геодезического знака, где всегда сквозил ветерок. Затем он соорудил коптильную и закоптил рыбу, накормив всех копчёным деликатесом.

Удивил Сергей однажды бригаду своей предусмотрительностью, когда в холодные сентябрьские дни они стали переплывать на сооруженном плотике через реку Таз. Так случилось, что во время переправы плотик развалился, все очутились в воде, кое-как выбрались на берег. Промокли, шёл холодный дождь. Спички оказались непригодными. Положение становилось критическим. Бригадир не знал, как выйти из этого положения. До посёлка идти целый день, а наступал вечер. Евгений понимал, что выход один: нужно отправляться и идти ночью, в противном случае можно замёрзнуть. Дело в том, что полмесяца назад в соседней экспедиции замёрзла бригада из четырёх человек. Это произошло тридцатого августа, бригада, преодолевая речку, попала в подобное положение. После гибели бригады приезжал главный инженер экспедиции и проводил специальную беседу по трагическому случаю, разбирая подробно неправильные действия руководителя бригады.

Сергей тем временем нарезал с берёзы огромную охапку коры, затем снял с себя фуфайку, встал на колени, набросил на голову эту мокрую ватную одежду, словно укрылся в маленьком шалашике. Все наблюдали за его размеренными движениями, не понимая, каким образом он пытается добыть огонь. Он долго находился в таком положении, закрывшись от всех. Бригадир стал настаивать ускорить сбор для отправки в маршрут до деревни, хотя понимал, что промокшим им не осилить ночной путь.

Вдруг через отверстия рваной фуфайки стали лениво просачиваться струйки дыма. Зрелище было редкостным. Все притихли, словно боялись

спугнуть зародившийся дымок. Клубы дыма становились насыщеннее. Наконец Сергей отпрянул от насиженного места, и все увидели маленький костёр — радость была чрезвычайной. Студентка даже подбежала и обняла Сергея в знак благодарности.

Вечером, когда все находились у костра, просушивали одежду, бригадир стал приставать к Сергею, чтобы он рассказал о таинственном методе добычи огня. Селькупский житель, по натуре не очень разговорчивый, показал на верхнюю часть брюк. Под ремнём в поясе имелся небольшой разрез. Там у него хранилось несколько спичек с боковиной от спичечного коробка, завернутые в резиновую соску, которую используют для грудных детей. Сергей поведал, что таким способом пользуются у них многие охотники, которые большую часть своей жизни проводят в таёжных условиях и часто попадают в сложные ситуации, поэтому придумывают методы выживания в экстремальных условиях.

Когда бригада перебралась на противоположную сторону реки, то там местность оказалась сильно заболоченной; Сергей сплёл всем «медвежьи лапы» из тонких прутьев, которые надевались на ноги, как лыжи. Эти приспособления помогали экспедиционным работникам успешно передвигаться по заболоченной местности.

Конфликтная ситуация в бригаде произошла в конце полевого сезона, когда бригада работала вблизи Чёртового озера. Про это озеро у селькупов имеется значительное количество легенд и небылиц. Озеро вытянулось на пятьдесят километров, но оно словно состоит из множества озёр разной величины. Восточная часть озера начиналась с округлой формы, берега удалялись километров на пять, но вдруг они сужались и становились перешейком, затем снова начиналось расширение и вновь заросшие густым лесом берега сдвигались друг к другу. Находясь на этом озере, создавалось впечатление, что озёрный водоём состоял из шести-восьми озёр, соединённых протоками. На озере имелись острова, вокруг озера насчитывалось огромное количество мелких озёр, все берега заболочены и покрыты лесом.

Недалеко от Чёртового озера возвышалась невысокая возвышенность, которую местные жители величали горой с названием Лозыль-Лакка. На горе выстроен геодезический знак, на котором предстояло сделать последние измерения, и на этом полевой сезон завершался. Заканчивался сентябрь, Перфильев торопился в институт на занятия. Ночевали, как обычно, в палатках у подножия горы Лозыль-Лакка. Утром рано стали собираться в поход на гору.

Вдруг Сергей заявил, что студентке идти на эту гору запрещено. Бригадир расхохотался, принял это предупреждение за шутку, потому что

измерения заканчивались. Евгений рассчитывал в течение дня работу на пункте завершить и отправиться в Тольку — на завтра заказан вертолёт. Селькупский житель настойчиво в категоричной форме предупредил, что женщинам на горе Лозыль-Лакка бывать запрещено. Сергей стал приводить массу трагических случаев, когда женщины пытались попасть на эту гору и потом попадали в больницу, кроме того, трагедия не миновала людей, способствующих восхождению этим женщинам. В разговор вмешался Володя, он повёл себя агрессивно, обвинив селькупа в тупых домыслах верующих глупцов, обругав вульгарными словами всех, кто придумал дурные обряды.

Бригадиру нельзя было пропускать утренние наблюдения, поэтому он, забрав инструмент, отправился в гору, за ним следовала помощница и Володя. Сергей встал на колени, умоляя не ходить Тамаре на гору. Евгений торопился, поэтому они сразу же скрылись в лесных зарослях. Селькуп остался у палаток.

Измерений на знаке было мало, поэтому закончили работу быстро. Бывают случаи, когда приходится срубить деревья, добываясь видимости на соседние знаки, — на этом пункте проблем не было, поэтому бригадир через час измерений крикнул с сигнала Володе, что он может идти собирать лагерное снаряжение, чтобы сразу двинуться им в Тольку.

Завершив работу на знаке, бригадир с Тамарой отправились к палаткам. Они торопились. Евгений нёс теодолит, а студентка едва успевала за ним, неся полевую сумку через плечо с журналами измерений. Вдруг студентка споткнулась, упала, вскочила и с рёвом повалилась на землю. Запнувшись, девушка повредила ногу. Идти она не могла. Тамару пришлось нести на руках. Бригадир сразу стал вспоминать предупреждения селькупа, обвиняя его, что это он накаркал. Обливаясь потом, Евгений с большим трудом добрался до палаток. Бригадир понимал, что в Тольку им не добраться, у девушки распухла нога. Сергей прощупал ногу и сделал заключение, что у Тамары поломана нога. Бригадир стал расспрашивать, где Володя. Оказывается он не приходил, появилась ещё одна проблема: заблудился рабочий. Местность равнинная, заросшая густым лесом, поэтому заблудиться в этой тайге просто, но не просто выйти.

Взяв с собой ружьё, бригадир отправился на поиски Владимира. Евгений был сильно расстроен, два с половиной месяца проработал самостоятельно, всё шло прекрасно и вот в последний день столько неприятностей. Больше всего удивляло, что весь день проходил по сценарию селькупа, по его высказываниям о священной горе Лозыль-Лакка.

В маршруте Перфильев делал затёсы топором на деревьях, периодически стрелял, свистел, кричал, но ответов так и не последовало.

Добрался до знака, затем спустился с горы, делая зигзагообразные маршруты, у палатки находились Сергей и плачущая студентка.

На вечерней радиосвязи бригадир сообщил на базу партии о том, что потерялся рабочий и студентка поломала ногу. Утром прилетел начальник партии на вертолёт, полдня делали облёт в поисках рабочего, затем увезли студентку в больницу, её сопровождать отправили Сергея.

На следующий день продолжили поиски с вертолёта. В течение недели продолжали поиски рабочего, но найти Владимира так и не удалось. Экспедиционный список «Пропал без вести» пополнился ещё одним потерявшимся в тайге человеком.

Вертолёт доставил Тамару с поломанной ногой в город Тарко-Сале. Командир вертолёта в процессе полёта запрашивал по радиосвязи скорую помощь, чтобы машина приехала к вертолётной площадке. Вертолёт прилетел поздно вечером, машины скорой помощи не было. Вертолёт сразу улетел. Вертолётная площадка находилась вдали от построек, на окраине города. Сергею пришлось оставить студентку на тёмном пустыре, он отправился по ухабистой дороге впотьмах к мерцающим огням, которые находились в большом удалении. В конце концов, удалось добраться до шоссе, остановить машину и уговорить водителя забрать больную студентку и увезти её в больницу. С большими трудностями добрались до больницы. Шофёр уехал. Дежурные врачи стали отказываться от приёма больной, пояснив, что больница переполнена пациентами с тяжёлыми заболеваниями, а с переломом предложили лежать дома, утром можно привезти больную в больницу, врачи наложат гипс. Долго пришлось рассказывать Сергею о сложившейся ситуации, но его никто не хотел слушать.

Помог случай: старенькая медсестра слышала, как парень упрашивал, рассказывая, что он попал в сложное положение; медсестра была тоже селькупка, она предложила доставить больную до утра к ней домой. Таким образом, Сергей превратился в сопровождающего на многие дни. После наложения гипса Сергею пришлось сопровождать Тамару до Тюмени, а затем до Томска, где училась Тамара. Сопроводив студентку до её жилья, Сергей отправился в свои края до далёкого северного посёлка, затерявшегося в таёжных дебрях, — Красноселькупа. Когда Сергей возвратился в родные пенаты, в тайге лежал снег, поэтому потомственный охотник отправился с другом на зимнюю охоту.

В мае в Красноселькуп стали прилетать экспедиционные отряды. Прилетела и Тамара; она окончила топографический техникум и с дипломом техника-топографа появилась в экспедиции, а затем в Красноселькупе. Она разыскала Сергея, который столько уделил внимания ей, когда Тамара

находилась в критическом состоянии. Она была очень благодарна селькупскому юноше и предложила ему поработать у неё в бригаде полевой сезон. В этом году топограф решила заняться другим видом работ, она стала осваивать дешифрирование. Этот процесс гораздо легче, но переходов пешим предстояло за лето проделать намного больше. Работа заключалась в обследовании местности, находящейся вблизи долины реки Таз, начиная от устья этой реки до посёлка Ратта, который располагался гораздо южнее Тольки.

Сергей обрадовался такой интересной работе, он давно мечтал познать округу, был наслышан о многих загадочных ручьях, древних охотничьих избушках и селькупских землянках. Тамаре прикомандировали в помощь студентку. Начальник партии принял на работу местного жителя, который имел лодку со стационарным мотором. Этим транспортом техник была обеспечена на весь полевой сезон.

Обследование начали от посёлка Сидоровска. Моторист с лодкой остался в посёлке на неделю, а Тамара со студенткой и Сергеем отправились пешком в недельный маршрут до озера Момчик, шли по зимнику — по этой дороге зимой на тракторах ездили к озеру Момчик в рыболовецкую бригаду. Бригадир с практиканткой постоянно останавливались, рассматривали местность, сличали изображения на аэроснимках и делали необходимые пометки. В некоторых случаях измеряли рулеткой расстояния между деревьями и диаметры стволов деревьев. Местность равнинная, однообразная, лесные заросли сосредоточены вблизи берегов рек, а далее попеременно тундра, озера и колки леса. Троп никаких не было. Массивы находились вдали от посёлков, поэтому сюда редко добирались даже охотники, хотя по следам на песчаных берегах реки чувствовалось, что дикого зверья в этих местах большое количество.

На лесной опушке Тамара вдруг увидела загадочный пень, который возвышался на полтора метра. Из массивного пня вырезана человеческая фигура. Сергей пояснил, что это сотворён идол, который служит объектом религиозного поклонения. Изображениям божества у селькупов поклоняются все жители. Топографа удивило, что рот статуи был залит засохшей кровью. Селькупский житель рассказал, что лесного человека кормят охотники, которые добираются в эти места. По местному обряду в рот идолу охотники наливают свежую кровь убитого оленя, рыбаки обязательно в рот толкают первую пойманную рыбу, иначе ловиться рыба не будет. В течение полевого сезона встречали много загадочных селькупских тайн, которые сохранились с давних времён, некоторые были даже древними.

Так на противоположной стороне реки Таз, в одном удалённом урочище, наткнулись на развалины двух землянок, одна выглядела обжитой. Она была огромных размеров — пятнадцать на тридцать метров. По всем признакам землянка была вековой давности. Вход в землянку был предусмотрен сверху по ступенькам, потолок сооружён из стволов лиственницы, закрытый толстым слоем дерна. В центральной части землянки когда-то располагался костёр. Около стен сохранились лежанки. Сергей тоже рассматривал землянку с большим интересом, он слышал, что в древние времена селькупы жили в таких огромных землянках по несколько семей, в некоторых проживало по многу десятков человек. Увидеть такое древнее жильё ему удалось впервые.

В дальнем углу землянки, в истлевших остатках оленьих шкур, Сергей обнаружил деревянный обрубок. На этом чурбане ножом сотворена фигура человека. Сергей поведал, что ему в детстве рассказывала его бабушка про такую фигурку, изображающую божка. В далёкие времена селькупы делали из дерева такого божка после смерти хозяина землянки и клали на ночь эту фигурку в постель вдове. По предположению Сергея, эта землянка была трагической, очевидно, в ней умерло много селькупов. По дошедшей легенде, селькупы умирали целыми семьями, теперь учёные объясняют, что люди умирали от цинги. Впоследствии селькупы стали спасаться от этой болезни, употребляя сырую рыбу и свежую оленью кровь.

Подобную землянку довелось увидеть вблизи посёлка Ратта, эта землянка оказалась размерами ещё больше. В землянке нашли икону с изгнившим обрамлением и рядом лежал череп головы медведя. В посёлке местные жители рассказали, что в далёкие времена у местных селькупов медведи считались священными животными, их не убивали, поэтому медведей в окрестности развелось слишком много. Они стали наносить жителям значительный ущерб, поэтому начали на них охотиться, но медвежьи головы продолжали оставаться святыми для местных жителей. В этих местах экспедиционной бригаде приходилось встречать медвежьи головы, повешенные на деревьях.

Заканчивался полевой сезон, однажды недалеко от реки Ретта бригаде предстояло обследовать одну небольшую гору, по суеверным обрядам, эта гора у селькупов входила в разряд запрещённых гор для посещения женщинам. Сергей сразу предупредил Тамару, что на сей раз он не позволит ей пойти на эту гору. Бригадир согласилась, вспомнив гору Лозыль-Лакка, после восхождения на которую она не только сильно пострадала сама, но потерялся рабочий и много неприятностей испытал бригадир и вся экспедиция.

Тамара, снарядив Сергея в маршрут, рассказала ему, какие необходимо проделать на горе обследования. С этой работой Сергей справился вполне успешно.

Последний костёр полевого сезона. Под кронами огромных лиственниц потрескивали в костре смолевые дрова. Густые заросли клонились ко сну. В лесу замерли дневные звуки. От озёр и заболоченной тундры потянуло пряной прохладой. Тёмными разливами поднимался дым, временами клубы искрящихся скоплений высвечивали сидящих у костра Сергея и Тамару. Этот вечер для них оказался решающим. Они договорились соединить свои судьбы.

Через три дня они встретились на базе партии с инженером Евгением Сергеевичем Перфильевым, который тоже вернулся после окончания института в эти края и работал по соседству. Сергей и Тамара сообщили своему бывшему руководителю о своём намерении пожениться. Инженер с радостью обнял молодых и сказал, что их объединила «Запрещённая гора для селькупских женщин».

Нечистая сила в болотах Васюганья

Начинающему топографу Николаю Ступину достался очень сложный участок для выполнения топографических работ. Но не только ему предстояло заняться обследованием Васюганских болот — в Каргасок съехалось несколько топографических бригад, все они готовились исследовать Васюганские болота с разных сторон, которые растянулись на сотни километров. Транспорта никакого не было, да и трудно придумать способ передвижения по труднопроходимым, а иногда непроходимым болотам. Руководство экспедиции предупредило, что болота чрезвычайно опасны: по размерам Васюганские болота самые большие на земном шаре. Топографам разрешили на местах при производстве работ на реках арендовать лодочников с лодками.

Ступину достался участок, расположенный в истоках реки Васюган, который растянулся на восток до истоков рек Чижалка и Чузик. До посёлка Майск топограф добрался на пароходе. Бригада была сформирована на базе партии: один рабочий был Иван Изотов, который постоянно работал в экспедиции, а двух человек приняли в Каргаске. Главным помощником во всех делах у топографа был Иван, он имел большой опыт, работал в экспедиции уже давно. В посёлке Майск заказали в пекарне сухарей, приняли на работу местного жителя, у которого имелась лодка. До истоков предстояло проплыть ещё около сотни километров, а затем начинались топографические работы. Никаких деревень дальше нет, сплошные болота и маленькие озёра, количество которых сосчитать невозможно.

В пекарне местные жительницы, когда узнали, что экспедиция собирается пробираться в истоки, где начинаются бескрайние болота, стали креститься и отговаривать их отказаться от этой затеи, пояснив, что там находится царство болотных кикимор. Женщины пояснили, что через тридцать километров на берегу реки будет на пути последняя деревня Шмаковка, но она теперь нежилая. В этой деревне последние годы жила одинокая Агриппина, которую жители звали Болотницей, у неё была сложная судьба. Муж погиб на фронте, после этого она замкнулась, ни с кем не общалась. Превратилась в колдунью. Продавец магазина сказывала, что с головой у Агриппины было не всё в порядке. Сельчане стали замечать, что Агриппина часто стала уходить в лес, но возвращалась без ягод и без грибов. У неё, как и у всех жителей, имелась корова. Выгоняя скот из дворов к табуну, женщины вдруг заметили, что Болотница беременная. Для всех деревенских жителей эта новость стала сверхъестественной. В положенное

время у Агриппины родилась девочка. Наступило время, она пошла в школу, но девочка тоже была необщительная. В деревне беленьких, светловолосых, как она, не было. Однажды осенью у Агриппины случилась беда. Девочка ушла на болото собирать клюкву и не вернулась. Поиски вели всей деревней, но девочку так и не нашли. После этого Агриппина поседела окончательно, она уединилась, иногда не ночевала дома, уходила на дальние болота, установила там надгробный крест, который возвышался среди многочисленных озёр и труднопроходимых болот.

Деревня постепенно стала превращаться в нежилую: молодёжь уезжала в города, а старики завершали свою жизнь в родной деревне. Агриппина осталась в деревне одна, она много лет прожила в одиночестве. Местные рыбаки часто поднимались на лодках в верховья реки, они заметили, что Агриппина в деревне бывает редко. Очевидно, она переселилась в другое место, потому что её видели в истоках соседней реки; она шла с распущенными седыми волосами, пересекая болотный перешеек; одной рукой она держала верёвочку, на которой был привязан козлёнок, другой опиралась на палку. Жители из соседнего посёлка Весёлый утверждали, что Агриппина и её дочь превратились в болотных кикимор.

Лодочник выдвинул своё условие, что он везёт бригаду до истоков, в маршрут он не пойдёт; договорились, что он через месяц привезёт сухарей и ещё кое-каких продуктов. Когда проплывали мимо заброшенной деревни Шмаковка, Ступин решил остановиться и обследовать её, ему нужно было отдешифрировать: хотя деревня была нежилой, по положению он обязан показать на карте все дома и сделать подпись «нежилая». Деревня располагалась на красивом косогоре, среди густых лесных зарослей. Топограф с Иваном шли по улице, останавливались против каждого дома, вычерчивали конфигурацию строения, затем переходили к следующему жилью. Последний дом находился в удалении от деревни, по словам лодочника, он принадлежал Агриппине, он был гораздо меньше остальных домов. Все дома в заброшенной деревне заросли бурьяном, а дом Агриппины выглядел жилым. Иван в какой-то момент увидел, что шторка на окне вдруг слегка колыхнулась и немного раздвинулась. Он стал показывать бригадиру на окно, теперь они оба заметили, что серенькая ткань медленно сдвигалась. Со двора донёлся слабый характерный звук, блеяла коза. Экспедиционные работники почувствовали неприятную насторожённость, поэтому сразу развернулись и пошли к реке, где их ожидала лодка. Рассказав о странностях, которые они увидели в доме Агриппины, лодочник постарался поскорее уплыть от деревенского причала, пояснив, что колдунья может создать какую-нибудь неприятность, поэтому нужно срочно уплыть.

Через несколько километров лодочник причалил лодку к травянистому берегу, пояснив, что дальше река перекрыта упавшими деревьями, поэтому пришлось выгружаться. Сделали на дереве лабаз и оставили в нём часть продуктов. Погрузили на свои спины инструменты и всё необходимое на ближайшие дни и отправились на болото. Через пятнадцать километров лесной массив закончился, открылась равнинная панорама бескрайних болот с многочисленными мелкими озёрами. Васюганские болота распространились на сотни километров, до самого горизонта не видно было ни единой возвышенности. Палатку удалось установить на краю лесной гривки, а рядом начинались огромные кочки, утопающие в мягком мху изумрудно-зелёного цвета.

До наступления темноты успели нарубить десяток жердей длиной пять-семь метров для завтрашнего дня, затем разожгли костёр и стали готовиться к первому рабочему дню. Как только стемнело, на болоте вспыхнули огни. Они загорались на всём огромном пространстве. Становилось жутко. Ночью слышались глухие стоны и какие-то странные звуки. Болото не засыпало, оно продолжало жить своей жизнью.

Наслушавшись в посёлке про нечистую силу Васюганских болот, работники спали плохо. Вначале казалось, что кто-то ходит вокруг палатки, по одному выходить не осмеливались, выбирались из спальных мешков и всем составом выходили из палатки, всматривались в калейдоскоп огненных мерцаний, прислушивались к булькающим и плачущим звукам, убедившись, что вблизи палатки никого нет, вновь удалялись в палатку и пытались заснуть. Рано утром отправились в первый рабочий маршрут. В течение недели бригада занималась установкой вех. Бригадир на аэроснимках отыскивал чёткие контуры фотоизображений, затем на местности находили этот же берег озера, край камышей, угол растущей осоки и там устанавливали веху, состоящую из жерди, а наверху прикрепляли двухцветный флажок. Такие вехи закрепляли на местности через пять-двенадцать километров. Большая часть вех разместилась на берегах озёр или на изгибах мочажин, на пересечениях гривок с камышами и осокой. Жердь обычно заталкивали в болотную трясину до упора.

Через неделю Николай с теодолитом отправился на геодезические знаки, ему предстояло проделать измерения с трёх ближайших знаков, которые были удалены на пятнадцать-двадцать километров. К великому сожалению, несколько вех топограф увидеть не смог. Это озадачило всех, отправились на ближайшую веху. Жердь оказалась выдернутой и находилась рядом. Больше всего удивил экспедиционных работников испачканный флажок. Все флажки были изготовлены по стандартному образцу, размерами восемьдесят на восемьдесят сантиметров, верхняя часть флажка сшита из

красного материала, а нижняя — из белого. На белой кромке флажка был отпечаток ладони с растопыренными пальцами некрупных размеров, испачканный болотной жижей. В составе бригады таких маленьких рук ни у кого не было. Стали внимательно рассматривать отпечатки, которые были уже высохшими, прикладывать свои ладони и сравнивать.

Вдруг обнаружили ещё одну странность. На концах пальцев имелись огромные когти, от которых сохранились запачканные метки. Это обстоятельство заставило всех вспомнить о нечистой силе, про которую они наслушались в посёлке.

Работники стали высказывать недовольство и проклятие, потому что пришлось вновь идти по болотной зыби и устанавливать уничтоженные вехи. Одна вежа была поставлена среди плавучих кочек, к ней бригадир добирался в одиночку, используя две сооружённые лестницы. Такому способу передвижения научил лодочник. В деревне были заготовлены шпонки из многослойной фанеры для сооружения болотной лестницы. У палатки сколотили две лестницы, состоящие из двух пятиметровых жердей и прибитых через полметра фанерками размерами десять на шестьдесят сантиметров.

Бригадир укладывал одну лестницу, пройдя пять метров, бросал в мочажину вторую лесенку — так он достиг края трясины, глубину которой даже не мог измерить: жердь погружалась более чем на два метра, поэтому пришлось соорудить наклонные распорки из жердей, которые тащил волоком на длинной верёвке. Обидно, что устройство оказалось разрушенным, затрачено было много усилий, чтобы добраться по зыбкой болотной жиже, порой проваливался по пояс, выкарабкивался, облепленный липкой грязью. Сходил на геодезический знак, теперь второй раз пробрался на эту заколдованную точку. Досадно, что кто-то пролез в этот недоступный угол и уничтожил сооружение. Оставалось таинственной загадкой, кто это мог быть, какое существо это сделало, как оно пробиралось по зыбкой трясине и зачем оно уничтожило сотворённое нагромождение.

Бригада вынуждена была работать по другому принципу. Между застойными болотными пространствами имелись кочковатые гряды, по которым приспособились передвигаться работники, устанавливая вехи. После завершения установки вех на данной гряде разводили огромный костёр из валёжника и мха, который горел и дымил несколько суток, в этот период бригадир уходил на знаки и успевал проделывать измерения. Экспедиционным работникам пригодились легенды, которых они наслушались от местных жителей, что болотные существа, как и медведи, сторонятся огня и задымлений. Таким методом удалось покорить гигантские

пространства Васюганских труднопроходимых, а порой и непроходимых болот и создать топографические карты.

Через месяц приплыл лодочник и поведал, что его сын работал трактористом на бульдозере в бригаде по установке скважин по разведке нефтяных и газовых месторождений. Эти работы производились совсем близко. Недавно бульдозером он выгреб из болотной трясины вначале телёнка, затем петуха, а перед отпуском выкопал труп ребёнка, увидев оголённое тело маленького человека, сын потерял сознание. Все трупы оказались целёхонькими, словно они погрузились в трясину совсем недавно, хотя ближайшая деревня исчезла с этой местности несколько десятков лет. После этих странных раскопок у тракториста появился звон в ушах, стала кружиться голова, ноги начали отниматься, даже не мог нажимать на педали управления, поэтому ему предоставили отпуск.

Приближалась осень, топографическую бригаду изматывали ежедневные переходы по болотам. Каждый вечер разводили большой костёр, вокруг забивали колья, навешивая на них сапоги и портянки для просушивания. Ближе к осени участились дожди. Болота стали пополняться сточными водами. Местность погружалась в промозглую сырость. Однажды бригадир отправился с инструментом на дальний геодезический знак выполнять измерения, рабочие в этот период жгли костры. Вдруг болота погрузились в белёсый осенний туман с примесью дыма от костров. Измерения были остановлены. Топограф вынужден был уйти в лес в поисках ночного пристанища. Обычно Николай устраивался под густую ель, наломав вязанку еловых лапок, на которых прекрасно коротал ночное время. Вдруг он увидел на берегу крохотного ручейка избушку. Обошёл вокруг. Под навесом виднелось скопление разных приспособлений для охоты на белок, соболей и горностаев. Охотничья избушка в летний период пустовала. Топограф обрадовался, в избушке ночевать гораздо приятнее, чем под деревом, тем более он не рассчитывал на ночлег, поэтому не было никаких тёплых вещей. Избушка оказалась добротной, имелась маленькая печурка, столик и нары, на которые уложены толстым слоем осока и ароматные лесные травы, от запаха которых сразу потянуло в сон. Николай не стал даже разжигать печь, потому что в избушке было тепло и сухо. В течение дня топографу пришлось проделать большие переходы, он сильно устал, поэтому сразу улёгся на мягкую ароматную постель и уснул.

Ночью Николай проснулся от странных шорохов. Ему показалось, что около избушки кто-то ходит. Появилась мысль, что рабочие, не дождавшись бригадира, пошли на поиски и наткнулись на избушку. Но рабочие обязательно бы кричали, свистели, стреляли, молча в темноте они бы не осмелились идти по лесу. Вдруг дверь заскрипела и стала медленно

открываться. У топографа поднялись волосы на голове, тело покрылось мурашками. Он приподнялся, сел, прижавшись в угол избушки. Оружия не было. Темнота абсолютная. Горло перехватило. Скрипучая дверь неторопливо продолжала раздвигаться, в раскрытый дверной проём проникли полумрачные отблески от ночного лунного освещения. Показался силуэт руки, державшийся за дверную ручку. Ночной пришелец, пригнувшись, протиснул голову, закутанную какой-то тряпкой, затем через порог переступила нога. Николай продолжал вжиматься в угол, очевидно, пришелец услышал мертвецки испуганный шорох от пересохшей осоки, скопившейся под дрожащим ночлежником. В какой-то момент ночной посетитель остановился, поза замерла. Вдруг голова зашевелилась и стала выдвигаться, исчезать из дверного проёма, после этого нога начала приподниматься и тоже удалилась за пределы порога. Дверь тихонько закрылась. Николай просидел, не шевелясь до рассвета, с замиранием сердца прислушивался к шорохам. Ночь оказалась самой длинной в его жизни, такого испуга он ещё никогда не испытывал.

На рассвете топограф осторожно вышел из избушки и стал рассматривать следы вокруг строения, но обнаружить каких-то особых признаков ночного пришельца не удалось. Из леса Николай постарался срочно уйти, весь день у него тряслись руки и ноги. Даже рабочие заметили, что их бригадир после той ночёвки стал очень задумчивым.

Через несколько дней полевые работы были завершены. Приехал начальник партии и предложил Ступину выполнить дополнительно небольшой объём топографических работ по соседству, оказать помощь отстающей бригаде. Топограф вынужден был признаться в своём психологическом состоянии, которое он испытывал в ту ночь. Начальник партии понял его и почувствовал, что топографу действительно нужно поехать в отпуск.

Через месяц Ступин возвратился из отпуска, проведённого в своей деревне, и продолжил работу в экспедиции.

Солонцы родовой памяти

Производственную практику Борис Нейман проходил в Прибайкалье. Бригада состояла из трёх человек, включая помощницу и рабочего Елифана. Работали пешком, без транспорта. Вначале в бригаде имелись три лошади, но через неделю они сбежали. С первых дней Борис понял, что работать без лошадей гораздо проще. При первой же ночевке лошади убредли в соседнее ущелье, хотя были надёжно спутаны — целый день потеряли, пока их нашли. На второй день обнаружили, что у одной лошади появились огромные ранки на спине; на неё нельзя было выючить груз. Кормов в таёжных зарослях совсем не было. На крутые горы лошади с вьюками подниматься не могли. В жаркие дни на лошадей стали нападать оводы, комары, слепни. Лошади от укусов этого гнуса становились раздражёнными, готовы были убежать, поэтому через несколько дней они так и сделали. Елифан три дня находился в поисках лошадей, потом сделал заключение, что лошади сбежали.

Приехавший начальник партии сообщил, что лошади прибежали в свой колхоз, поэтому можно их забрать. Борис отказался от лошадей, попросил организовать на его участке продуктовые лабазы. В течение недели сделали три лабазы, и бригада теперь спокойно продолжила геодезические измерения на вершинах гор, где предварительно были отстроены деревянные пункты триангуляции. Прибайкальская тайга оказалась весьма сложной. Склоны гор крутые, заросшие густым лесом, подниматься на вершины с огромными рюкзаками было чрезвычайно тяжело. Обливаясь потом и отбиваясь от назойливых комаров, бригада медленно поднималась по заросшим откосам, отдыхала через каждые пять-десять минут. На подъём каждой горы тратилось несколько часов, на спуски с гор времени уходило гораздо меньше. В первые дни бригада подолгу находилась на вершинах гор, иногда задерживалась на неделю и более, но со временем появлялся опыт, и работа пошла быстрее.

Бригадир приспособился: как только заканчивались продукты, отправлял Елифана на ближайший лабаз. Вначале Борис и сам ходил с рабочим, но потом бывалый охотник предложил вариант: уходить одному, пояснив, что он потомственный охотник и не привык ходить по тайге вдвоём. Обычно Елифан продвигался по зарослям в одиночку, и когда он шёл один, то обязательно попадала ему дичь, поэтому, кроме продуктов, он приносил рябчиков или глухаря, однажды ему удалось застрелить в речной заводи несколько уток. Принесённых продуктов практически хватало на

пару недель, кроме того почти с каждого маршрута рабочий приносил какую-нибудь дичь. Кухонными делами в бригаде занимался Епифан — такая была договорённость при поступлении на работу. Вначале таёжник не соглашался варить, мыть посуду, коль в бригаде имеется женщина, но начальник партии доходчиво всё разъяснил, и охотник принял это как должное. Начальник партии расспросил, кто ему готовит ужины, обеды во время охоты, когда он удаляется на месяц или два в свою таёжную избушку. После некоторых раздумий Епифан окончательно согласился. Епифану удавалось иногда наловить рыбы. Постепенно все втянулись в обычный ритм работы. Охотник в процессе работ понял, что у помощницы совсем нет свободного времени, даже вечером, когда мужчины только подбрасывали дрова в костёр, помощница занималась обработкой материалов. Иногда девушка пыталась помочь Епифану помыть посуду или ободрать рябчика, но охотник забирал всё в свои огромные ручищи и отправлял студентку заниматься бумажными делами.

Полевой сезон подходил к завершению. В это время бригада попала в неприятную ситуацию. Однажды Епифан возвратился из маршрута без продуктов; оказалось там, где был сооружён лабаз, произошёл лесной пожар и продукты сгорели. Борис за два дня до похода Епифана за продуктами почувствовал задымлённость в процессе геодезических измерений, но подумал, что тайга горит где-то гораздо дальше. Положение становилось критическим. Из-за пожара не стало и дичи в лесу. Рыба тоже не стала ловиться. Охотник пояснил, что от лесного пожара берега реки и вода нагрелись, поэтому рыба с этих мест исчезла, в этой горной холодной воде водился только хариус, а он в тёплой воде жить не может. Несколько дней сумели прожить, Епифан собирал грибы, жарил их, варил суп, потом набрели на огромную поляну черники, но бригадир понимал, что на этих продуктах им работу закончить не удастся. Оставался месячный объём геодезических измерений. Задымлённость изгнала из лесных просторов всех таёжных птиц и зверей. Нужно было искать выход из этого сложного положения. Оставалось немного макаронных изделий, сохранилось несколько килограммов муки, давно закончились мясные консервы. Оставшиеся продукты Епифан использовал экономно, стараясь растянуть имевшиеся запасы, чтобы не допустить голодовку.

Борис в детские годы перенёс голод в блокадном Ленинграде, поэтому недостаток продуктов он воспринимал болезненно. Много случаев он помнил: например, когда хранил кусочек хлеба для больной матери, а крысы этот кусочек изгрызли. Полученный чёрный хлеб делили маленькими дольками, поэтому мечтал, как станет взрослым, то вдоволь наестся хлеба.

Однажды вечером у костра бывалый охотник предложил Борису вариант выхода из этого сложного положения. Епифан вспомнил, что в истоках реки имеются солонцы, на этих далёких солонцах в древние времена охотился его прадед, затем дед раз в год глубокой осенью добирался до этих затаённых мест и привозил на санях мясо для зимнего обеспечения всей семьи. Потом отец воспользовался этим методом добычи мяса, иногда на охоту брал Епифана. Отец называл эти солонцы родовыми, об их местонахождении никто из охотников не знал. Наследственные солонцы находились в большом удалении от населённых пунктов. Отец, уходя в истоки реки, уносил с собой куски каменной соли, чтобы не истощались природные запасы этих редкостных даров.

Епифан мысленно продумал весь план далёкого маршрута и рассказал об этом своему бригадиру. За пару дней он рассчитывал добраться до истоков, там имеются специальные скрадки, которые сооружены со всех сторон, на ночь предстояло засесть в то укрытие, которое располагалось по ветру, чтобы пришедший ночью зверь на солонцы не учуял человека. После удачной охоты Епифану нужно было соорудить небольшой плот, сносить на него мясо и спуститься на плоту по реке до палаток. До них не доплыть — в двух километрах река преграждена заломами на крутом повороте, поэтому предстояло причалить плот к берегу, а потом можно переносить мясо в рюкзаках.

Борис обрадовался такому варианту, но задумался, что много риска. Бригадир начал отговаривать охотника от этой задумки, но Епифан настойчиво стал доказывать, что его всё родовое поколение ходило на эти солонцы и ничего не случалось, всегда возвращались с мясом. Не дожидаясь завтрашнего утра, бывалый таёжник отправился в далёкий маршрут, зная, что в ту сторону не распространился пожарный дым, поэтому звери не должны покинуть этот таёжный предгорный уголок с уникальными солонцами. Охотник с детских лет привык бродить по тайге в одиночку, поэтому ему доставляло удовольствие идти по берегу, вслушиваясь в шумный рокот горной реки. До самой темноты Епифан шёл, остановился всего два раза, один раз на солнечном берегу увидел склон в ярко-красном убранстве на фоне глянцевых зелёных листьев брусничника. Встал на колени и пригоршнями стал собирать поспевшую бруснику, наполнив желудок ягодой, он насобирал ещё и на вечер в солдатский котелок. Второй раз наткнулся в примыкающем ущелье на заросли смородины. Переспевшей крупной чёрной ягоды были целые плантации. Удалось набрать даже на завтрашний день.

Ночевал охотник под густой елью, для бывалого таёжника это обычная ночёвка. Епифан торопился, чтобы к вечеру добраться до заветных

солонцов. Подходя к солонцовой полянке, которая была размерами с волейбольную площадку, охотник насторожился, увидев над вершинами деревьев скопление хищных птиц, летающих с громкими надсадными криками. Бывалый таёжник стал напряжённо всматриваться сквозь густые заросли, чтобы опередить возможную опасность, он пробирался аккуратно, чтобы сучья не трещали под ногами.

Вдруг охотник увидел в дальнем углу солончаков несколько волков, которые рвали какую-то тушу. Епифан, не раздумывая, выстрелил по своре серых хищников, хотя в стволах патроны заряжены были всего лишь крупной дробью. Неожиданный оружейный грохот и просвистевшая над головой, а возможно, и задевшая волков дробь спугнула их. С оскаленными пастьями, выражая недовольство, свора исчезла в зарослях. Охотник устремился к их добыче. На солончаковой белёсого цвета истоптанной глинистой почве распласталась стройная косуля. Вся брюшная часть была съедена и изодрана. Косуля была ещё тёплой, очевидно, она увлеклась слизыванием солоноватой поверхности, и в этот момент хищные пираты набросились на беззащитную красавицу и мигом перегрызли горло. Епифан внимательно рассмотрел волчью добычу и сделал для себя вывод, что можно ограничиться порцией этого мяса, которого было килограммов тридцать пять.

Охотник умеючи разделал мясо, уложил в приготовленные рюкзаки и унёс их к берегу реки. Смастерив плот, для которого у него было всё подготовлено, Епифан отправился в плавание. Через три дня рабочий был уже в бригаде. Борис вначале подумал: что-то случилось, и Епифан возвратился, отказавшись от похода к солончакам, но, когда увидел принесённый рюкзак с мясом, обрадовался. Бригадир стал расспрашивать, каким образом удалось обернуться так быстро. Выслушав, геодезист попросил рабочего не говорить помощнице, что волки задрали косулю и что они касались мяса. Епифану про волков пришлось умалчивать. Второй рюкзак мужчины принесли вместе.

В течение месяца бригада питалась мясом. Епифан за этот период приспособился мясо солить, сушить, коптить, делать котлеты, запекал мясо в золе, засаливал мясные дольки в брусничном соке. Благодаря этому мясу объём работ удалось выполнить полностью.

Младенец из фактории

После коротких оттепелей на снегу образовалась твёрдая корка, по такому апрельскому насту ехать на оленьей упряжке одно удовольствие. Эвенк Кеша работал каюром в экспедиции с первых дней апреля. Сегодня его отправили в факторию купить продукты. Олени бежали по заснеженной тундре дружно. Всю ближайшую заполярную округу бывалый оленевод изучил с детских лет. Несколько лет работал в разных экспедициях. В этом году колхоз откомандировал на лето Кешу с оленями в геодезическую экспедицию.

Показался большой дом, в котором располагалась фактория, она существовала с давних времён. В неё Кеша приезжал, когда был совсем маленьким, тогда привозили его родители, они работали пастухами, пасли стада оленей. В факторию ездили на оленьих упряжках, сдавали пушнину, а на эту выручку набирали всё необходимое для постоянной скитальческой жизни в тундре. Кеше нравилось приезжать с родителями в факторию: в моменты покупок имелась возможность вдоволь поесть сладостей, а потом уезжали в тундру на месяц, а иногда приезжали гораздо реже. Для поездки в факторию нужно было иметь достаточное количество пушных шкурок. Продавцы в фактории часто менялись, они записывали в своих огромных журналах долги. Были случаи, когда приезжие семьи пастухов не укладывались в сумму, которая им причиталась за пушнину, поэтому им отпускали товары в долг, записывая в журнальную книгу.

Подъехав к фактории, оленевод разочаровался. Дом был на замке. Каюр вспомнил, что, подъезжая к реке, на берегу которой возвышалась фактория, он видел пролетающий в небе вертолёт; теперь стало понятно, что продавец улетел за пополнением магазинных запасов. Кеша расстроился, он мечтал в первую очередь купить охотничьи припасы. В последние дни ему встречалось в тундре большое количество песцов, но закончился порох, поэтому азарт свой «утешить» не смог. Бригадир тоже написал большой список для приобретения продуктов, но теперь предстояло поехать на лабаз. Инженер рассчитывал питаться продуктами покупными, пока имелся наст, а припасы из лабаза оставить на летний период, но не получилось. Обычно около фактории толпились люди, всегда стояли олени упряжки, а иногда собачьи. Пастухи часто приезжали целыми семьями и жили несколько дней, они отоваривались подолгу, иногда с перерывами на другой день. Для проживания приезжих охотников и пастухов были сооружены два огромных чума, в которых скапливалось порой большое количество людей, некоторые

ютились с детьми. Таких торгово-снабженческих и заготовительских пунктов в отдалённых промысловых районах Крайнего Севера осталось совсем немного. В чумах люди из тундры жили сутками, как в гостинице или на постоялом дворе, но без оплаты.

Кеша отправился в чум, в нём было тепло, на печке в чайнике кипяток ещё не остыл. Эвенк понял, что пастухи уехали недавно. Каюр стянул с головы шапку, решил передохнуть после долгой поездки и попить чая. Вспомнилось, как в детстве в этом чуме ему иногда приходилось ночевать. Сохранилось всё, как раньше: печь посередине с трубой; вверху чума отверстие для дыма; полы устелены старыми шкурами — они ещё больше постарели; около печки расстелена выцветшая клеёнка, приспособленная вместо стола, на которой стояло несколько штук алюминиевых кружек и изогнутых мисок. По всей окружности чума, у конусных оснований, сгрудились кучи изрядно потёртых оленьих шкур, на которых спали приезжие кочевники.

В печке ещё дымились угли, каюр решил подогреть чай, он подбросил несколько полешек, наклонился и начал раздувать тлеющие угольки. В это время он вдруг услышал странные звуки, похожие на детское всхлипывание. Кеша насторожился, привстал, на несколько минут замер, стояла абсолютная тишина. Он вышел из чума, убедился, что олени привязаны, затем заглянул в соседний чум, там было холодно. После этого возвратился в чум, дрова в печке потрескивали, он присел около печки и стал набивать свою старенькую замусленную трубку махоркой. Закурил, в тепле захотелось поспать, но эвенк вспомнил, что ему нужно теперь заехать к лабазу за продуктами, поэтому заторопился пить чай, который был уже горячий.

В это время опять послышались детские всхлипы, на этот раз они прозвучали чётко в дальнем темном углу, где сосредоточилось скопление шкур и каких-то нагромождений. Кеша осторожно шагнул к угловой свалке и начал потихоньку растаскивать обрывки шкур, вытянул потёртую детскую малицу, затем в руки попали маленькие, расшитые цветным бисером варежки. Звуки затихли. Бывалый оленевод стал грешить на свои уши, он давно начал замечать, что слух у него слабеет.

На этот раз совсем рядом послышался шорох. Кеша ухватился и вытащил свёрток, лежавший в корыте из берёзовой коры. В нём был маленький ребёнок в опилках, крепко завернутый в цветастую простынку. Из узких прорезей были видны улыбающиеся глаза. Ему было, наверное, полгода, возможно, больше. Странно, он не плакал, его чёрные глазёнки, словно угольки, с любопытством были обращены на пришедшего незнакомца.

Эвенк увидел за печкой несколько опустошённых бутылок из-под вина и сразу всё понял. Каюр не знал, что ему делать с младенцем, поняв, что хозяева его забыли, когда они спохватятся и когда приедут за ним, не известно. В такую сложную ситуацию бывалый оленевод никогда не попадал. Где-то за чумом послышался шорох, Кеша обрадовался, что возвратились за ребёнком хозяева, на душе отлегло, он положил корыто с младенцем на кучу шкур и отправился на улицу. Здесь было пустынно, кругом белым-бело; очевидно, олени, стоявшие в упряжке, сдвинулись в кучу — этот звук проник в чум. Каюр обнаружил, что олени ведут себя беспокойно, они уткнулись головами друг к другу, словно заняли оборонную позицию. Эвенк понял, что олени своим чутьём уловили приближающуюся снежную пургу, которая в северных широтах иногда затягивалась на целые недели. Появившийся слабый ветерок перемещал снежную пыльцу вокруг громоздкого чума. Небо затягивалось тучами свинцового цвета. Струйки снега проникали во все щели. Озабоченный, эвенк прошмыгнул в тьму чума и стал заниматься поисками съедобного для ребёнка, ведь скоро он начнёт реветь, его нужно кормить. Никаких продуктов он не нашёл, обнаружил только брезентовый мешок с опилками вперемешку с берёзовой чагой. Кеша догадался, что это заготовлено для пеленания ребёнка, поэтому решил забрать с собой. Надвигающаяся метель не давала возможности для размышлений, пробыть в чуме длительное время — это значило остаться на голодную погибель вместе с малышом. В период бурана и снегопада сюда никто не приедет и тем более не прилетит, поэтому как можно быстрее нужно умчаться из этих мест, чтобы остаться живыми.

Каюр завернул младенца в оленью шкуру, привязал к нартам, потому что дорога предстояла дальняя, порою ухабистая. Вызывало недоумение, что ребёнок молчал. Метель усиливалась, упряжка отправилась в путь. Кеша понимал, что обязательно нужно заехать к лабазу за продуктами, а главное, забрать там сгущённое молоко для младенца — это, пожалуй, единственный продукт, который пригодится для кормления ребёнка. Приближение снежной бури действовало на оленей, они бежали с огромной скоростью, повезло, что ветер дул попутный. Иногда попадали снежные торосы, были случаи, когда полозья задевали край заснеженных нагромождений и нарты могли перевернуться.

До лабаза упряжка домчалась удачно. Кеша забрал две упаковки сгущёнки и продукты по списку. Снегопад усиливался. Начинала завывать вьюга. Ехать с младенцем становилось страшно. Оленевод торопился, главное теперь не сбиться с маршрута, он надеялся на интуицию оленей. Груз на нартах увеличился, поэтому рогачам работа усложнялась. От лабаза они побежали с заметными трудностями.

Из свёртка в оленьей шкуре доносилось кряхтение. Это больше всего беспокоило эвенка. С одной стороны, его успокаивало, что ребёнок живой, а с другой — беспокоило и озадачивало, что делать дальше, а главное, для бригады он создаёт дополнительную заботу, беспокойство, проблемы, которых и так появляется каждый день значительное количество. Тем более, что через несколько дней предстояло переходить на вьючный транспорт, а это усложнит передвижение с ребёнком. Оставалась пара недель, когда поездки можно будет осуществлять ещё на оленьих упряжках. Бригадир торопился воспользоваться этим самым благоприятным периодом, когда на оленьих нартах имелась возможность пересекать реки, ручьи, озёра, — всё это происходило в считанные минуты.

К палаточному лагерю удалось приехать до урагана, но снег валил огромными хлопьями, ветер сбивал с ног. На берегу реки возвышались три палатки, в большой размещался бригадир, у него хранился инструмент и всё оборудование. В одноместной новенькой палатке жила студентка, она выполняла должность помощницы бригадира. В другой маленькой палатке, выцветшей до белизны, ютился каюр, у него лежали все продукты, потому что ему приходилось заниматься кухонными делами, иногда помогала студентка.

Услышав крики подъезжающего оленевода, бригадир и помощница вышли из своих палаток. Геодезист стал расспрашивать о причине задержки, Кеша тем временем развязал младенца и вручил его студентке. Она, не понимая смысла переданной упаковки, начала её рассматривать — в это время оттуда послышался странный звук; девушка мечтала о маленькой собачке, поэтому подумала, что Кеша привёз ей щенка. Открыв упаковку, студентка вскрикнула от неожиданности. Она покраснела, затем стала протягивать Кеше младенца. Бригадир, приблизившись, смотрел недоумённо на ребёнка, который, к великому удивлению, до сих пор так и не плакал.

Кеша вынужден был рассказать, откуда у него появился этот ребёнок и зачем он его сюда доставил. Каюр заверил, что, как только прекратится пурга, он сразу же увезёт младенца в факторию. Потом студентка забрала малыша и отправилась в свою палатку, пояснив, что его нужно перепеленать, но для этого попросила срочно согреть воды. Каюр с бригадиром занялись костром и стали придумывать, каким образом ребёнка накормить сгущённым молоком. Девушка объявила, что это мальчик. Она пояснила, что ей приходилось пеленать младшую сестрёнку, поэтому с этой работой она справилась успешно. Теперь у всех появилась забота; нужно накормить гостя. Он начинал сильно кряхтеть и усиленно ворочаться, студентка пояснила, что это первый признак его желания поесть. Он,

конечно, изрядно проголодался. Помощница вспомнила, что её отец, отправляя дочь в экспедицию, зашил в карман куртки соску, наполненную спичками и боковиной от коробка спичек, с наезданием: если промокнешь, то всегда будет возможность воспользоваться этой заклеенной упаковкой, чтобы разжечь костёр. Сейчас эта соска пригодилась для прямого использования. Сгущённое молоко развели кипятком, а соску натянули на алюминиевую солдатскую фляжку, наполненную молочной жидкостью. Младенец с удовольствием сосал, поглядывая поочерёдно на каждого незнакомца.

Взрослые с большим интересом увлеклись кормлением, благо, что пурга приостановила производство геодезических измерений, поэтому свободного времени было много. Метель продолжалась неделю, за это время все привыкли к малышу, он покорила всех своим спокойствием, ни разу не заревев. Его стали подкармливать бульоном из консервированных продуктов. Как только пурга закончилась, начались дожди, затем установились солнечные дни. Наст в тундре исчез — оленевод задумался, что на выючных оленях до фактории с младенцем добираться придется очень долго. Прежде всего, предстояло разыскать олешек, которые разбрелись по речной долине за время долгой снежной выюги. Два дня каюр собирал оленей. Собрав, он повёл их к палаточному лагерю. Пересекая речную долину, он провалился в полынью. Ночью у Кеши поднялась температура. Он сильно разболелся. Бригадиру пришлось по радиации вызывать вертолёт.

Через несколько дней прилетел вертолёт, он доставил в бригаду недостающего рабочего и молодого каюра на замену заболевшему. Кеша попросил лётчиков залететь на факторию, чтобы оставить там младенца, а они рассказали, что продавца арестовали за махинации, подыскивают нового человека, поэтому, когда начнёт функционировать фактория, неизвестно. Больной оленевод забрал свёрток с малышом и улетел — дальнейшая судьба младенца из фактории осталась неизвестной.

Поиск интернатских подростков

Солнце приближалось к горизонту, в последние дни августа в заполярной зоне стали появляться ночные сумерки, закончились непрерывные полярные дни, вечерняя прохлада стала угнетающе действовать на комариное «процветание», хотя их начала сменять въедливая мошка. Из-за гор вынырнул грохочущий вертолёт, он сделал один круг и сразу пошёл на посадку. Нам было понятно, что это прилетел Владимир Смирнов, — только он один так летал смело. Вертолёт приземлился на вертолётную площадку, которая была оборудована на берегу озера в ста метрах от базы партии. С одной стороны площадки уцелели лесные заросли, а по другую сторону лежали скопившиеся пустые двухсотлитровые железные бочки, которые когда-то были наполнены бензином, а теперь ждали своей очереди, когда их увезут на вертолётах или гидросамолётах в Игарку, заполнят бензином и снова доставят на берег Среднекулюмбинского озера. Опустошённых бочек скопилось более трёхсот штук, они были хаотично разбросаны. Начальник партии ожидал рабочих, которые вскоре должны высвободиться на полевых работах и тогда приступить к сортированию бочек и подготовке их на вывоз в Игарку. Два или три десятка бочек были наполнены бензином, которого оставалось только для завершения полевого сезона.

Я в то время работал начальником экспедиции, прилетел на базу партии, чтобы побывать в бригадах, но пришлось задержаться из-за отсутствия вертолёта. Перед началом учебного года вертолёты были изъяты у всех экспедиций и направлены на вывоз школьников из стойбищ в школу-интернат. Такой порядок был заведён в далёкие времена. Увидев прилетевший вертолёт, мы с начальником партии Николаем Афанасьевичем Пококаевым отправились к вертолётной площадке. Из салона вертолёта повыскакивали дети, их было около двух десятков.

Навстречу к нам шёл командир вертолёта Смирнов, он посетовал, что долетался до такой степени, что загорелась контрольная лампочка, сигнализирующая об отсутствии бензина. К нам залетел с просьбой заправиться. Он знал, что отказа не может быть. После этого он махнул бортинженеру и тот приступил к заправке. Владимир пообещал нам, что через день прилетит и тогда мы начнём делать облёты по нашим бригадам. Володе нравилось у нас работать, он посетовал, что три дня занимается вылавливанием детей из школы-интерната. Эту работу выполняют по указанию руководства города, под строгим контролем всех силовых

структур. Лётчик рассказал, что вчера свозил детей из стойбищ левобережья Енисея. В каждом стойбище школьники ждали вертолёт, были чисто одеты, некоторые в пионерских галстуках. Дети рассказывали, что всё лето ждали, чтобы скорее уехать в школу. Они с гордостью рассказывали, что у них в интернате тепло, хорошо кормят в столовой, спят на кроватях.

По словам командира, дети на правобережье совершенно другие: они собраны из семей пастухов. Большинство подростков не хотели уезжать от родителей, прятались, приходилось заниматься поисками и даже вылавливанием. Два подростка ушли в огромное стадо оленей. Передвигались на четвереньках, — их невозможно было найти. Родители размахивали руками, поясняя, что дети не хотят уезжать из своих семей. Полдня потратили, чтобы выловить этих подростков. Их даже не пугают приближающиеся лютые морозы, в зимний период в тундре солнце не показывается круглые сутки. Ночь длится месяцами. В чумах никаких кроватей не существует, с дровами в зимний период тоже сложно. Пастухи на зиму дров не заготавливают, поэтому зимой тепла особого в чумах не бывает, но большинство детей не хотят уезжать из тундры от родителей. Лётчик был против такой политики, он много лет работал в Заполярье и убедился, что скоро некому будет пасти оленей. Юноши и девушки, получив образование, в тундру не возвращаются. Смирнов был против поголовного и насильного обучения.

Беседуя с экипажем, мы увидели, что дети, посетив лес, начали возвращаться к вертолётной площадке. Вид у них был усталый. Некоторые торопились занять удобные места в салоне. Другие толпились около вертолёта рядом с сопровождавшими их преподавателями. Одеты они были скромно. Экипаж торопился, поэтому заправку вертолёта закончили быстро. Командир заверил, что через день-два точно прилетит к нам и отправился подниматься в своё кресло. Бортинженер захлопнул дверь в салоне, мы стали отходить от площадки.

Вдруг дверь резко раскрылась, из проёма выскочили двое сопровождающих и побежали в лес. Для нас это стало загадкой. Через несколько секунд появился ещё один парень, он тоже устремился в заросли. У нас сложилось впечатление, что у парней расстроились желудки, — уж очень они поспешно скрылись в лесу. Затем вышел бортинженер, наш знакомый, он поведал, что два подростка во время заправки сбежали. Эти мальчишки — близнецы, их кое-как выловили в тундре, они прятались в табуне оленей.

В лесу слышались крики, это сопровождающие пытались призвать подростков, чтобы они возвратились и не задерживали полёт вертолёта. Смирнов поведал нам, что ему нельзя без них возвращаться в Игарку. За них

уже отчитались. За потерю детей несут ответственность сопровождающие сотрудники, которые прикомандированы из силовых структур. Командир вертолѐта нервничал, высказывал бранные слова в адрес бездельников сопровождающих: ему до наступления темноты обязательно нужно было прибыть в аэропорт. Поисковики разбрелись по лесу, часто перекликались, но к вертолѐтной площадке не возвращались. Для экипажа наступило критическое время вылета.

Радистом на базе партии работала опытный специалист Маша Головина, до прихода в экспедицию она трудилась в аэрофлоте, поэтому умела связываться по рации с бортами вертолѐтов, самолѐтов. Смирнов договорился с Машей, чтобы она сразу ему сообщила, как только подростки появятся. Если это произойдѐт через десять-двадцать минут, то он за ними возвратится. Командир завѐл двигатель, из леса прибежали поисковики, и вертолѐт улетел. Наступила тишина, начал накрапывать дождь, мы направились в помещение.

Через несколько минут появились подростки. Мы стали их расспрашивать, где они находились; они улыбались, но так и не признались. Радистка сообщила командиру, и вскоре вертолѐт возвратился. Мы все отправились к вертолѐтной площадке вместе с подростками, лавируя между разбросанными бочками. Как только вертолѐт приземлился, дети исчезли, словно провалились сквозь землю. Экипаж возмутился, и вертолѐт сразу же улетел. Мы все попали в неприятную ситуацию: якобы сообщили ложную информацию или не смогли уследить за двумя сорванцами. Все испытывали неприятные ощущения. После отлѐта вертолѐта в помещение не пошли, стали заниматься поисками, тем более, что это произошло вдали от леса, на чистом месте, среди бочек.

Первым обнаружил близнецов моторист Борис Чичиков. Он закричал, указывая рукой на лежащие пустые бочки. Среди громадного количества бочек поднимались с коленок два подростка. Борис отправился к ним и разоблачил их, увидев три бочки с вырубленным с одной стороны дном. Эти чистые пустые бочки использовали летом для лабазов. В экспедиции давно приспособились делать лабазы из бочек. Заполняли бочку продуктами, затем закрывали железной крышкой, сверху затягивали клеѐнкой или рубероидом и завязывали проволокой. Даже не всегда мог воспользоваться таким лабазом медведь.

Подростки залазили в эти бочки мгновенно, проходя мимо, они становились на колени, заталкивая ноги вовнутрь, а затем втягивали туда свое худощавое тело. Экспедиционные работники попали в тупиковое положение. Долго взрослые стыдили детей, а они вторили, что всё равно из интерната сбегут. На ночь детей приютили на базе партии, накормили и

уложили в спальные мешки на раскладные кровати. С наступлением темноты моторист завёл движок, вспыхнули электрические лампочки, заработали радиоприёмники. Детям на базе партии понравилось. Маша по рации сообщила Смирнову о бочках, в которых скрывались близнецы; он попросил удержать их утром, пообещав, что прилетит утром рано. На этот раз миссию удерживания детей взял на себя Борис. Утром рано он взял их на моторную лодку, попросил подростков помочь выбирать рыбу из сетей. На середине озера были установлены сети. Озеро огромное. Близнецы увлеклись этой кропотливой работой, особенно трудно было освобождать зубастых щук. Кроме рыбы в сети налезли утки, которые перепутали сети, поэтому потребовалось много времени, чтобы вытащить из сетей рыбу и уток.

Вскоре над озером показался вертолёт, но Чичиков не торопился заводить мотор, хотя дети настаивали отправиться к берегу. Моторист предчувствовал, что сорванцы придумают ещё уловку, чтобы ускользнуть от поездки, поэтому решил передать детей в руки прилетевших сотрудников. Когда члены экипажа и сотрудники пришли к берегу, Борис завёл мотор и причалил лодку к берегу. Теперь беглецы оказались в надёжных руках. Их отвели к вертолёту и от себя не отпускали.

Через два дня на базу партии прилетел вертолёт, Смирнов рассказал, что перед отлётом сюда вдруг увидел близнецов в аэропорту. Они подходили к вертолётам, которые готовились к вылету и расспрашивали экипаж, в какую сторону они летят. Интернатовцы объясняли, что им сообщили из чума с озера Хаканча о плохом самочувствии их матери, которая находится якобы в предсмертном состоянии, они хотели бы застать её живой. Так случилось, что в тот день все вертолёты улетали на левобережную сторону.

Смирнов увидел своих подопечных, которые трепали ему нервы вначале во время вылавливания их среди оленей, затем на Среднекулюмбинском озере, когда его чуть не наказали за полёты в ночное время. Командир сразу же отправился в здание аэропорта и позвонил в интернат. Вскоре появились работники интерната — оказалось, что дети уже сутки, как исчезли. Ночевали они в аэропорту в собачьей будке.

Близнецы вновь заявили, что из интерната они сбегут.

Из-за ласки обвинён в воровстве

В период всеобщего картографирования территории нашего государства в Алма-Ате были организованы двухмесячные курсы для геодезистов и топографов, работавших в высокогорных районах страны. На этих курсах обучали специалистов безопасному ведению работ в горной местности. Ведущие альпинисты страны прививали навыки правильных методов подъёма на отвесные вершины гор и спуска с них. На этих курсах прошёл учёбу топограф Иван Кунтиков, работавший в партии, которую удалось возглавить мне.

После курсов Иван начал выполнять полевые работы в предгорьях Саян; как только бригада приблизилась к высокогорным вершинам, топограф сообщил об этом по радиации на базу партии. Мне хотелось посмотреть и принять участие в процессе подъёма на одну из вершин Саян, которые освобождаются от снежных покрытий на несколько недель в году. Мы с проводником Тюлюшем Хуурак верхом на лошадях отправились к подножию горы, где ожидала нас бригада Кунтикова.

Восхождение мы начали утром рано. Отправились втроём, с нами был ещё помощник бригадира. Иван предусмотрел всю экипировку, как их учили; больше всего мне нравились ботинки с мощными шипами. Раньше мы поднимались на подобные вершины в обычных кирзовых сапогах, иногда с изношенными, отглянцованными подошвами. На этот раз наш подъём происходил по всем правилам, на нас были надеты пояса безопасности. Иван объяснял нам методы безопасного восхождения с использованием специального оборудования. Его научно обоснованные траверзы не позволяли нам подниматься под прямым углом. На восхождение ушло много времени, но зато это было безопасно. Каменные утёсы порой становились отвесными, приходилось их обходить, иногда использовали для подстраховки капроновые верёвки со специальными наконечниками. Подъём был сложным, каменистая поверхность в большей степени покрыта скользкой, обомшелой плесенью. Ботинки оказались незаменимыми.

Когда мы поднялись на остроконечную скальную вершину, меня больше всего удивила возведённая на острие каменного утёса геодезическая пирамидка, построенная нашими коллегами много лет назад. Она почернела от постоянных ветров, снежных бурь, ледяных покрытий. Ещё больше меня удивил труд наших коллег, которые без всякого альпинистского оборудования, в обычных кирзовых сапогах, на своих плечах затаскивали

деревянные детали, цемент, воду, чтобы водрузить геодезический центр на этой высочайшей вершине Саян.

Кунтиков установил теодолит и приступил к измерениям, помощник стал записывать отсчёты. Видимость была великолепная, вокруг вершины каменные нагромождения, затем, далеко внизу, альпийские луга, а дальше необозримые пространства тёмно-зелёной тайги. На такой высоте, глядя на гигантские просторы, появляется радость и воодушевление, что наша страна действительно громадная и богатая. Я раскрыл свою портативную радиостанцию «Недра» и начал связываться с базой партии. Слышимость была прекрасная. Радист вдруг мне сообщил неприятную весть, что сегодня утром на базе партии появились сотрудники милиции, арестовали нашего кладовщика Александра Александровича Рамазина, обвинив его в воровстве магазина. Якобы ночью он на лошади поехал и ограбил магазин, который располагался на противоположной окраине нашего посёлка. Я понимал, что это полный абсурд, он жил на базе партии со своей семьёй — женой и маленькой девочкой. Радист сказал, что жена и дочь были в шоке, они жили в одной комнате все трое.

Мне пришлось срочно спускаться с вершины к палаточному лагерю. У меня в голове засела это неприятное сообщение, поэтому я забыл про безопасный спуск и шёл напрямик быстрыми шагами, стараясь скорее добраться до лошадей, чтобы отправиться на базу партии спасти своего работника, зная заранее, что он не виновен. Жила семья очень скромно: Рая работала у нас уборщицей, ей постоянно помогала восьмилетняя дочь. В экспедиции Рамазин считался самым лучшим кладовщиком. На складе у него всегда был порядок, спецодежда разложена по размерам, в продуктовой отсеке сохранялась идеальная чистота, в отношении отчётности никаких нареканий со стороны бухгалтерии никогда не было. Увлекался он ночной рыбалкой, однажды я принимал участие в этом странном мероприятии. На задах базы партии протекала горная река Ус, в ней водилось много рыбы. Про такой метод ловли рыбы я впервые узнал. Ночью, при слабом лунном освещении, мы плыли вдвоём на лодке, он бросал в воду сетку небольшой длины. Мы продолжали плыть вниз по течению, нашу лодку несло течением, сеть параллельно тоже плыла; мы не пользовались мотором, кое-когда мне приходилось подправлять веслом, чтобы не вынесло лодку на берег. Глубина реки в среднем полтора метра. Через какое-то время мы причаливали к берегу и вытаскивали сеть, в ней было полведра рыбы. Этим промыслом он занимался обычно в одиночку, таким образом подкармливая свою семью.

Мы с Тюлюшем верхом на лошадях торопились скорее добраться до базы партии, чтобы выяснить подробности. Радист рассказал, что

сотрудникам было известно от какого-то жителя, что человек, ограбивший магазин, приезжал верхом на гнедой лошади, поэтому сотрудники сразу заглянули в конюшню — там среди трёх находившихся лошадей одна была гнедой. Эта гнедая лошадь была взмыленной, сотрудники сделали заключение, что на ней всю ночь ездили, коль она была вспотевшей. Они сразу вошли в комнату, где спали кладовщик с женой и рядом на кровати их дочь. У входа в их комнату они наткнулись на мокрые сапоги и вымокший брезентовый плащ — это их окончательно убедило, что дело раскрыто. Сотрудники стали допрашивать в грубой форме, требуя, чтобы кладовщик признался и показал, куда спрятал награбленные продукты, вещи и водку. Потребовали открыть склады. Жена и дочь плакали, доказывали, что он ночью рыбачил, рыба лежит в тазу, а потом он лёг спать и не вставал, но их никто не слушал. Из-за того, что кладовщик не сознался в ограблении магазина и не показал награбленное имущество, его забрали в отделение.

Про потную лошадь знал только я один. Я родился в потомственной семье конюхов, детство провёл среди лошадей, с малых лет не слазил с лошадей, постоянно ездил верхом без седла. У нас имелась одна лошадь, которая утром постоянно была потной, иногда взмыленной. Отец открыл мне эту тайну. Он поведал мне, что в конюшне поселилась ласка — это самый мелкий зверёк из всех хищников. Она в три-четыре раза длиннее, чем мышь, иногда длина тела достигает тридцати сантиметров, у неё тонкое, вытянутое, удивительно гибкое туловище. Питается она мелкими грызунами, в основном мышами. Она выделяется из всех хищников своей светло-белой окраской. В летний период спина ласки приобретает серебристый цвет. Ласки обычно водятся в конюшнях, поблизости с лошадьми. Этот таинственный зверёк редко попадает на глаза человеку, у ласки имеется странное увлечение — заплетать косички в лошадиных гривах. Известно, что лошади спят стоя. В этот период ласки плетут косички на гривах лошадей, иногда косички получаются приличными, но в большей степени они выглядят, как взъерошенные, запутанные пряди скомканных волос. Лошади на плетение косичек не обращают внимания, может, им этот процесс нравится. Все лошади воспринимают ласку, когда она копошится в гриве, спокойно. Была одна у нас лошадь, которая не воспринимала присутствие ласки на своей гриве, она бегала по конюшне, вставала на дыбы, чтобы сбросить вцепившегося зверька, в таком состоянии лошадь находилась до самого утра. Утром, когда отец начинал запрягать лошадь, она была взмыленной, уставшей, к такой лошади начинали приставать разные болячки.

Раньше в деревнях не знали о действиях таинственного зверька и говорили, что домовый не полюбил эту лошадь, поэтому ночью гоняет её по

конюшне.

Я знал, что гнедая лошадь на базе партии не воспринимает ласку, поэтому иногда на ночь выводил её из конюшни в летний загон, который находился рядом. На базе партии большинство работников тоже не верили, что какой-то зверёк может доводить лошадь до потного состояния.

Мне было понятно, что наша взмыленная гнедая лошадь послужила основой для обвинения кладовщика в ограблении магазина. Я сразу же отправился к руководству отдела и постарался разъяснить, что лошадь была потной из-за ласки, но сотрудники не понимали даже, о чём я говорю, и они не хотели слушать, сказав, что дело раскрыто и к нему они больше не вернутся: у них достаточно много других дел.

Я вынужден был сообщить о случившемся начальнику экспедиции, и попросил командировать юриста Рыбасова. Он был лёгкий на подъём, хотя его возраст был весьма почтенный. Юрист представился руководству милиции и попытался доказать невиновность нашего работника, но понял, что они уже отчитались этим раскрытием. Юрист пояснил мне, что он доведёт дело до положительного результата.

Рядом с базой партии жил местный лесник, который каждый день отправлялся верхом на своей лошади заниматься своими делами. Юрист обратился к нему, понимая, что такой житель знает всю округу. Лесник пояснил, что слышал про ограбление магазина и о том, что грабитель арестован, был удивлён причастностью к этому экспедиционного кладовщика. Когда речь пошла о гнедой лошади, на которой сделали ограбление, лесник сразу же пояснил, что такая лошадь имеется у деревенского пастуха, который находится в запое несколько дней, жители пасут коров сами по очереди. Юрист с Тюлюшем отправились к пастуху, он действительно находился в беспросыпном состоянии, а в доме были разбросаны ворованные магазинные продукты, вещи и водка.

Юрист сумел вызвать сотрудника прокуратуры из районного центра, который приехал и увидел своими глазами пьяного грабителя. После этого сразу же освободили нашего кладовщика, который находился под арестом несколько дней.

Это произошло благодаря высокой квалификации нашего юриста и его целенаправленных действий.

Так закончилась эпопея, когда из-за странных действий таинственного зверька чуть не засудили невиновного нашего работника.

Сорок семь дней в небытии

Врачи сделали заключение, что состояние здоровья доставленного инженера-геодезиста Михаила Климентьевича Полонянкина характеризуется полной утратой сознания, нарушением кровообращения, дыхания, отсутствием рефлексов. Сорок семь дней пролежал Михаил в больнице города Муравленко, расположенного на севере Тюменской области. Все эти дни больной находился в реанимации, врачи пытались оживить организм в период его клинической смерти. Большинство медицинских работников считали его мертвецом, потому что находиться в коме в таком раздавленном состоянии практически было неправдоподобно. В реанимации разрешили присутствовать жене; с Аллой они вместе учились, затем долгие годы скитались по экспедиционным маршрутам. За полтора месяца Миша ни разу не подал признаков жизни. Медицинские работники зафиксировали у больного сильный ушиб головы, сломанную ногу, раздавленные рёбра, многочисленные ссадины, местами содранную на теле кожу.

Случилось это в конце полевого сезона, в кармане лежал билет, через три дня должен был уехать домой в Екатеринбург. 25 октября на автомашине с бригадой ехал по лесной дороге, предстояло проделать последние геодезические измерения. Рано утром дорога оказалась покрыта льдом, при спуске с крутой горы вдруг на повороте появилась встречная машина. Автомобиль стал неуправляемым, машины столкнулись лоб в лоб. Машины и людей растаскивали с большим трудом, потребовалось много времени, но Михаил об этом уже не знал; его сознание сразу отключилось. Вначале его посчитали мёртвым. Инженера вместе с травмированными рабочими доставили в больницу; опытный хирург сумел уловить, что геодезист ещё живой, поэтому сразу поместил его в реанимационное отделение.

Клиническая смерть продолжалась сорок пять дней, после этого врачи решили отключить аппаратуру искусственного дыхания на одну минуту, два дня проводили такой эксперимент. Без искусственного дыхания больной выдерживал одну минуту, затем начинал синеть. В течение суток отключали аппаратуру, увеличивая по секундам временной разрыв, добиваясь оживления организма. Через двое суток дыхание восстановилось. Больной приоткрыл глаза; он начинал новую жизнь — не умел говорить, не узнал свою жену. Жизнь начиналась с чистого листа. За сорок семь дней нога не срослась, жизнедеятельность отсутствовала, поэтому рёбра и все остальные травмы не давали покоя. От сильных болей больной стонал, хирург говорил:

«Коль ему больно, это хорошо, нужно радоваться, значит, он живой». Алла делала массаж мужу, учила его говорить, произносить слова. День за днём приходилось возвращаться к новой жизни. На лице стали появляться признаки мимики, прежде всего в процессе уколов, которых ставили ежедневно огромное количество, в течение дня восемь раз брали на анализ кровь. Врачи стали называть Аллу «декабристкой»: она день и ночь боролась за жизнь мужа. Самыми радостными для неё были первые, произнесённые Михаилом звуки, хотя они были невнятными, но появилась надежда, что он заговорит.

В процессе изучения слов стала восстанавливаться память, Михаил начал произносить отдельные слова, а затем стал говорить, каждый день ему делали массаж. Больному определили вторую группу инвалидности. Ноги, руки не слушались, он не мог шевелиться в течение года. Врачи разрешили транспортировку больного домой в Екатеринбург в сопровождении жены. Из Муравленко на машине скорой помощи Михаила доставили в город Ноябрьск — это расстояние в сто семьдесят километров было самым сложным; затем по железной дороге на специальных носилках до Екатеринбурга, от вокзала группа МЧС привезла больного домой.

Прошёл год, врачи настаивали, чтобы больной начал шевелиться, всё болело. Ночами Михаил стал пробовать шевелить руками, левая рука не подчинялась. Врачи успокаивали, что всё восстановится, необходимо усиленно заниматься физкультурой, Михаил сползал с кровати и передвигался на коленках. Кости на ноге не срастались. Стал делать попытки передвигаться на костылях. Порой от боли появлялись слёзы, но желание встать в экспедиционный строй было превыше всего. Врачи предложили вместо костылей использовать «ходунки», но одна рука находилась в висячем состоянии — этот метод тоже оказался недостижимым. Ежедневный массаж и постоянные кропотливые упражнения по физкультуре порою до измождения приближали больного к цели.

Через два года память восстановилась полностью, речь возобновилась. Благодаря систематическим упражнениям, Михаил вновь возвратился к экспедиционной жизни.

Во второй половине семидесятых годов прошлого столетия мне довелось работать на Урале генеральным директором аэрогеодезического объединения, в этот период Михаил Полонянкин работал в экспедиции № 164 в должности начальника партии. После окончания Томского топографического техникума Михаил с женой приехали в Свердловск; работая в полевых условиях, Михаил поступил в институт на заочное отделение и окончил Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии.

Начальник партии Н.В. Баталин, у которого начинал работать молодой специалист Полонянкин, мне рассказывал о том, что Михаил попал в автомобильную аварию, но это было двадцать лет назад в регионе Полярного Урала. После автомобильной катастрофы геодезист два года находился на лечении. Случилось это в разгар весенних полевых работ, ехал Михаил с бригадой на автомашине ГАЗ-66 по лесовозной дороге. В результате аварии грудная клетка оказалась повреждённой, ушиб сердца был настолько серьёзным, что врачи в течение двух лет продолжали лечить больного, продлевая больничные листки. Однажды Полонянкин попал на приём к семидесятипятилетней женщине-врачу. Она взяла смелость на себя, предложила больному уехать на свою дачу и заняться физическим трудом. На дачном участке Михаил стал кувалдой разбивать камни, сердечные боли прекратились. Через несколько месяцев он вновь отправился на экспедиционные работы.

Недавно мне довелось повстречаться с А.А. Алябьевым, долгие годы мы с ним работали на Урале вместе. Я всегда восхищался его глубокими знаниями в области теоретической фотограмметрии, которые он умел использовать на производстве. Александр Александрович мне рассказал о самоотверженном поступке Михаила Климентьевича Полонянкина, который теперь работает у него.

Услышав бодрый голос Михаила, который сорок семь дней пробыл на том свете, я в первую очередь поинтересовался, как ему жилось в потустороннем мире? «Смерти нет, на том свете тоже жизнь», — ответил он. Михаил рассказал, что за время пребывания на том свете видел всех родственников, знакомых, которые умерли в разные годы, многие из них там трудятся. Михаил вырос в семье, которая жила в районном селе Подгорном Томской области, в пятидесяти километрах от реки Обь. Сибирское село располагается на судоходной реке Чая среди густых таёжных зарослей. Всех деревенских жителей, которые умирали в годы школьной учёбы, Михаил на том свете видел. В течение сорока семи дней удалось повстречаться со всеми жителями, которые ушли в мир иной, но странным было, что видел там только умерших, поэтому живущих за этот период он забыл.

Во сне объехал всю Европу, побывал в Греции, долго любовался голубизной морской воды, запомнился белый храм на берегу острова с белыми колоннадами. В море виднелись белоснежные морские корабли. Инопланетяне дали девятизначный код, у них стал проситься домой, они посадили его в белый шар и отправили. Блестящий шар полетел и вдруг прикоснулся к земле — он открыл глаза. Кругом люди в белых халатах и никого знакомых, даже не узнал свою жену.

День, когда произошла автомобильная авария, не мог вспомнить совсем.

В настоящее время Михаил Климентьевич Полонянкин восстановился полностью и продолжает свою экспедиционную трудовую геодезическую деятельность в подразделении, которое возглавляет А.А. Алябьев.

Эпизоды из экспедиционных маршрутов

Недавно мне удалось вновь побывать в Новосибирске и повстречаться с бывалыми первопроходцами, с которыми пересекались наши судьбы. С президентом Сибирской государственной геодезической академии Иваном Васильевичем Лесных мы учились вместе, он окончил институт на год позже меня. Мы долго вспоминали первые годы работы в экспедиционных условиях после окончания института. Один год Лесных возглавлял геодезическую бригаду в Забайкалье, помощником у него работала его жена, Наталья Борисовна. Местность для передвижения оказалась весьма сложной. Запал в памяти первый переход через горную реку, впадающую в Селенгу. Ширина реки не превышала сотни метров. Из воды торчали обломки горной породы в виде огромных округлых камней. Эти гигантские валуны были преградой горным стокам воды, создавая в затемнённом ущелье бурлящий грохот, который разносился далеко за пределами таёжного распадка. Вокруг каждого валуна происходило завихрение водных потоков, образуя белоснежные пенистые очаги.

Начинающий инженер ходил по берегу, ища способ преодоления водного препятствия не только для себя, но и для всей бригады. Пришлось вспомнить все методы переправ через реки, которые преподавались в институте, с учётом правил по технике безопасности. Прежде всего, нужно было подобрать огромное дерево рядом с водой, спилить его, чтобы оно упало поперёк реки, образуя мостик через реку, но деревьев такой высоты не было, поэтому этот способ остался непригодным. Припомнился метод переправы через водное препятствие вброд, держась за натянутую капроновую верёвку; такую переправу Иван видел даже на рисунке в книге по технике безопасности, но кто такой канат через реку натянет? На практике возникают совсем другие обстоятельства. Иван вырубил шест, привязал конец капронового фала за ствол кедра, а другим концом привязался за свой пояс и отправился в водную бурлящую пучину создавать страховочную переправу. Под ногами скользили камни — он пытался пробираться между нагромождениями валунов, погрузившись по пояс в воду, но понял, что нужно искать другое место перехода: скорость водных потоков была такой стремительной, что передвигаться становилось опасно, тело разворачивало то в одну сторону, то в другую. Бригадир понимал, что если он продвинется вглубь, то бушующие потоки увлекут его в водную пучину, и тогда наступит конец жизни.

Дело в том, что весенние паводки в тот год на редкость оказались катастрофическими. По радиосвязи от руководства каждый день поступали печальные сообщения. В отряде № 63 утонула оленевод Татьяна Кириллова, которая пыталась с оленями преодолеть горную реку; раньше она много раз пересекала эту преграду в данном месте, но в весенний период не учла, что водные потоки сделались стремительными и уровень воды резко поднялся. В отряде № 3 рабочий Виктор Поспелов утонул; он в одежде решил перейти вброд реку, которую пересекал две недели назад, также не подумав, что весенние паводки изменили характер водных потоков.

В эти дни по радиосвязи прозвучало трагическое сообщение из соседнего предприятия: в экспедиции № 115 утонул техник Александр Лопатин. Это случилось 26 мая, техник находился на небольшом острове, вдруг вода стала прибывать, она стремительно начала затапливать песочное пространство острова. Пологие берега скрывались на глазах под толщей прибывающей воды. За несколько часов остров погрузился в воду — Александр оказался в воде, вынужденный плыть, до берега было далеко, вода была ледяной, доплыть у него не хватило сил.

Старший брат Александра работал журналистом в газете «Комсомольская правда», — этот случай стал достоянием средств массовой информации. Появилось много откликов на трагическую гибель молодого геодезиста. В первую очередь стали наказывать экспедиционных руководителей всех рангов, освободили от занимаемой должности начальника этой экспедиции В.Ф. Киреева, понесли наказание многие руководители. Изданным приказом предписывалось руководителям отрядов, партий и экспедиций все переправы через водные препятствия взять под личный контроль. В каждой экспедиции работало более тридцати бригад; ежедневно бригадам приходилось преодолевать водные препятствия по несколько раз; в некоторые дни для пересечения больших рек делали плоты, а иногда сооружали даже мосты, но большинство преодолевали реки вброд и вплавь.

Много времени потратил Лесных для переправы через ту горную реку, несколько раз делал попытки пересечь русло с шестом в руках, наконец, ему удалось перейти реку в самом широком её разливе, хотя это оказалось далеко.

Следующую неприятность пришлось пережить во время экспедиционных маршрутов в предгорной части Казахстана. Передвигались с вьючными лошадьми по степной долине и крутым склонам ущелий, направляясь в предгорья хребтов Тарбагатай. К исходу дня добрались до родника, поэтому сразу набросились на холодную родниковую воду. Здесь же около родника решили заночевать; растительность для лошадей была

скудной, но положение было безвыходным — лошади за день устали; поэтому расседлали лошадей, спутали их, и они направились на поиски чахлой, высохшей, степной травы. До наступления темноты установили палатки и начали собирать кустарник для разведения костра. Кустарник в предгорной части был вполне пригодным для костра. Вскоре разгорелся долгожданный костёр. Стемнело. Уставшие работники бригады поторопились отужинать и залечь в спальные мешки. Дневной маршрут под лучами палящего солнца был весьма сложным. В первой половине дня караван лошадей, состоявший из пяти завьюченных лошадей, вели рабочие по тропе, проложенной по опасному краю ущелья. С одной стороны тропы вплотную были отвесные скалы, а другой — край тропы был обрывистый, уходил в бездну. Лошадей вели медленно, чтобы выюками не задеть отвесные скалы, иначе лошадь не устоит и упадёт в бездну. В деревне жители сомневались, что экспедиционный караван с габаритными выюками сможет одолеть очень узкую тропу; её прокладывали в древние времена для пешеходов с грузами на спине.

На одном из поворотов выюк коснулся скалы, лошадь качнуло, и она сорвалась, с грохотом обрушилась в ущелье. Во выюке находился теодолит ТТ-50. Произошла задержка. С большими трудностями удалось спуститься к месту падения лошади.

Груз пришлось распределять на другие лошади. Упавшая лошадь не могла передвигаться, отказали задние ноги. Предприняли много усилий, чтобы лошадь встала на ноги, но попытки оказались безрезультатными. Хорошо, что от деревни отъехали недалеко, поэтому отправили одного рабочего сообщить сельчанам, чтобы забрали эту лошадь и выдали другого коня для продвижения экспедиционного каравана. Во второй половине дня рабочий догнал караван, который продвигался очень медленно, он приехал верхом на лошади, пришлось её завьючивать, облегчая выюки остальных лошадей. От знойной жары люди и лошади истекали от пота. Слепни и ещё какие-то крупные мухи жалили лошадей, высасывали кровь, причиняя лошадям боль. Поэтому при наступлении вечерней прохлады лошади успокоились, а люди поспешили в свои спальные мешки.

Бригадира беспокоило состояние теодолита, поэтому он у костра установил штатив, прикрепил инструмент и стал осматривать прибор. Вдруг лошади с тревожным храпом и громким ржанием примчались к костру. Грохочущий топот их копыт разбудил работников. Лошади сгрудились у огня, их раздражённое состояние становилось страшным. Один из бывалых рабочих выскочил из спального мешка, заявив, что к лагерю приблизилась свора волков. Оружия не было. Вскоре послышался протяжный вой; обезумев, лошади сделались неуправляемыми, выпучив глаза, они лезли в

костёр. Аксакал призывал собирать кустарник, чтобы поддерживать огонь, он говорил, что в противном случае голодная волчья свора может напасть на людей и лошадей. Весь кустарник, росший поблизости, был уже выломан и срублен, а удаляться в темноту люди боялись. Положение становилось критическим. Жуткий вой усиливался, волки приближались к палаточному лагерю. Рабочие стали рвать высохшую траву, чтобы хоть в какой-то степени поддерживать огонь. При усилении всполохов костра хищники отодвигались от костра, в это время работники успевали собрать как можно больше травы, иногда удавалось наломать вязанку кустов, которые сравнительно долго горели. Степные кусты сделались самыми ценными дровами для поддержания костра. Ночь для работников показалась вечной.

При наступлении рассвета вой прекратился. Уставшие люди изъявили желание завьючить лошадей и удалиться с этого проклятого места.

Участница вечера воспоминаний Лидия Васильевна Есикова после окончания института всю свою сознательную жизнь проработала в Якутии. Она много лет занималась полевыми работами, исходила огромные пространства, возглавляя бригаду по геодезическим измерениям на пунктах триангуляции первого и второго классов. Приходилось постоянно возглавлять экспедиционный караван навьюченных оленей, а иногда лошадей. Во время маршрутов возникали непредвиденные обстоятельства; об одном из таких эпизодов инженер-геодезист поведала на вечере воспоминаний.

Переход оказался утомительным: преобладали лесные заросли. Иногда деревья редели, уступая место лужайкам с обильной луговой растительностью. Олени, навьюченные тяжеленным экспедиционным снаряжением, порой пытались ухватить заманчивую зелень, но короткие поводки не позволяли им дотянуться до изумрудного разнотравья.

Впереди каравана шла с картой в руках инженер Есикова. Предстояло миновать перевал и взобраться на очередную вершину горы, на которой выстроен пункт триангуляции. На косогоре лес расступился, вдали в середине поляны бригадир увидела загадочный предмет, который напоминал небольшое сломанное дерево. Она вытащила бинокль, отфокусировала оптику и стала всматриваться. Это была оленуха. Инженер стала любоваться ею, стоявшей на поляне, гордо задрав голову. Караван приближался к изящной оленухе, но она не убегала, стояла, словно была привязанной. Порой красивое животное напоминало сотворённую скульптуру. Бригадир часто останавливалась, вооружившись биноклем, она всматривалась в чудесное изваяние.

Как только появилась возможность увидеть оленуху невооружённым глазом, с последних рядов каравана приблизился рабочий, вооружившись

ружьём. Инженер начала уговаривать рабочего не стрелять в оленуху. Бригадир подозревала, что с оленухой что-то случилось, коль она не реагировала на приближающихся людей с караваном оленей, с брякающими на их шеях колокольчиками. Рабочий был настроен воинственно, соблазн для охотника оказался весьма великим. С каждой минутой караван приближался к длинноногой красавице всё ближе и ближе. Взоры всех работников были устремлены на оленуху. Её остолбеневшая поза становилась загадочной. Агрессивность рабочего не унималась. Бригадир готова была заслонить оленуху своей грудью. Ситуация становилась напряжённой.

Удивлённый, оленевод, щуря свои раскосые глаза, приблизился к бригадиру и высказал своё предположение, что поляну окружили волки. Когда приблизились к оленухе вплотную, то обнаружили в ногах у неё в траве лежащего оленёнка. Мокрый, только что появившийся на свет, трясущийся оленёнок находился под опекой матери. Дрожащая мать с выпученными, испуганными глазами доверчиво глядела на странных пришельцев. Аксакал-олeneвод, пользующий огромным авторитетом, предупредил работников, что нужно срочно уйти, оставить оленуху, которой предстоит заняться завершением дел роженицы без посторонних глаз и накормить своего младенца.

Якут категорически запретил трогать животных, хотя всем хотелось дотронуться и погладить малюсенького оленёнка. Экспедиционный караван удалился, все работники с любопытством оглядывались — оленуха продолжала стоять, выжидая, когда исчезнут люди, чтобы в одиночестве приступить к своим материнским делам.

Ещё один эпизод из таёжной жизни Лидии Васильевны — это очередная встреча с медведем. Она с помощником находилась на пункте триангуляции, торопились завершить вечерние измерения. Обзор с геодезического знака был великолепным. Вокруг знака возвышались остроконечные ели, поодаль кое-где просматривались лужайки, через перевал начинались горные отроги, покрытые предвечерней синевой дневного солнечного светила. Летний день в этих местах длится долго, поэтому лесные обитатели успевают растратить силы задолго до наступления вечерних сумерек, — в таёжных зарослях наступает тишина. Бригадир периодически произносила отчёты, вдруг послышался странный визг и звуки, напоминающие скобление коры с деревьев.

Геодезист отпрянула от теодолита и начала всматриваться с высоты многоэтажного дома в подножие геодезического знака. Внизу на первых ступеньках лестницы находилась собака, она пыталась подняться по шпонкам вверх, при этом хваталась передними лапами за верхние

ступеньки, взвизгивала, срывалась, затем вновь заползала. Геодезисты были озадачены поведением своей собаки, за весь полевой сезон пёс никогда не стремился приблизиться к геодезическому знаку, а тут вдруг он срочно захотел подняться вверх по лестнице на огромную высоту. Инженер долго рассматривала сверху заросли, пытаясь разгадать странное поведение своего пса.

Наконец Лидия увидела медведя. Хозяин тайги с огромным интересом рассматривал странных пришельцев, которые ходили вокруг столика на высочайшем деревянном сооружении. Медведь устроился у гигантского сваленного дерева. Его массивные передние лапы располагались на замшелом бревне, находились в положении, напомиавшем руки у примерного школьника на парте. Голова лежала на лапах, любопытные маленькие глаза наблюдали за движениями людей на странном сооружении.

Теперь стало понятным поведение экспедиционной собаки, но медведь её не видел. Геодезисты вначале хотели криками спугнуть хозяина тайги, но вспомнили, что недалеко на лужайке пасутся спутанные лошади, если медведь отправится в их сторону, то лошади, испугавшись, могут убежать. Дело в том, что конюх с ружьём ушёл в деревню за продуктами, защититься на земле у них никаких средств не было, поэтому они оставались на высоте до тех пор, пока не появился рабочий. Как только показался рабочий, бригадир крикнула, что на тропе к роднику расположился медведь. Рабочий пробрался на противоположную сторону по зарослям, приблизился к пасущимся лошадям и сделал выстрел вверх. Медведь резко приподнялся и мигом исчез.

Бывалый геодезист Фёдор Алексеевич Леоненко проработал в центральной части Сибири вначале в должности бригадира, затем начальника партии, а потом долгие годы возглавлял экспедицию. Мне довелось познакомиться с Леоненко в процессе его назначения на должность начальника экспедиции. В те далёкие годы назначение на должность руководителя экспедиции происходило в Москве на коллегии Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Так совпало, что в Москву нас пригласили вместе; в результате процедуры, которую мы прошли в московском руководстве, мы были назначены начальниками экспедиций, после этого постоянно поддерживали наши приятельские отношения. На нашей встрече Леоненко тоже вспомнил эпизод про медведя, когда он с помощником, спасаясь от медведя, взобрались на геодезический знак. Работал тогда Фёдор бригадиром; гора оказалась высокой, подъём сложный, поэтому пришлось оставить лошадей и рабочего с конюхом у палаток, установленных на берегу реки, а он с помощником Николаем Сотниковым, забрав инструмент, отправились на

вершину горы. День на редкость выдался жарким, поэтому продвигались медленно; крутизна не позволяла пройти прямо, приходилось выбирать удобный склон и молча, обливаясь потом, метр за метром подниматься, обходя деревья и каменные нагромождения. Приблизившись к геодезическому знаку, решили отдохнуть; сняв с плеч инструменты, геодезисты уселись на нижнюю перекладину знака.

Вдруг кусты зашевелились, из них вышел на поляну медведь, он следовал, очевидно, за экспедиционными скитальцами, потому что несколько минут назад в том месте прошли Фёдор с Николаем. Оружия с собой не было, расстояние сокращалось. Медведь спокойно продолжал идти в сторону знака. Геодезисты схватили инструмент и скоропалительно бросились к лестнице. Они молниеносно одолели первый лестничный пролёт и на переходе приостановились. Медведь стоял у основания лестницы. Их разделяла пятиметровая высота, гипнотизирующий страх из-за медведя заставил экспедиционных работников подниматься на самую высоту, поэтому они торопились достичь западни, которой заканчивалась многоярусная лестница. Достигнув верхних венцов знака, геодезисты в некоторой степени успокоились, но теперь они стали рассуждать, сколько может продолжаться эта блокада.

Медведь вдруг встал на задние лапы и начал раскачивать первое звено лестницы, геодезическое сооружение гигантской высоты закачалось. Испуганные геодезисты находились в критическом состоянии — они начали кричать, пронзительно свистеть. Это подействовало, хозяин тайги отошёл в сторону. Через некоторое время медведь удалился с поляны. Так завершилась первая встреча с медведем, а в последующие годы экспедиционной жизни их было достаточно много.

Второй эпизод из экспедиционных маршрутов Леоненко был о том, как однажды ему пришлось наткнуться на разбитый самолёт. Произошло это в Горной Шории. Геодезист возглавлял экспедиционный отряд, который прокладывал маршрут по южным склонам горных хребтов Алтая. Без тропы отряд пробирался по таёжной местности с завьюченными лошадьми. Безлюдная, девственная тайга, по которой караван передвигался несколько дней, оказалась чрезвычайно мрачной, труднопроходимой, с огромными буреломными завалами. Когда-то лесные массивы горели, затем вырос новый лес, а повалившиеся, обгорелые стволы деревьев обросли мхом и перегородили все проходы, поэтому приходилось останавливаться и прорубать некоторые наклонённые гигантские деревья, которые преграждали путь каравану с габаритными вьюками экспедиционного снаряжения.

Вдруг отряд наткнулся на разбитый самолёт, носовая часть его воткнулась в склон горы, развалившийся фюзеляж с останками человеческих скелетов был разбросан по всему склону, упрятанному густыми кронами огромных кедров.

С тех пор прошло много-много лет, но часто во сне до сих пор Фёдору Алексеичу снятся сны о той самолётной катастрофе.

Укус в спальном мешке

Экспедиционный конюх Лукич, лёжа в спальном мешке, раздумывал: вставать ему или нет. До сегодняшней ночи у него имелась одноместная палатка, поэтому он никого не беспокоил, вставал, когда считал нужным. Конюх отвечал за лошадей, а они в этом сезоне оказались ненадёжными, часто убегали. Обычно он на рассвете просыпался и прислушивался к тишине, на фоне еле слышной журчащей речушки ему удавалось уловить звуки колокольчиков, привязанных на шеях лошадок. На этот раз он не смог расслышать этих звуков, пришлось вставать, с тревогой думая, что опять лошади ушли в колхоз, в котором их арендовали.

В четырёхместной палатке они сегодня спали вчетвером, с противоположного края — бригадир, затем два рабочих и Лукич. Конюх понимал, что наверняка заденет соседа и испортит ему сон, но выхода не было. Две недели конюх спал отдельно, но накануне приехала в бригаду студентка, пришлось уступить одноместную палатку ей. Выйдя из палатки, конюх погрузился в ночной полумрак, поняв, что встал рановато, затаил дыхание и начал прислушиваться к знакомым звукам колокольчиков, но их не было, доносились монотонные, булькающие речные перекаты. Лукич разжёг костёр, вскипятил чай и стал попивать горячий, ароматный чай, настоящий на лесных травах.

Затаившийся лесной полумрак медленно расплзался, лужайка, прижавшаяся к речному берегу, была покрыта обильной леденяющей росой. Допив кружку чая, конюх, взяв уздечки, отправился в деревню, которая находилась в семи километрах от палаточного лагеря. Лукич был уверен, как только бригада удалится от деревни, лошади прекратят убегать. Две недели бригада работала вблизи деревни, в ожидании студентки. Теперь бригаде предстояло отправиться в далёкий маршрут, весь экспедиционный груз будет увезён на лошадях во вьюках. Колхозники ожидали экспедиционного конюха, коль лошади уже прискакали в деревенскую конюшню. Лукич пояснил, что сегодня предстоит покинуть эти края и удалиться за перевал; он надеялся, что лошади успокоятся только после того, как окажутся вдали от родных мест. Колхозники стали его расспрашивать, интересуясь маршрутом, и были удивлены, что экспедиция уйдёт за далёкие синие горы, о которых деревенские жители ничего не знали. Лукич, забрав своих лошадей, запрыгнув на одну из них, отправился по деревне в сторону палаточного лагеря. Деревня жила своей жизнью, по улице бегали ребятишки, здесь же паслись телята, привязанные на длинные верёвки,

важно расхаживали гуси со своими выводками жёлтых пушистых гусят. Где-то назойливо кукарекал петух.

Одна из гусынь набросилась на лошадей с устрашающим шипением, вытянув голову, она стала преследовать появившуюся на пути колонну. Вдруг конюх увидел около дома, в котором размещалось почтовое отделение, своего бригадира и рабочих. Удивлённый, конюх направил коней к своим сослуживцам. Они были задумчивые и расстроенные. Рабочие рассказали, что в лагере произошёл неприятный случай.

Спали все долго, первым проснулся бригадир, он предложил рабочим заняться подготовкой вьюков, чтобы загрузить лошадей, как только Лукич их пригонит, и успеть добраться засветло до перевала. После подъёма стали сворачивать спальные мешки, снимать палатку. Студентка продолжала спать — все старались заниматься сборами тихо, чтобы не нарушить покой практикантки, зная, что ей пришлось долго и сложно добираться до таёжного посёлка, вблизи которого располагалась бригада. Вдруг раздался раздражающий визг, студентка выскочила из палатки, на ней была пёстренькая ночная пижама, девушка рыдала, интенсивно размахивая руками. Работники подбежали к практикантке, она показала запястье руки с двумя красными прокусами. Девушка рассказала, что, проснувшись, она решила встать, облокотившись на одну руку, ощутила под рукой какую-то живность, отпрянула в сторону и почувствовала в это время змеиный укус.

Студентка плакала, от испуга она сделалась невменяемой. У бригадира в бригаде когда-то подобный случай был: рабочего укусила змея; в больнице тогда врачи говорили, что желательнее было убить эту змею — врачам было бы понятно, какими лекарствами лечить больного; поэтому сразу стали искать змею, но найти её так и не удалось, очевидно, она успела исчезнуть. Один из рабочих пытался высосать яд из ранки, но бригадир не разрешил. Студентка плакала, поясняя, что рука немеет и распухает, разболелась голова. Бригадир скомандовал забрать спальный мешок, топор и всё необходимое, если потребуется в пути делать носилки, предполагая, что в пути может наступить обморочное состояние. Шли по тропе, постоянно спрашивая студентку об её самочувствии. Как только ей делалось плохо, сразу останавливались, предлагая понести её на носилках, но практикантка немного передохнув, вновь продолжала передвигаться самостоятельно. До деревенского медпункта дошли сравнительно быстро. Фельдшер внимательно выслушал, затем осмотрел укус и предложил студентке поехать с ним в районную больницу, чтобы там врачи смогли установить дозу поступившего в организм змеиного яда, и только после этого можно вводить уколы. Фельдшер увёз девушку на своём мотоцикле в больницу, которая располагалась в соседнем селе.

Бригадир с почтового отделения пытался дозвониться и сообщить начальнику партии и руководству экспедиции о случившейся беде. Утренняя радиосвязь закончилась, а вечерняя должна состояться только в семь часов вечера. Вечером поступило сообщение, что студентку отправили в больницу краевого центра. На следующий день поступила радиограмма, что больную посетил начальник экспедиции Анатолий Фомич Чепкасов, он намерен завтра приехать с начальником партии на место происшествия в бригаду.

Бригада не ожидала приезда руководителя такого высокого уровня, поэтому сразу стали готовиться с учётом соблюдения в бригаде всех правил по технике безопасности. Для соблюдения правил пожарной безопасности окопали костёр канавкой, выложили медицинскую аптечку на видное место. Приехавший Чепкасов в первую очередь стал интересоваться, много ли работники в последние дни видели змей. Его намерение было приостановить экспедиционные работы в этом регионе, если подтвердится версия, что в этой местности появилось много змей. Специалисты подсказали, что две недели змеи будут опасными, а потом период их активности пройдёт и можно будет продолжить работы в этой местности. Весь состав экспедиционной бригады подтвердил, что за две недели базирования в этом месте ни единой змеи не видели. Начальник экспедиции подробно рассказал о посещении в больнице студентки и о том, что врачи пока не могут обнаружить в её организме змеиного яда. Чепкасов также поведал, что, по словам практикантки, бригада базируется в неудачном месте: когда она выбегала из палатки, то видела большую рыжую мышшь с чёрными полосами на спине, выскочившую из-под спального мешка.

В разговор сразу встрял конюх, он пояснил, что это была не мышшь, а ручной бурундук по кличке Яшка. Лукич рассказал, что в первый день поселения их на этой лужайке рано утром в его палатке появился маленький бурундучок. Вначале он был пугливым, но с удовольствием стал поедать крупинки пшённного зерна. Конюх на второй день приобрёл в деревне подсолнечных семечек и стал давать Яшке по несколько штук на ладони. Бурундук с удовольствием первые зёрна съедал, а остальные утрамбовывал за свои раздутые щёки, после этого он удалялся из палатки. Через несколько минут Яшка вновь появлялся, щёки были опустошёнными, он усаживался на край спального мешка в ожидании, когда протянется рука с очередной порцией семечек. Сначала Яшка кусал своего кормильца за руку, но укусы были незначительными, поэтому Лукич не обращал на них внимания, доказывая, что кожа у него настолько крепкая и старая, что зверьку не удавалось получить наслаждение от укуса. В последующие дни бурундучок так привык к конюху, что стал появляться днём, когда Лукич оставался в лагере один, а весь состав удалялся в горы. Во время приёма пищи в

обеденный перерыв конюх обычно сидел у костра, Яшка прибегал и усаживался поодаль. Стоило Лукичу щёлкнуть языком и протянуть руку, бурундук молниеносно подбегал к ладони, он с удовольствием съедал свою порцию и исчезал за корневищем замшелого лежащего дерева.

Чепкасов, выслушав Лукича, сразу стал собираться в обратный путь, он пояснил, что нужно срочно об этом рассказать врачам, которые находятся в заблуждении, — очевидно, это был укус бурундука, а не змеи.

Через несколько дней по радиосвязи в бригаду поступило сообщение, что студентку из больницы выписали, подтвердился диагноз укуса бурундука, который опасности для здоровья не представлял. Девушка осталась довольной, что это был не змеиный укус, но от прохождения производственной практики она категорически отказалась.

Сорока-воровка

Геодезист Валерий Малов после окончания института возглавил экспедиционную бригаду по наблюдению пунктов триангуляции второго класса. С первых же дней погода установилась неустойчивой, часто накрапывали дожди, иногда они усиливались в сопровождении порывистых ветров, поэтому на каждом пункте приходилось задерживаться не менее недели. Добираться с одного знака на другой каждый раз приходилось с большими затруднениями. Местность в основном залесённая, со значительным количеством грунтовых дорог. Геодезические знаки были выстроены на вершинах гор, заросших густым лесом, — на автомашине к ним подъехать возможности не было, поэтому бригаду подвозили по дороге на экспедиционной машине до предельной близости к знаку, после этого машина уезжала в другую бригаду.

Обычно бригадир подбирал место для стоянки палаточного лагеря на берегу реки или озера. Порядок дальнейших действий был отработан до мелочей. Бригада состояла из четырёх человек, включая помощницу и двух рабочих. Некоторые геодезические знаки располагались далеко от дороги, поэтому приходилось оставлять одного рабочего в лагере, а трое уходили на вершину горы на несколько дней, с собой брали вместо палаток марлевые полога. (Полог — это одноместная палатка, сшитая из марлевой ткани, предназначена для спасения от комаров.) Некоторые знаки располагались в двух-трёх километрах от палаточного лагеря, поэтому возвращались на ночлег каждый день. Рабочие у палаток оставались дежурить поочерёдно.

Однажды бригадир, уходя на гору, забыл взять в маршрут компас, вспомнил об этом на половине пути, возвращаться не захотелось. Уходили на далёкий знак, который располагался от дороги в двенадцати километрах. Подъём на вершину горы был не крутой, но очень затяжной. Обычно в маршруте инженер постоянно пользовался компасом, особенно сложно было ориентироваться в пасмурную погоду, когда приходилось пересекать большое количество распадков, заросших густым лесом. Компас у Малова был отменный, возможно, из-за него он и пошёл учиться в институт, где в работе нужно постоянно использовать компас.

Достался этот компас Валере в подростковом возрасте совершенно случайно. В школьные годы, в летний период, Валера постоянно жил у бабушки в Рязанской области в селе Константиново, рядом с домом, где проходили детские и юношеские годы знаменитого поэта С.А. Есенина. Как-то раз Валера со своими сверстниками возвратился с заливных лугов.

Подростки на берегу старицы наломали из тальника ровненьких палок, из которых перочинными ножами стали мастерить тросточки. Мальчишки видели подобные трости у клоунов приезжего цирка, которые использовали изящные трости для опоры при ходьбе во время цирковых представлений. С помощью ножа подросткам удавалось прорезать кору, в результате получались ажурные сплетения с силуэтами разных зверушек. Кора тальника легко поддавалась этой обработке. Самая оригинальная трость получилась у Валеры. Её действительно можно было отправить на выставку. Возвратившись в село, все разбрелись по своим домам. Валера, подходя к дому своей бабушки, увидел группу иностранных туристов около дома Сергея Есенина. Экскурсовод, жестикулируя, говорила на каком-то непонятном для подростка языке. Среди туристов находился мальчик, который выглядел гораздо старше Валеры; увидев деревенского подростка, юный иностранец приблизился к Валере, его очень заинтересовала необыкновенной красоты трость. Зарубежный гость вынул из своего кармана блестящий предмет, похожий на карманные часы, и тоже решил продемонстрировать его. В это время из толпы к подросткам подошёл юноша, он разговаривал на исковерканном русском языке, но понять его было можно. Юноша сказал, что они у себя на родине думали, что будут ходить в России, как по лесу, поэтому его младший брат прихватил компас, чтобы здесь не заблудиться, теперь поняли, что компас не нужен. Парень пояснил, что брату очень понравилась трость, поэтому он предложил поменять трость на компас. Валера всё это время не сводил глаз с яркого компаса, переливающегося всеми цветами радуги. Валера, услышав такое предложение, в знак согласия радостно закивал головой. Сделка состоялась, компас с ремешком оказался странным, его корпус был не совсем твёрдым, под стекловидной выпуклостью постоянно тряслась красно-синяя стрелка, как хвост у трясогузки. Братья поочерёдно пожали Валере руку и радостные отправились к своей группе.

С этим компасом Валерий не расставался. В экспедиционных условиях он был незаменим. Впервые геодезист расстался с ним, забыв в палаточном лагере. Через неделю, возвратившись, бригадир в первую очередь стал искать компас, он чётко помнил, что оставил его на столике у костра, на котором обычно занимались обработкой материалов. Не обнаружив компаса на столе, инженер поинтересовался у рабочего, куда он положил его разноцветное сокровище. На этот раз у палаток оставался молодой рабочий, которого после окончания школы по каким-то причинам не призвали в армию, поэтому он решил подзаработать в экспедиции. Юноша однозначно ответил, что компаса он не видел. Рабочий рассказал, что после того, как бригада отправилась в горы, он пошёл по берегу реки искать подходящее

место для рыбалки. В тот день ему удалось наловить полтора ведра рыбы, он засолил её, затем через пару дней завялил и потом закоптил. Парень с большой радостью выложил копчёную рыбу на стол, от которой потянуло вкусным ароматом.

Бригадир продолжал поиски, он пересмотрел все свои личные вещи, вывернул спальный мешок, прошарил вокруг стола и под столом, но компаса нигде не было. У геодезиста появилось два варианта исчезновения компаса. Первый — это около палаток оказался какой-то проходивший грибник или ягодник и, увидев на столе яркий компас, не смог удержаться от соблазна. Хотя деревни располагались далеко, и забрести в эти глухоманные леса едва ли кому удавалось. Бригадир вспомнил, что шофёр рассказывал им про странную встречу в этих лесах. Однажды он ехал по лесной дороге, в какой-то момент впереди появился просвет, дорога вывела к обрывистому берегу реки. День был жаркий, захотелось искупнуться. Заглушил мотор, спустился к водной глади спокойной реки. Вниз по течению реки, за изгибом, просматривалась старица, в которой плавали утки с утятами. Водителю было понятно, коль здесь водятся дикие утки, то места, следовательно, очень дикие. Он провёл ладонью по водной поверхности, и его охватило желание погрузиться в воду. Раздевшись догола, шофёр осторожно пошёл в воду испытывать дно, оно оказалось твёрдым, тогда он поплыл к противоположному берегу, который был песчаным. Водитель лёг в тёпленький песок и стал зарываться в него, как делал это в детстве. Ласковое журчание потоков речной воды усыпило уставшего водителя, и он задремал.

Проснувшись, шофёр услышал тихие голоса, около машины стояли парень с девушкой. Возникла проблема — вся одежда на сиденье автомашины. Водитель, засыпанный песком, сполз в воду и поплыл к машине. Подплыв к берегу, шофёр крикнул, чтобы девушка отвернулась, пояснив, что одежда в кабине. Парочка молодых людей отправилась в лес за машину. Через несколько минут появился юноша, он обратился к хозяину машины с просьбой дать ему спички. Водитель подарил коробок спичек, сказав, что два месяца работает в экспедиции в этих местах и первый раз встретил людей. Юноша приоткрыл тайну, пояснив, что с этой девушкой они поженились два месяца назад, но родители его и её категорически были против их брака, поэтому молодожёны решили уединиться и пожить весь летний период в одиночестве в лесу. В предыдущие годы они с друзьями летом уходили в туристические походы, сплавливались по многим сибирским рекам, поэтому жизнь для них в лесных зарослях — это одно удовольствие. На берегу реки они соорудили шалаш и спокойно проводят там свой медовый месяц. В последние дни шли дожди, поэтому отсырели спички.

Водитель поинтересовался дальнейшей их судьбой, в это время подошла его избранница, она была какой-то неземной красоты. Они поблагодарили незнакомца за спички и, обнявшись, отправились в лесные заросли.

Второй вариант исчезновения компаса бригадир оставлял на совести рабочего. Геодезист рассчитывал, что при увольнении юноша испытает угрызения совести и возвратит компас. На этой палаточной стоянке пришлось прожить три недели: на ближайших горах было несколько пунктов триангуляции — местности привыкли. На самом близком знаке от лагеря появилась проблема: с геодезического пункта на соседний знак преградило видимость дерево. Бригадир долго выискивал варианты, чтобы выйти из этого сложного положения, пришлось спиливать дерево.

Помощницу оставили у палаток заниматься камеральной обработкой материалов, а мужской состав отправился срубить дерево. Оно оказалось огромным, для этих целей в бригаде имелась пила и топоры. Стали делать запил, лиственница была настолько твёрдой и толстой в диаметре, что работники поняли, что им с этим не справиться. Тогда бригадир решил залезть на дерево и спилить вершину. Для подъёма на дерево геодезист надел специальные верхолазные таёжные когти и спасательный ремень со страховочной цепью и капроновой верёвкой с карабином. Ствол оказался настолько великим, что подниматься на него было очень сложно. Добравшись до сучьев, инженер стал умело переступать по ним — такому мастерству он научился ещё в детстве, когда приходилось разорять птичьи гнёзда. Поднявшись на тридцатиметровую высоту, геодезист упёрся головой в огромное гнездо.

Над его головой летали сороки, они тревожно стрекотали. Стало понятно, что это их владение. Приподнявшись ещё на несколько сантиметров, Валерий заглянул внутрь, там, раскрыв рты, громогласно пищали пушистые птенцы. Вдруг Малов закричал на всю округу: он увидел среди полоротых крикунов свой блестящий компас. Валерий схватил свою драгоценную вещь и стал внимательно её осматривать, компас был значительно поцарапан, но удивительно, что стрелка по-прежнему находилась в колебательном состоянии. Теперь стало ясно, что сорока украла блестящий компас, очевидно, она хотела ублажить своих беспокойных малышей этой яркой игрушкой.

Загадочные останки в прибрежной тундре

На вертолёте Ми-8 мы с начальником Тюменской экспедиции № 161 Иваном Дмитриевичем Вицаном возвращались на базу партии, которая располагалась на Ямале в посёлке Каменный Мыс. Вертолёт летел над огромными водными пространствами устья реки Обь. В какой-то момент начальник экспедиции дёрнул меня за плечо и стал показывать в иллюминатор, в это время вертолёт пролетал над прибрежной тундрой. Я стал всматриваться в разноцветную тундровую панораму. И вдруг увидел одинокий столб, торчащий в пустынной тундре. Заглушающий рёв мотора не дал возможности пояснить ему, что это за столб. Вицан прокричал, что вечером расскажет, зачем он когда-то установил этот загадочный столб.

После ужина бывалый геодезист поведал мне странную историю, которая случилась в годы его работы начинающим специалистом в этом безлюдном регионе.

Раздосадованный Иван сидел на берегу, вглядываясь в мерцающие огоньки догорающего костра. Положение в бригаде стало критическим, наступил пятый день, как закончились последние продукты. Два рабочих находились в палатке, они лежали в спальнях мешках целыми днями, водитель затонувшего гусеничного вездехода ходил по побережью с надеждой, что приливом выбросит какую-нибудь съедобную живность. Вчера ему удалось найти в морских водорослях рыбину килограмма на полтора, хотя она была частично изгрызена. Уха оказалась на редкость вкусной. Водитель делил рыбину на равные кусочки, после ужина даже рабочие, которые постоянно находились в спальнях мешках, изъявили желание завтра отправиться в прибрежную зону. В течение лета на этом побережье Обского устья можно любоваться большим разнообразием морских живых чудовищ, сейчас бы они всегодились для голодных желудков. Очевидно, погода не благоприятствовала живности приближаться к берегу. Сентябрьские дни внесли свои отрицательные коррективы в работу геодезической бригады. Ежедневные дожди не позволяли даже расчехлить инструменты. Все невзгоды «сгрудились» в первые дни осеннего месяца. С Ледовитого океана потянулись тяжёлые тучи; они постоянно рассеивали леденящие брызги, иногда вперемежку со снегом; стыли руки, пальцы немели, голодные работники становились молчаливыми, нервными. Неделю назад вездеход, перебираясь через реку, заглох, позже выяснилось, что в бензобаке появилась пробоина, бензин вытек в самый неподходящий момент, и бригаде пришлось вплавь выбираться на берег. Водное

препятствие было небольшим, но трудностей возникло много: в ледящей воде судорогой стягивало ноги и руки, при преодолении водного расстояния часть одежды пытались держать над головами, чтобы она была сухой. Больших усилий стоило разжечь костёр. После водных процедур два дня занимались просушкой одежды и спального снаряжения. Вскоре закончились продукты.

Из-за низкой облачности вертолёт не мог доставить в бригаду продукты и горючее для вездехода. Не унывал только один рабочий — Вавля, он был принят на работу в одном прибрежном посёлке. По национальности он ненец. Вавля рассказывал, что в стойбище без продуктов приходилось находиться часто, он предлагал всем отвлекать голод чаепитием из берёзовой чаги, которой имелось в достаточном количестве. Ненец доказывал, что если имеется чага, то можно прожить много-много дней. Вавля ежедневно уходил в тундру, пытаясь обнаружить песца или ещё какого-нибудь зверька. Однажды ему удалось застрелить из своего дробовика песца, которого он умеючи разделал и сварил, получилась прекрасная похлёбка. Тундра перед наступлением зимы была пустынной, птицы улетели, а все звери, в том числе и дикие олени, устремились в лесную зону. Кочковатая пустынная местность увлекала ненца надеждой, что, возможно вновь затаится песец или заяц среди карликового берёзового кустарника, поэтому Вавля целыми днями выискивал добычу, проходя огромные пространства.

Однажды Вавля возвратился из тундры, держа в руках непонятные металлические сосуды, напоминавшие солдатские фляжки. Абориген поведал, что передвигался по моховой пружинистой местности осторожно, всматриваясь в ягельные межкочечные провалы с намерением увидеть какого-нибудь зверька. Неожиданно набрёл на деревянный столбик, высотой с пол метра с лишайниковым покрытием. Кто-то в далёкие времена побывал в этой пустынной далёкой тундре и зачем-то воткнул загадочный кол. Рядом оказалась продолговатая приподнятость, заросшая мхом и низкорослыми обомшелыми берёзками, которые давно сбросили остатки мелких лепестков и уныло покачивались от порывистых суровых ветров.

Ненецкий кочевник догадался, что это могилка, но люди Крайнего Севера так не хоронят. Обычаи захоронений северных народов совершенно другие. Долго стоял над могилой бывалый кочевник в раздумье. Ненцы верят в духов, поэтому Вавля смотрел на деревянный столбик, который оставался единственным немым свидетелем, знавшим историю трагической гибели затерявшегося неудачника в далёкой, безлюдной тундре. Вторая загадка, кто его здесь похоронил? Кочевник взглянул на потемневшую водную стихию Карского моря и понял, что пришельцы пожаловали сюда

морским путём. Охваченный грустью, ненец медленно пошагал вглубь материка. Пройдя с километр, кочевник вдруг заметил среди кочек скопление наломанных палок, приблизился. Это были кости, в стороне, втиснувшись в травянистый бугорок, лежал в одиночестве человеческой череп. Среди костей в густых завитушках моховой растительности удалось разглядеть множество разных предметов, некоторые были совсем непонятными. Самыми габаритными были металлические упаковки, напоминающие школьные пеналы, только наполовину короче они были и чем-то наполнены. Ценной находкой для Вавля была винтовка, оказавшаяся заржавевшей и с изгнившим прикладом; сохранилось большое количество разнообразных пряжек, пуговиц, проводов, мелких металлических деталей, подошва от сапог. Вавля, забрав винтовку и железные банки, ускоренными шагами направился в палаточный лагерь.

Бригадир сразу же принялся за металлические упаковки, рабочие, услышавшие про загадочные находки, вылезли из спальных мешков. Сообща стали рассматривать странные упаковки и предлагать способы их открытия. Ненец тем временем увлёкся снятием ржавчины с оружия, он аккуратно с помощью золы счищал коррозию. Для ненца заиметь такую винтовку была давней мечтой, особая потребность появилась у него в этом году, когда он стал работать в экспедиции. До этого года Вавля с отцом пас оленей на Ямале, подрос младший брат, поэтому появилась замена. На стойбище Вавля не испытывал такого большого желания заиметь винтовку, потому что она имелась у отца, обходились одной семейной. Этим летом однажды экспедиционная бригада попала в сложную ситуацию, когда геодезисты оказались в окружении медвежьей свадьбы, вот тогда Вавля и вспомнил про необходимость заиметь собственную винтовку. Отцу тоже нужна винтовка: иногда на стадо оленей нападают волки, приходилось отстреливаться; бывали случаи, что огромные стаи серых хищников достигали полутора десятков, а такую разъярённую свору можно остановить только винтовкой. За вечер ненец сумел снять ржавчину, она оказалась поверхностной, удалось рассмотреть год её изготовления — 1937. Винтовка была изготовлена в Германии.

Остальной состав бригады занимался металлическими банками. В самой большой запаянной упаковке хранился коричневый порошок, на банке имелась надпись на немецком языке, поясняющая, что внутри находится сухой хлеб. Один рабочий прекрасно знал немецкий язык, для него было большим удовольствием переводить немецкие фразы. Следующая шкатулка была заполнена измельчёнными кусочками высушенного мяса. Одна упаковка оказалась раздавленной, в ней находились сухие сливки, появилось предположение, что она попала под копыто дикого оленя,

которых в летний период скапливается на побережье огромное количество, здесь они спасаются от гнуса комаров и мошки. В последнем сосуде хранился яичный порошок.

Соблазн для голодных людей был необычайно велик, но бригадир призвал проявить осторожность, подолгу и тщательно прокипятить эти консервированные продукты, которые пролежали не менее трёх десятков лет. На одной из записей в упаковке значилась дата — 1943 год. Работники оживились и приступили к приготовлению неординарной пищи. В течение пяти дней состав бригады питался этими продуктами до прилёта вертолётa. В эти дни ходили к месту загадочных останков, каждый находил какую-либо странную деталь или предмет, некоторые находки оставались непонятными и загадочными. Останки костей захоронили по человеческим обычаям. С берега притащили огромное бревно, здесь их много — приносит в период приливов. Закопали столб и прибили металлические опустошённые баночки.

Вечером у костра Вавля рассказал, что на их стойбище аксакалы рассказывали, что во время Великой Отечественной войны к берегам Ямала и в устье Оби иногда подплывали немецкие корабли и даже подводные лодки. Очевидно, они интересовались местностью, возможно, собирали какие-то сведения, но стрельбу по чумам не производили. Обычно чумы и стада оленей находились вдали от водных пространств в местах с изобилием ягеля, травы и грибов, которые для оленей являются деликатесом. У некоторых пастухов имелись бинокли, поэтому удавалось рассмотреть гигантские крейсера и немецкие опознавательные знаки и надписи.

Снежный человек в горах Алтая

Инженеру-геодезисту Василию Полевцеву поручили выполнить наблюдения на пунктах основного ряда триангуляции второго класса, расположенных на вершинах гор Алтая от истоков реки Малый Абакан на юг через посёлок Кош-Агач до монгольской границы. За летний сезон предстояло проделать путь с учётом геодезических измерений по горным вершинам с отметками до 3499 метров длиной в четыреста километров. В качестве транспорта были выделены четыре вьючные лошади. Бригада состояла из трёх человек. Помощником работал Пётр Долгушин, а с лошадьми занимался конюх Яков.

Геодезические пункты были сооружены на труднодоступных вершинах в необжитом таёжном районе Горного Алтая. Никаких троп не было. Всё экспедиционное оборудование, продукты, инструменты завьючивали на лошадей и передвигались целыми днями по берегам рек, выискивая проходы между стволами деревьев, иногда приходилось прорубать проходы для лошадей с их громоздкими вьюками. Обычно в истоках рек, при подходе к вершинам хребтов таёжные заросли прекращались, начинались оголённые, каменистые утёсы. В подобных случаях подбирали террасы с луговой растительностью для ночёвок, главная задача была найти альпийские лужайки с обильной травой для лошадей. Конюх с лошадьми оставался у палаток, а инженер с помощником, забрав инструмент, уходили на остроконечные вершины заниматься измерениями на несколько дней. На многих северных склонах снег не растаивал и продолжал лежать, превращаясь в лёд до выпадения нового снега, который появлялся в первых числах сентября, а иногда и в августе.

Начинающий маршрут был проложен по берегу реки Малый Абакан, а затем по реке Чибит до перевала. Перевал Кызылбалхаш с отметкой 2213 метров находился на стыке трёх республик: Хакасия, Тыва, Алтай. Этот перевал находится в ста километрах на восток от знаменитого озера Телецкого. С этого перевала открывались широкие горизонты, в ближнем окружении склоны гор покрыты густыми зарослями гигантских кедров, по крутым ущельям с лихорадочной скоростью и невероятным грохотом устремлялись горные реки, на пути многих встречались водопады, достигающие высоты несколько десятков метров со сказочным отстоем чистой горной воды. На пологих склонах просматривались просторные альпийские луга с яркими многоцветными коврами цветов. На дальних южных горизонтах в сторону Китая, Казахстана и Монголии величественно

возвышались ледниковые вершины, хранящие мировые запасы пресной воды.

На ближайших плоских вершинах гор можно было увидеть огромное количество озёр, большинство из них незначительных размеров, но из каждого начинался ручеёк, к этим озёрам на водопой приходили: медведи, лоси, изюбры, олени, рыси. Животный мир в таёжных зарослях очень богатый и поражает своим разнообразием. В течение полевого сезона экспедиционным работникам довелось повстречаться со странным таёжным чудовищем, которое немного походило на медведя, но ростом было гораздо меньше и передвигалось на двух ногах, как человек, а не на четырёх лапах, как медведь.

Первым такое человекообразное существо однажды увидел Полевцев в окуляр теодолита. На склоне соседней горы, по краю лесных зарослей передвигалось на двух ногах таинственное существо, обросшее рыжеваточёрными густыми волосами. Это лесное чудовище тащило волоком какую-то поклажу. Из-за высокой травы не удалось рассмотреть увлекаемый груз. Геодезист прильнул к инструменту, пытаясь разглядеть лесного обитателя, руки у него показались излишне длинными, обросшая длинными волосами голова была похожа на обезьянье обличие. Иногда чудовище опускалось на все четыре ноги и передвигалось довольно быстро, в этот период из-за высокой травы не удавалось рассмотреть передвижение, мелькала только чёрная косматая спина. Тридцатикратное увеличение теодолитной трубы не давало возможности увидеть детали, потому что расстояние было большим. Обитатель в какие-то моменты вставал на задние ноги и передвигался, как человек, ссутулившись, — возможно, чрезмерно тяжёлым был его груз, который разглядеть не удалось.

Через какое-то мгновение чудовище скрылось в зарослях, долго геодезист смотрел в окуляр, пытаясь продолжить таинственное наблюдение, но существо так и не вышло на опушку леса. Вечером у костра бригадир рассказывал своим напарникам о человекообразном чудовище. Конюх поведал, что в Таштаголе, где пришлось ему задержаться на неделю при получении лошадей, местные жители рассказывали, что в этих горах обязательно повстречаемся со снежным человеком. По их разговорам, снежный человек живёт в лесных зарослях с давних времён, старается не попадать на глаза людям: если в тайгу проникали охотники или добытчики за кедровыми орехами, то лесной обитатель удалялся в неведомые для людей таёжные глубины. Жители рассказывали, что снежный человек прекрасно лазит по деревьям.

Однажды в летний период произошёл в бригаде странный случай. Специалисты поднялись на остроконечную вершину Куркуребажи, которая

находилась на отметке 3110 метров. Подъём оказался чрезвычайно сложным. На пилообразной скале пришлось пробыть несколько дней. Временами наплывали тучи и закрывали видимость на соседние горы. Яков в этот период находился на берегу безымянной реки, присматривая за пасущимися лошадьми. Конюх ходил по берегу с удочкой, пытаясь наловить на ужин рыбы. Иногда она клевала, азарт появился, когда Яков стал подниматься вверх по реке. Чем дальше он уходил, тем клёв становился сильнее. Таким образом, рыбак удалился от лошадей на большое расстояние. На крутом повороте этой небольшой речушки удалось наловить более ведра огромных чёрных хариусов. Изгиб реки находился на песчаном редкостном месте, где постоянно продувало ветром. Яков сходил к палаткам, принёс соль, шпагат, обработал рыбу, посолил и развесил, чтобы она подвялилась. Ему однажды удалось удивить своих руководителей, когда он также проделал, а затем соорудил простейшую коптилку и на второй день закоптил хариусов. Бригадир в тот раз заявил, что столь вкусно приготовленной рыбы пробовать ему не приходилось.

На второй день конюх отправился к своей заготовленной рыбе, прихватив топор и брезент для сооружения коптильни. От палаточной стоянки песчаный изгиб реки находился в двух километрах. Приблизившись к развешанной рыбе, конюх приостановился, он не мог понять, куда исчезли развешанные хариусы. Зная, что за сотни километров нет никаких жителей, Яков осторожно стал рассматривать разбросанный по траве шпагат, на котором кое-где сохранились рыбные остатки. Здесь же валялись объеденные кости и головы. Рыбак стал раздумывать: какие животные могли это проделать? Так и не мог сделать вывод. Станным показалось конюху, что шпагат в двух местах был перегрызен, это ещё больше погрузило рыбака в раздумье. Подойдя к песчаной отмели, конюх увидел чёткие босоногие человеческие следы. Размеры были гораздо крупнее, чем его ноги, он даже разулся и стал примерять. Его следы были похожи на детские, по сравнению со следами, исхоженными по песчаному берегу. Теперь Яков вспомнил про напутствия конюхов в Таштаголе, что обязательно встретите снежного человека, который ходит босиком. Разочарованный конюх собрал остатки шпагата и отправился в палаточный лагерь.

Через две недели бригада проникла в юго-восточный угол своего объекта и расположилась на берегу живописного озера Джулукуль, которое окружено с трёх сторон границей с Тывой. Бригадир с помощником ушли в горы на неделю. В один из жарких дней со стороны тувинской границы к озеру скотоводы пригнали на водопой табун лошадей. Один из пастухов, увидев экспедиционные палатки, примчался на своей лошади, которая оказалась небольшого роста, очень подвижной. От знойных солнечных

лучей в районах высокогорья и пронзительных ветров лицо тувинца выглядело закопчённым. Он был щупленьким, хотя его возраст оказался весьма преклонным. Яков предложил гостю выпить чаю, увидев пачку чёрного чая, пастух с удовольствием согласился. Гость оказался весьма разговорчивым и интересным собеседником. Он с детских лет пас лошадей, всю округу изучил досконально.

Яков рассказал про снежного человека, который съел всю рыбу и от которого остались следы на песчаной отмели. Тувинца это сообщение не удивило. Он поведал, что в этих краях осталось два «лесных старца», так он именовал их. Пастух рассказал легенду, которую, по его словам, донесли предки из древних времён, пересказывая из поколения в поколение.

В горных ущельях, на границе, по соседству с соседним государством жила в юрте огромная семья, у них было четырнадцать детей. Однажды у них потерялась девочка, найти её не смогли. Эта девочка заблудилась в лесу и случайно набрела на играющих маленьких медвежат. В юрте имелось чучело, сделанное из шкуры подобного медвежонка, поэтому девочка стала играть с медвежатами. Через некоторое время появилась медведица, но она не смогла отлучить медвежат от девочки. Так у медведицы появился ещё один член семьи. Обычно медведица выращивает своё поколение три года. Прошло три года, медведица отправила выращенных питомцев в самостоятельный путь. Девушка продолжала находиться около медведицы. Наступило время любовных свиданий. Около медведицы появились два медведя, через несколько дней началась между самцами драка. Поединок длился долго. Растерзанный, побеждённый, окровавленный медведь в полумёртвом состоянии остался лежать на берегу реки, а победитель с медведицей удалились заниматься любовными делами в далёкую тайгу.

Девушка стала промывать израненному медведю раны, прикладывая лечебные травы, восстанавливать здоровье потерпевшего медведя. Через год пастухи увидели девушку с приплодом, который был медвежонком, но голова его походила на человеческую. Передвигался малыш на двух ногах и на четырёх с одинаковой скоростью, затем через год снова родился лесной человек. Пастухи постоянно помогали лесным обитателям, оставляли на стоянках куски мяса. В табунах периодически появляется мясо, порой не знают, куда его девать, — то лошадь поломаёт ногу, необходимо заколоть, то ещё появится какая-то болячка, поэтому лесным старцам мясо перепало часто. С тех пор прошло много лет. Из прошлых поколений осталось два лесных обитателя, но они уже преклонного возраста. Местные люди оберегают их, считая этих человекообразных обитателей святыми существами. Они никакого вреда людям не делают, коротают свою чрезвычайно сложную жизнь. Яков хотел задать ещё много вопросов гостю,

но раздался пронзительный свист, пастух вскочил на лошадь, пояснив, что, очевидно, на табун напали шмели, потому что стадо галопом помчалось по долине в сторону лесных массивов.

Полевой сезон завершился, бригада верхом на лошадях выехала в посёлок Кош-Агач, где их ждал начальник экспедиции Донат Михайлович Кудрявцев. Он рассказал, что вчера отправил студенческую бригаду на базу экспедиции, в посёлок Майма. Кудрявцев поведал, что студенты повидали в горах много разных чудес, им даже удалось срисовать след снежного человека, он вытащил из полевой сумки склеенный лист бумаги, на котором был вычерчен контур огромной лапы с растопыренными пальцами с надписью «Лапа снежного человека».

Бригада Полевцева тоже знала интересные факты про снежного человека, которые накопились за длинный летний сезон в горах Алтая. Теперь появилась возможность рассказать их начальнику экспедиции.

Колымская дорога на скелетах

Две недели мне довелось пробывать в командировке в Магадане. Конец августа и начало сентября — погода была прекрасной. С главным инженером предприятия Юрием Леонидовичем Мокроусовым мы посетили несколько полевых бригад на автомашине УАЗ-469, где дорог не было, пробирались по лесным зарослям пешком. В автомобиле оставался шофёр Владимир — опытный водитель, проработавший в этой должности несколько десятков лет; его отец тоже был шофёром, он отбывал в лагерях ГУЛАГа, работал там шофёром, поэтому выжил. Послабление для него было в отношении физических нагрузок, хотя работать приходилось днём и ночью. В процессе поездок водитель многое поведал о судьбе своего отца, который отбывал на строительстве Колымского тракта в годы сталинских репрессий.

В посёлке Ягодном мы задержались на два дня в бригаде инженера Валерия Бутакова. Его бригада состояла из четырёх рабочих и шофёра, у них имелась в распоряжении автомашина ГАЗ-66. Много лет назад по Колымской дороге была проложена высокоточная нивелирная трасса, теперь предстояло нивелирование выполнить повторно. Работа запланирована на следующий год. Бригаде Бутакова поручено проверить каждый нивелирный репер: если он сохранился, то восстановить и обновить оформление на местности, а если репер оказался утраченным по каким-то причинам, то заложить новый центр. Закладка требовала больших физических усилий. Копать землю в условиях вечной мерзлоты чрезвычайно трудно. Котлованы для закладывания нивелирных центров копались на глубину два метра. К сентябрю земля оттаяла на метр, а на южных склонах грунт растаял на полтора метра. Реперы располагались вдоль дороги через четыре-пять километров. Бригадир показал нам результаты проделанной работы, посетовав, что почти половина реперов оказались уничтоженными, поэтому приходилось закладывать новые. Меня заинтриговало описание грунтов. Дело в том, что на каждый репер составляется описание, чтобы имелась возможность отыскать репер на местности, хотя он оформлялся в виде небольшого кургана, а в основании выкапывалась канава. К описанию прикладывались кроки, на которых в крупном плане рисовалась схема расположения репера. В графе, указывающей грунт, меня удивила фраза: «Глина с песком попеременно с костями».

Геодезист пояснил, что при раскопке котлованов часто встречаются человеческие скелеты. В вечной мерзлоте кости прекрасно сохранились;

вначале рабочие отказывались от такой работы, начинали копать в другом месте, но когда стали попадать скелеты и в новом месте, то положение становилось безвыходным. Валера рассказал, как однажды они копали яму вблизи небольшого посёлка, в котором оставалось жить всего две семьи, — таких выживающих опустевших посёлков вдоль трассы огромное количество; подошла женщина скромно одетая, её задумчивое лицо было испещрено глубокими морщинами, она стояла поодаль и долго наблюдала за работой копавших рабочих. Бригадир приблизился к женщине, она очень была похожа на его бабушку — такая же сутулая с густой сединой выбивающихся из-под тёмного платка волос. Жительница обратилась к нему с просьбой не ворошить здесь землю, в которой покоятся трупы заключённых. Инженер рассказал, что в этом месте когда-то был закопан геодезический центр и оформлен был небольшим курганом. Женщина задумалась и через мгновение поведала, что такой бугорок был, но он располагался ближе к дороге и при расширении дорожного полотна попал под дорогу, поэтому оказался уничтоженным. Сельчанка рассказала, что сооружением Колымской трассы занимался специальный дорожно-строительный лагерь. Однажды в летний период в этом месте работающая группа заключённых попыталась совершить побег. Охранники открыли массированную стрельбу и всех арестантов поубивали, оставались раненые, их добивали тоже; потом пригнали новую группу заключённых, заставили выкопать ров вдоль дороги и трупы покидали в этот ров, зарыв их землёй. Женщина показала место, где заканчивался ров. Рабочие прекратили копать, забросав землёй начатую яму, и переместились в другое место, куда показала местная жительница. Бригадир поинтересовался у женщины, откуда у неё такая осведомлённость; она пояснила, что тоже в те годы находилась в заключении, их женский лагерь располагался за Бутугычагом, он назывался лагерь «Вакханка». Про это захоронение им рассказывали в женском лагере официально, стражи старались запугать заключённых, чтобы пресечь подобные попытки арестантов к бегству.

Мы с главным инженером забрали все кроки и журналы с пояснительными записями на вечер, чтобы убедиться в качестве оформления полевых материалов. Больше всего меня поразили кроки двадцатилетней давности, когда закладывались нивелирные реперы первоначально. В районе пересечения Колымской дороги с ручьём Немичан записано, что котлован пытались копать в двух местах, но на глубине одного метра наткнулись на человеческие скелеты, пришлось отступить от проектируемого места закладки репера и сдвинуть раскопку котлована в сторону нежилого посёлка Стрелка. Несколько подобных сдвигов допущено при пересечении дорожной трассы с рекой Колымой. Ширина реки в этих

местах достигала трёхсот метров. По причине подобных захоронений пришлось смещать закладку нивелирных реперов в посёлках: Бурхала, Сусуман, Усть-Хакчан и других.

Через несколько дней мы возвращались обратно по Колымскому тракту и вновь увидели бригаду Бутакова, рабочие жгли огромный костёр вблизи дороги. Они поведали, что наполовину котлован выкопали, а дальше началась вечная мерзлота, вот они и приспособились разогревать мерзлоту костром. Дров сухих много, недалеко располагались бараки бывших заключённых, которые в своё время были сооружены из дерева. В этой северной местности произрастает только лиственница, — её древесина является самыми лучшими дровами для костра. Мне захотелось посмотреть на бараки, в которых прозябали бывшие арестанты. Шофёр предложил заехать к баракам в другом месте, где постройки ещё сохранились, потому что вблизи тракта они разграблены и большинство сожжено.

Володя повёз нас по ухабистой дороге, которая удалялась вглубь лесных массивов. Он рассказал, что к этим баракам он иногда заезжал потому, что в одном из них когда-то ютился и его отец. Заключённые этого лагеря занимались добычей золота. Когда подъехали к потемневшим гигантским низеньким постройкам с разбитыми маленькими в торцах оконцами, сделалось жутковато. Бараки были построены из лиственниц, но имелись и каркасные, засыпные, которые арестанты называли клоповниками. Володя здесь для нас был настоящим экскурсоводом. Он изучил всё досконально, вначале ездил сюда с отцом много раз, а потом привозил даже своих детей. Зрелище весьма грустное, печальное, унылое. Вдали от трассы бараки сохранились; зашли в первый — он был бревенчатым, потолки низкие, высота два метра двадцать сантиметров, внутри мрак, слабый свет еле проникал с двух торцовых окон. Всего два небольших окна на весь барак, который вытянулся на шестьдесят метров. Мы посчитали в этом бараке количество нар, их оказалось сто двадцать восемь. Покосившиеся нары все были спаренные, двухэтажные. В середине барака сохранилась проржавевшая железная бочка, которая использовалась в качестве печи. Имелись столы со скамейками. Стены изрезаны фамилиями и именами, из-за полумрачного освещения порой трудно было прочесть надписи. Кое-где написаны были целые куплеты и фразы. На затоптанном грязном полу валялись обрывки серой солдатской шинели с раздавленными потемневшими жёлтыми пуговицами. Около печи, словно замер, огромный ботинок с разинутой пастью оторвавшейся подошвы, из которой торчали ржавые гвозди. Поблизости прислонился к нарам остаток изношенного серого валенка. Здесь же поблёскивала изогнутая пряжка от солдатского ремня. Под нарами среди мусора разбросаны клочки бумаги.

Володя показал крайние нары, на которых когда-то прозябал его отец. Нары были очищены от мусора; он поддерживал около нар чистоту, следил, как на кладбище ухаживают за могилой своих родственников. Над изголовьем значилась фамилия его отца. Володя поведал, что место отца находилось с краю, потому что ему часто приходилось вставать раньше всех, иногда приходили и поднимали его, когда требовалось увозить груз или доставлять очередную партию заключённых. Зимой, в лютые морозы, машину завести можно было через несколько часов, отец разжигал костёр, грел воду, с дровами тоже была проблема. Небольшой запас дров отец постоянно хранил в кузове, а растопку прятал в кабине.

Посмотрев барак, мы отправились за его пределы, Володя показал покосившиеся сторожевые вышки и кладбище, на котором было захоронено огромное количество арестантов. Кое-где стояли столбики с номерами, на некоторых по несколько номеров. На душе появилась такая тревога, что я попросил отправиться в путь.

В дороге Володя рассказал, что отец однажды попал в перестрелку, был ранен, но выжил. Отец был за рулём, ехал по этой дороге, рядом сидели два вооружённых охранника. В кузове, рядом с кабиной, находились два сторожевых работника с автоматами. На деревянных скамейках сидели заключённые. Ехали в центр лагерного руководства в посёлок Оротукан, который располагался на Колымском тракте. Дорога от барачных до основного тракта осталась такой же ухабистой, поэтому машина продвигалась медленно. Вдруг в кузове раздались выстрелы. Отец резко затормозил автомобиль. Часть арестантов вылетела из машины. В кузове один охранник был обезоружен, автомат находился у заключённого. Выскочившие из кабины сотрудники открыли беспорядочную стрельбу. В той перестрелке погиб один охранник, второй был ранен. Восемь застреленных арестантов осталось лежать на дороге, некоторые из них были ранены, их пристрелили. Оставшихся семь заключённых уложили в кузов между скамейками, топтали ногами, после этого поехали дальше. Отец в этой перестрелке был ранен. Пуля у него осталась в плече, так и жил он с ней до конца жизни.

Жутких историй наслушался и насмотрелся я во время командировки в Магадан. Прошло много лет, но как вспомню про Колымскую дорогу, на душе становится тоскливо.

В Ботовской пещере клубок пряжи

Однажды мне довелось посетить топографическую партию, работавшую на южных склонах Кавказских хребтов. Меня удивила буйная растительность. Стволы деревьев в два обхвата, обвитые густыми плетями лиановой растительности. Здесь я впервые увидел гигантские деревья с грецкими орехами и разнообразными южными фруктами. В этой же партии находился с проверкой наш руководитель планово-производственного отдела Владимир Васильевич Крюк. До работы на Кавказе он десять лет проработал в Сибири главным инженером Иркутского предприятия, в котором в те времена в летний период насчитывалось около двух тысяч работающих.

Начальник партии нас огорчил, сообщив, что в одной из бригад потерялся рабочий — он был принят на работу в деревне три недели назад. Парень учился в десятом классе, в летний период решил заработать денег. Бригада возвращалась с гор к палатке, которая была установлена на берегу реки. Рабочий вдруг заявил, что стёр ногу, поэтому пойдёт медленно, просил коллег продолжить путь, а он придет позже. До темноты рабочий так и не появился. Темнеет в этих местах рано и быстро. Утром бригада занялась поисками. В поиски вынуждены были подключиться и мы с Крюком. Рабочего в течение дня нашли. Он пояснил, что заблудился, обнаружили его плачущим в небольшой пещере, в которой он ночевал. Увидев юношу у пещеры, Крюк поведал, что аналогичный случай у него в жизни уже был, и рассказал мне занимательную историю.

Работая в Иркутске главным инженером предприятия, он однажды отправился на контроль полевых работ в партию, которая базировалась в большом посёлке на левом берегу реки Лена Жигалово. Ширина Лены в этом месте двести семьдесят метров. По реке часто проплывали катера и постоянно сновали моторные лодки. Из одной бригады поступило по радиации тревожное сообщение, что потерялся студент. Крюк сразу же принял решение отправиться в эту бригаду. Бригада занималась топографическими работами ниже по течению Лены в ста километрах. В партию отправились на небольшом катере. Дорог здесь нет никаких. Тайга распространялась на многие сотни километров. Лена зажата с обеих сторон горными залесёнными массивами. Катер медленно передвигался по водной части ущелья, солнце сюда заглядывало на несколько часов в день. Тёмно-зелёные мрачные гигантские массивы лесных берегов менялись один за другим. Через тридцать километров показалось первое село Усть-Илга, оно

расположилось на левом берегу реки, катер сделал остановку. Около села имелась небольшая луговая терраса, по которой разгуливал скот — это первая полянка, которая когда-то «освободилась» от лесных зарослей. Село расположилось на красивом побережье реки Илга, которая впадала в Лену. Начальник партии досконально изучил ближайшую местность; он пояснил, что от этого села до деревни Коношаново имеется тропа, по которой бригада весной уходила на свой участок с завьюченными лошадьми. Эта тропа проложена в древние времена, она проходит по левому берегу Лены. Через десять километров показался ещё один посёлок под названием Молодёжный, но он располагался на правом берегу Лены. Деревню Грузновку тоже проплыли мимо. До деревни Боты оставалось около тридцати километров. Деревня Боты нежилая, в ней находилась бригада, ожидая своих начальников.

Бригадир рассказал подробности истории о потерявшемся студенте. В последние две недели погода стояла отличная, поэтому работали активно, в радиусе сорока километров обошли все вершины, установили вехи на деревьях, замаркировали их и возвратились к устью реки Боты. Договорились один день отдохнуть. Конюх отправился в верховья реки осматривать избушку, которую он заметил во время маршрута; рабочие ушли на рыбалку; студент забрал своё ружьё, набросил на плечи рюкзак, удалился в горы, сказав, что видел во время маршрута выводок рябчиков. Бригадир остался обрабатывать материалы. По долине передвигались лошади, пощипывая траву, на шеях лошадей были привязаны колокольчики, которые давали знать, где находятся лошади. К вечеру все возвратились, а студент не пришёл. Ждали до наступления полной темноты. Местность за два месяца он прекрасно изучил, блуждать здесь негде. Всегда можно выйти к Лене, а там имеется тропа.

Бригада планировала утром следующего дня идти на вершину горы, на которой построен пункт триангуляции; предстояло с него отнаблюдать все вехи. Бригадир стал прокручивать все варианты в голове, предположив, что студент увлёкся рябчиками, не успел управиться засветло и решил заночевать на пункте, зная, что утром появится бригада на вершине этой горы. Крутизна гор в этих местах доходила до отвесных склонов, порой невозможно подняться, приходилось обходить гору, чтобы найти ту крутизну, по которой можно взобраться на вершину.

Утром рано бригадир с рабочими отправился на вершину, на которой возвышался геодезический знак с названием одноимённой реки и деревни Боты. Практиканта здесь не было, пошли по предполагаемому маршруту, по которому ушёл студент, постоянно стреляли, кричали, но откликов не последовало. Потом сообщили об этом по радиации на базу партии, не зная, что

делать дальше. Проверили личные вещи студента, они все были в палатке. Никакой записки тоже не нашли.

Крюк стал подробно расспрашивать о всяких тонкостях и поведении студента, какие были отношения в бригаде. Решили прочесать весь склон горы, отправились всем составом, так чтобы видеть друг друга. За день всю гору осмотрели и никаких признаков практиканта не обнаружили. Положение становилось критическим.

Начальник партии вдруг вспомнил, что когда арендовали лошадей для этой бригады, то местные жители поинтересовались, в какую сторону экспедиция собирается идти. Сельчане поведали, что около деревни Боты имеется Ботовская пещера, в которую иногда наведываются туристы. Про эту пещеру деревенские жители рассказали много легенд, некоторые из них страшные.

Бригадир ответил, что они однажды у этой пещеры были, тогда ей сильно заинтересовался студент, рассказав, что бывал в пещерах с друзьями на Урале, а про Ботовскую пещеру никогда не слышал. Второй раз около пещеры пробыли полчаса, обедали. Практикант несколько раз проникал внутрь, но далеко уйти ему не удавалось из-за темноты, он сожалел, что не было с собой фонарика, который имелся у него в рюкзаке. Крюк сразу же потребовал, чтобы проверили в личных вещах студента фонарик. Бригадир сказал, что фонарик у него прекрасный, они жили в одной палатке, поэтому фонарик этот видел.

В личных вещах фонарика не оказалось. Теперь всем стало ясно, что студент ушёл к пещере, но почему же он не возвратился. Быстро собрались в путь, конюх предложил свой старенький керосиновый походный фонарь. В маршрут прихватили капроновый шнур, который имелся в бригаде, необходимый по технике безопасности. Бригадир пояснил, что вход в пещеру располагался на высоте более трёхсот метров над Леной.

У входа в пещеру обнаружили алюминиевую миску; бригадир, взяв в руки миску, сразу признал, что она экспедиционная. В миске лежал клубок с пряжей. Это всех удивило, откуда взялась пряжа и какое она имеет отношение к пещере. Вдруг рабочий вспомнил, что при покупке картофеля у жительницы в деревне Коношаново студент, увидев этот клубок с пряжей, попросил продать пряжу ему; пояснив, что подарит её своей бабушке для вязания сибирских носков. Рабочий, глядя на пряжу, сказал, что клубок был по размерам гораздо больше. Стало понятно, что студент, имея опыт обследования пещер, взял конец пряжи и отправился в пещеру, чтобы потом можно было вернуться по этой страховочной нитке. Почему он не вернулся, оставалось для всех загадкой.

Крюк взял в руки прядь от клубка и стал её перебирать двумя руками, чтобы идти строго по маршруту проложенной пряжи. Начальник партии привязал конец капронового шнура к стволу близстоящего дерева и тоже приготовился в пещерный маршрут, разматывая увязанный моток капрона. Бригадир отправился впереди освещать маршрут фонарём, чтобы следить за прядью. Рабочие остались у входа. Проход был свободный, широкий, и высота была более двух метров. Со стен и потолка стекали крупные капли воды. В пещере было влажно и прохладно. Через несколько метров наткнулись на огромные кости, а рядом у глубокой боковой каменной выемки возвышался череп медвежьей головы. Похоже, это углубление когда-то медведь использовал для берлоги. Деревенские жители тоже рассказывали, что в пещере часто зимовали медведи. Вскоре проход резко расширился, и перед путниками предстало несколько проходов, но помогла нить от клубка, которая увлекла в самое большое отверстие. Здесь обнаружили старые остатки от факелов, значит, люди здесь бывали. Крюк шёл строго по проложенной пряже, внимательно вглядываясь в каменные неровности, на которых лежала слегка натянутая пряжа. Вдруг проход резко устремился вниз, через несколько метров на пути появилось озеро, оно было небольших размеров, в длину метров семь-восемь. Среди каменных нагромождений лежали осколки глиняной посуды, непонятно, для какой цели сюда приносили эту посуду. Обойдя озёрный водоём, вновь наткнулись на раздвоение проходов, но выручала пряжа, которая вела в подземное царство дальше и дальше. В пещере становилось холодно. Прошли уже приличное расстояние, настроение становилось грустным, охватывал страх. Договорились продолжать маршрут до тех пор, пока не закончится капроновый шнур. Если студента не удастся найти, то придется приглашать специалистов с соответствующим оборудованием для продолжения поиска.

Через некоторое время капроновый шнур закончился. Стали обсуждать, возвращаться или нет. Темнота, влажность действовали на психику отрицательно. Крюк настоял продолжить маршрут, пока имеется в руках прядь от клубка. Закрепили конец капрона за камни и отправились продолжать маршрут. Несколько раз проход раздваивался, скитальцы брели по пути размотанного клубка. Иногда проходы становились узкими, пролазили с большим трудом, много попадалось тупиковых гротов, но случались и огромные галереи с высокими потолками, в которых можно осуществлять выставки.

Бригадир стал высказывать сомнение по поводу того, что скоро закончится керосин в фонаре, но Крюк обрадовал его тем, что он прихватил у конюха фляжку с керосином, которая находится у него в рюкзаке. На одном из поворотов прядь от клубка закончилась. Крюк сразу сделал

заключение, что практикант не смог возвратиться из-за этого обрыва. По версии Крюка студент должен находиться где-то совсем близко. Идти без пряжи бессмысленно, при первом же раздвоении можно заблудиться и не выйти, как студент. Крюк сообщил, что у него имеется в рюкзаке моток тонкой лески, которую он прихватил в поездку для рыбалки, поэтому предложил привязать её к пряже и пройти последнюю секцию маршрута. На удачу никто уже не рассчитывал. Передвигались молча, с потолка иногда обрывались капли воды, они нарушали тишину, ударяясь о камни или лужицы воды. Закончился в фонаре керосин, поэтому сделали остановку и заправили фонарь. Наткнулись на огромную кучу крупных костей, для всех осталось загадкой чьи они: кости были гораздо крупнее, чем медвежьи, которые удалось увидеть в начале маршрута.

Тишину нарушил слабый стук камней — Крюк закричал первый. Последовал ответ: «Я здесь, я здесь, я здесь!» Все устремились в соседнюю галерею, у стены стоял подавленный студент, он делал попытки передвигаться.

Студент признался, что хотел обследовать пещеру и осенью заявить друзьям о покорении в одиночку редчайшей пещеры, которую никто не знал. Студент рассказал, что вначале всё шло по плану: шёл, держа конец пряжи в руке и освещая фонариком маршрут, насмотрелся всяких костей, хотел заканчивать маршрут и возвращаться, вдруг обнаружил обрыв в пряже, поэтому сразу развернулся в обратный путь. Вскоре отказал фонарик, и с этого момента начались проблемы. Остался запасной вариант — это коробок спичек. Каждый раз зажигал спичку, запоминал освещаемый отрезок пути и продвигался, прижимаясь к стене, постукивая костью, которую нашёл в одном гроте; она была похожа на саблю, очевидно, ребро какого-то животного. Первую ночь пришлось провести в гроте, но ночью что-то небольшое свалилось сверху, хотел посмотреть, стал зажигать спички, а они отсырели. Это была, наверное, летучая мышь. За временем следил по светящемуся циферблату часов. Трое суток находился в промозглой сырости, продрог до основания. Надежда оставалась одна, что найдут по клубку пряжи.

Когда вышли из пещеры и возвратились к палаткам, студент заявил, что на будущий год он обязательно с друзьями посетит эту пещеру и займётся её обследованием.

Загадочная ритуальная площадка в Саянах

Начальник отдела технического контроля экспедиции Евгений Александрович Денисов, проверяя качество полевых и камеральных работ, один лист топографической карты не принял; таким образом, целый объект, состоящий из полусотни листов, был приостановлен для отправки к изданию на картографическую фабрику. Произошло это в разгар полевых работ, когда все специалисты находились в поле и поручить проверить этот лист было некому, поэтому Денисов решил полететь и разобраться на местности сам. Участок располагался в отрогах Саянских хребтов, в девственных лесах Тофаларии.

Денисов тридцать лет занимался съёмками, исходил Сибирь от Васюганских болот до Уссурийской тайги, а в Тофаларии не был — он давно мечтал побывать в этом уникальном крае, который считался самым неизученным в нашей стране. В этот горно-таёжный регион можно добраться только на вертолёте или на маленьком самолёте с посадкой на грунтовую полосу. Контролирующий геодезист прилетел на вертолёте в посёлок Верхние Гутары и сразу отправился к председателю колхоза к А.И. Щёкину, с которым экспедиция поддерживала постоянную связь в период многолетних работ по обследованию региона Тофаларии. Денисову нужен был один рабочий на неделю в помощь для обследования предместья вокруг вершины горы Алхадыр. Геодезист поведал, что ему удалось рассмотреть на аэрофотоснимках загадочные сооружения на склоне горы Алхадыр, они сосредоточены в подковообразном порядке на большом расстоянии от лесных зарослей. Удивительным было количество этих странных сооружений. Их было около трёх десятков. По мнению Денисова, эти сооружения сделаны людьми, но что это такое — остаётся загадкой. Вначале геодезист принял эти нагромождения за зароды сена, но потом его осенило, что поблизости нет жилищ.

Председатель, прищурившись, стал вспоминать про эти странные удалённые места. Он всю свою сознательную жизнь прожил в Тофаларии, поэтому прекрасно знал всю округу. Вспоминая, он начал рассказывать, что несколько лет назад приезжала группа археологов, тоже интересовалась этими священными сакральными пирамидами. Археологи прилетели тогда с целью найти дольмен с захоронением Чингисхана — такое поручение они получили от учёных Академии наук. Председатель не знал, чем закончилось

обследование, потому что вывозили археологов на вертолёт глубокой осенью в Нижнеудинск, в посёлке они на обратном пути не были. Щёкин припомнил, что археологи арендовали в колхозе оленей, всё лето работал у них оленеводом Гена Тутаев, который находится сейчас в посёлке. Председатель отправил работницу за Тутаевым.

Через несколько минут в конторе появился Геннадий, коренастый, небольшого роста, с тёмным заветренным лицом. Председатель напомнил тому об его работе в археологической экспедиции. Абориген стал рассказывать, как однажды к археологической площадке, на которой специалисты вели раскопки, пришли медведи — в этот период у них начиналась свадьба; один из работников экспедиции выстрелил во вставшего на задние лапы медведя, но выстрел оказался неубойным. Раненый медведь обезумел. Разъяренные, все три медведя набросились на людей. Рабочий, который стрелял, первым попал под лапы медведя. В это время Геннадий появился с собаками, он ходил в долину проводить пасущихся оленей. Тутаев — один из самых опытных охотников в Тофаларии — он понимал, что в такую пору нельзя стрелять в медведей: они очень агрессивные, но теперь не до рассуждений. Обычно, встречая людей в процессе свадьбы, медведи проявляют недовольство, встают на задние лапы, выражая протест, но вскоре все уходят заниматься своим делом, которое для них более важное.

Громяющий рёв разъярённых медведей и вопли убегающих, испуганных людей смешались в единый раздирающий, жестокий крик. Нужно было принимать самые срочные меры. Геннадий понял, что раненой оказалась медведица — это значит, произойдёт жестокое сражение, при котором смертей не миновать. Помогли собаки: они напали на раненую медведицу; рабочий, который стрелял, сильно пострадал, он оказался в стороне. Медведица отбросила рабочего и стала отбиваться от собак, одна из лаек ухватилась мёртвой хваткой за сокровенное место между задними лапами, медведица не могла собаку достать. Геннадий метким выстрелом наповал вначале убил самого крупного медведя — вожака свадьбы. Медведицу долго ему не удавалось поймать на мушку своего старенького ружья, потому что она молниеносно вращалась, таская за собой вцепившуюся в неё собаку. И всё-таки пришлось стрелять — положение становилось безвыходным. Здесь одним выстрелом не обошлось, под пули попала собака, самая лучшая при охоте на медведей, она погибла в этом жестоком поединке. Медведица тоже рухнула, она долго всхрапывала, удаляясь на тот свет. Третий медведь убежал в заросли. Вся округа содрогалась от громкого рёва, плача и крика. Много потребовалось времени, чтобы люди успокоились.

Пострадал только рабочий, он был дальним родственником руководителя экспедиции. Вечером прилетел вертолёт и увёз пострадавшего сотрудника. Смертельных травм медведица не успела ему нанести, несколько рёбер оказались поломанными, и изранена была грудь, поэтому парню повезло, он остался жив. Руководитель экспедиции забрал двустволку у своего сородича и подарил её Геннадию.

Денисова интересовали подробности каменных сооружений, поэтому он слушал про медведей невнимательно, но, наблюдая за председателем, понял, что в таких случаях перебивать рассказчика нельзя. После этого Щёкин поинтересовался, где же теперь подаренное ружьё. Геннадий с гордостью ответил, что с этим ружьём он с тех пор только и охотится, ни у кого в Тофаларии тульского ружья нет.

Председатель сказал Геннадию, чтобы он полетел на вертолёте на несколько дней с геодезистом на ту ритуальную поляну и помог обследовать каменные сооружения. Парень, молча, кивнул головой и отправился за своим ружьём, без которого он в тайгу не ходил. Вскоре на вертолётной площадке показался Гена, он нёс ружьё и спальный мешок, сшитый из оленьих шкур.

Вертолёт зафыркал, заревел, задёргался и с грохотом стал подниматься. Денисов прильнул к иллюминатору и стал любоваться величественными красотами: тёмно-зелёные вершины деревьев перемежывались с открытыми долинами горной тундры, вдали просматривались остроконечные зубцы Центральных хребтов Восточных Саян. Угрюмые пики гор круглогодично находились в белоснежном одеянии. Недра этих гигантских хребтов таили золото, гранит, слюду, медь, нефрит, другие минералы и минеральные источники.

На горизонте показалась остроконечная, оголённая вершина Алхадыра, Денисов её изучил досконально по аэроснимкам, её отметка значилась по картам — 2313 метров. На скалистой вершине возвышался геодезический знак. Геодезиста сейчас знак не интересовал; он стал вглядываться в пологий склон, на котором чётко возвышались рукотворные каменные сооружения; их было действительно огромное количество, и они рассредоточились, словно на подкове.

Вдруг Денисов увидел на восточном склоне караван навьюченных оленей и двух сопровождающих. Он попросил командира высадить их рядом с этими людьми. Уклон был не очень пологий, поэтому вертолётчики не стали выключать мотор. Денисов с Геннадием быстренько разгрузились, и вертолёт улетел, договорившись, что через пять дней он за ними прилетит.

Путники с оленями находились у самой кромки леса. Оставив свой груз, Денисов с Геннадием отправились к лесным постояльцам, пересекая

огромную поляну бадана. Когда стали приближаться, Гена, присмотревшись к людям, шепотом пояснил, что старший по возрасту — это шаман из Алыгджера. Денисов, поздоровавшись, пояснил, что он работает в экспедиции, прилетел обследовать этот регион. Шаман рассказал, что они находятся на тропе, по которой они завтра отправятся в Алыгджер. Геодезист спросил шамана: может ли он как хозяин этих мест рассказать гостю о каменных пирамидах. Шаман согласился, что через часик можно побеседовать. Денисов обнаружил, что рядом проходит тропа, которой, видно, часто пользуются местные жители. Недалеко от путников Денисов с Геннадием установили палатку и сразу же развели костёр. После ужина состоялся разговор с шаманом. Геннадий с оленеводом удалились к реке. Шаман рассказал, что эта ритуальная площадка существует много тысячелетий. В древние времена здесь хоронили крупных военных начальников и вождей. На месте каждого захоронения сооружали дольмен, который выглядел в виде большого каменного ящика, и закрывали его каменной плитой. В эти дольмены укладывали военные доспехи и личные вещи умершего человека. На местности насчитывается тридцать дольменов. Здесь проводятся священные обряды, они бывают один раз в году. Сакральные пирамиды несколько раз пытались уничтожить. Были попытки превратить это место в место паломничества, хотели доказать, что тут был захоронен Чингисхан, но раскопки показали, что захоронения происходили здесь совсем в другой исторический период, затем задумали это место объявить центром Азии, хотя этот центр увековечен в городе Кызыле, столице Тувы.

Шаман не хотел, чтобы это древнее, историческое кладбище, которое является национальной тофаларской святыней, превратили в помойную туристическую местность. Местные жители эту ритуальную площадку называют Подковой. Шаманы Тофаларии собираются один раз в год на этой священной площадке, иногда принимают участие шаманы соседних регионов.

На следующий день Денисов отправился обследовать сакральные пирамиды, но теперь он знал их принадлежность к ритуальным обрядам. Удивляло, что люди в древние времена относились к захоронениям с таким почтением и доставляли каким-то методом сюда эти неподъёмные, громоздкие камни.

Карты Урала на отвесных скалах

Первое правдоподобное изображение Уральских хребтов появилось на картах знаменитого картографа С.У. Ремезова, который проживал в Тобольске. До наших дней также сохранились некоторые фрагменты схематических карт, составленные В.Н. Татищевым, руководителем казённых заводов на Урале в период царствования Петра I. В последующие столетия и десятилетия карты на регион Урала были составлены разных масштабов, хотя карты крупного масштаба стали относиться к разряду секретных, поэтому ими пользовался только ограниченный круг населения.

В Свердловске имелось крупное аэрогеодезическое предприятие № 9, которое занималось созданием топографических карт всех масштабов на весь регион Урала, Тюменской области и Пермской области. Однажды прокуратура Свердловска попросила руководство предприятия № 9 направить в прокуратуру высококвалифицированного специалиста для оказания консультации в вопросах топографических карт. Был направлен начальник отдела технического контроля (ОТК) Матвей Абрамович Блюмин, опытный геодезист, окончивший институт в Москве, много лет проработавший на полевых работах, знавший в совершенстве все виды создания топографических карт.

Следователи показали Блюмину фото фрагмент карты на горный район средней части хребтов Урала. Карта оказалась весьма оригинальной. Некоторые участки местности изображены на карте с детальными подробностями, которые имелись только на топографических картах, отпечатанных с грифом «СЕКРЕТНО». Геодезист пояснил, что на карте размещено много информации, которая имеется только на секретных топографических картах. Такое заключение заинтриговало следователей, они попросили привезти топографические карты на этот регион, чтобы сделать сравнение и окончательный вывод. Начальник ОТК доложил, что такие карты по условиям секретности вывозить из стен предприятия нельзя, а им перевозить эту карту можно, потому что на ней нет грифа секретности.

На следующий день следователи приехали со своей картой, к их приезду были подготовлены карты разных масштабов на местность, которая их интересовала. Стали сравнивать. Их карта оказалась весьма странной: она была сделана совсем в иной системе и масштаб не выдержан, но некоторые подробности удивили всех присутствующих. В одной маленькой деревне в несколько домов нанесены даже бани, имевшиеся во дворах хозяев, на середине улицы показан единственный в деревне колодец. На

карте изображены лесные массивы и даже указана характеристика леса — такие данные имеются только на топографических картах. Отражены в лесу просеки, их ширина, показаны охотничьи избушки, тропы, родники, заболоченность и другие подробности.

На этот раз следователи поведали, что эта карта оказалась в кармане убитого человека, которого обнаружили около рудника. Этот рудник работал в закрытом режиме. У сотрудников появилась версия, что чужеземцев было двое, но между ними появились разногласия, которые завершились таким результатом. Документов никаких не было, эта карта была закреплена в рукаве куртки погибшего человека.

Через месяц Блюмина вновь пригласили в следственные органы. На этот раз сотрудники рассказали, что по берегам реки Чусовой имеются многометровые отвесные скалы, на которых нарисованы карты по многим маршрутам Урала. Теперь уже заинтересовались сотрудники органов безопасности: не использовались ли секретные топографические карты для изображения на скалах местности, учитывая подробности, которые стали достоянием для всех людей.

Блюмину пришлось отправиться в маршрут по реке Чусовой, взяв двух приехавших на практику студентов. Чусовая — это единственная река, которая течёт и по европейской части и по азиатской, рассекая Урал. На всём её протяжении обрывистые скальные берега, вверху заканчивающиеся лесными зарослями. Такое сочетание придаёт реке изумительную красоту, поэтому в летний период на реке появляется много туристов, в основном это студенты.

Из-за поворота выглянула гигантская панорама художественного ремесла. Предварительно Блюмин в процессе маршрута пытался у старцев раздобыть информацию о росписях на отвесных скалах. В одной из небольших деревень, приткнувшейся на берегу реки, жители подсказали, что многое может поведать потомственный рыбак Павел, который проживал на окраине деревни. Павел оказался интересным рассказчиком, его дед и прадед в далёкие времена тоже занимались рыбалкой, им приходилось на лодке доставлять некоторых любителей рисования к отвесным скалам. Он поведал любопытную версию, что рисовать карту начинали в древние времена сыновья знаменитого картографа Ремезова. Они создавали карту с помощью кистей и краски охры, размешивая её олифой. Ближайшую местность они изучали, а удалённые окраины гор наносили по расспросам рыбаков и охотников. После этого прошли столетия, люди приезжали, любовались, некоторые срисовывали ремезовские карты. Иногда появлялись странники, которые восстанавливали терявшиеся облики на картах.

В прошлом столетии, в послевоенные годы, вдруг началось паломничество к росписям древних карт — их стали фотографировать, и не только фотоаппаратами, но и кинокамерами. Через несколько лет стали появляться новые художники, которые продолжили создавать карты, в их распоряжении имелись краски разных цветов. Они измеряли местность рулетками, всю ситуацию вначале вычерчивали на бумаге, а затем разноцветными красками рисовали на скалах, иногда сооружали устройство на верёвках и спускались сверху, привязываясь к стволам деревьев. Этим художеством молодёжь занималась несколько лет. У них были небольшие группы, которые уходили в экспедиционные маршруты, занимаясь исследованием местности; они создавали карты на весь Урал и доставляли эти фрагменты в панорамный очаг.

Впоследствии Блюмину удалось в Свердловске вычислить, кто занимался этим ремеслом. Это была инициативная группа по спортивному ориентированию в Уральском политехническом институте. Студенты, которые увлекались спортивным ориентированием, и создавали эту карту Урала; они давно закончили учёбу в институте и разъехались по разным городам.

Картографическая панорама для Блюмина оказалась очень занимательной. Он стал внимательно её изучать и попросил студентов сфотографировать с разных точек, чтобы была возможность изучить шедевр молодых умельцев. Карта была сделана ни в едином масштабе, некоторые фрагменты были выполнены с высокой точностью и в крупном масштабе. На карте изображены все реки, дороги, лесные массивы, тропы, некоторые охотничьи избышки, основные населённые пункты, вершины скальных вершин. Особо выделены хребты: Молебный, Муравьиный, Тумкопае и некоторые другие. Отражены многие культовые места условными значками идолов.

В калейдоскопе гигантской панорамы Блюмин обнаружил фрагмент карты, которая находилась у следователей, но теперь он смог разобраться, что в тот фрагмент были добавлены многие подробности, сделаны подписи к населённым пунктам, кроме того специальными условными знаками отражены рудники, карьеры, заводы, перерабатывающие комбинаты, линии электропередач, электростанции. Стало понятно, что какой-то турист сфотографировал карту Урала на отвесных береговых скалах, а затем на этот фрагмент нанесли необходимую дополнительную информацию, в совокупности с этими данными карта практически стала секретной.

Подобный инцидент произошёл в конце восьмидесятых годов прошлого столетия с картой на Москву. В те годы, в период всеобщего засекречивания, карты на Москву издавались схематические. Вдруг в

продаже появилась карта Москвы, на которой были указаны все подробности, в том числе засекреченные заводы, зашифрованные фабрики, правительственные дачи; на карте были подписаны все министерства, относившиеся к оборонной промышленности, туннельные переходы и автомобильные подземные проезды. Условными знаками были отражены многие убежища, которые сооружались в качестве массовых подземных укрытий в целях гражданской обороны.

В те годы такая карта считалась совершенно секретной. Наши специальные органы быстро сумели изъять из продажи эти карты и стали разбираться, кто мог издать эту карту, и каким образом она попала в продажу. Вскоре выяснилось, что карту издали в Венгрии. Их предприниматели, обнаружив, что в Москве нет подробной карты, быстренько воспользовались этим случаем. Летом они отправили в Москву тридцать студентов с последнего курса географического факультета, каждому практиканту был выдан фрагмент нашей карты на определённый район, тогда в Москве насчитывалось тридцать районов. Студенты в течение месяца проходили практику, обследуя каждый закреплённый за ним район. Они расспрашивали прохожих, интересуясь всеми особенностями, внося в карту все подробности. Для этого у них имелся специальный вопросник. Все эти студенты умели говорить по-русски. Таким образом, была составлена карта на базисной основе русской схематической карты, но с подробностями, которые были засекречены. Такую карту напечатали в Венгрии на мелованной бумаге и запустили в продажу в Москве, но наши специальные органы процесс этот сумели быстро остановить.

Очевидно, под такую же процедуру попала карта Урала, базисной основой послужила фотография с отвесных береговых скал.

Впоследствии Блюмин интересовался картой Урала на береговых скалах и был разочарован. Панорама оказалась уничтоженной. Появилось много умельцев с разнообразными красками из наполненных баллончиков. Эти молодые люди стали создавать свои художественные творения — таким образом, карты Урала оказались уничтоженными.

«Медвежий праздник»

Во второй половине прошлого столетия перед геодезистами, топографами и картографами нашей страны была поставлена грандиозная задача: создать на всю территорию государства крупномасштабную карту. Тысячи экспедиционных топографо-геодезических бригад несколько десятилетий занимались этой трудоёмкой работой. На полевые работы приходилось выезжать ранней весной и возвращаться глубокой осенью. Особенно трудно было обследовать удалённые таёжные регионы. Большинство бригад работало пешком; там, где имелась возможность использовать вьючный транспорт, экспедиционный груз перевозили на лошадях и на оленях.

Арсений Прохорович Литовченко возглавлял отряд № 4, который выполнял топографо-геодезические работы в северо-западной части Тюменской области, вблизи предгорий Урала.

Полевой сезон подходил к завершению. Заснеженная тайга погрузилась в зимнюю спячку. Арсений верхом на лошади медленно пробирался по тропе, стараясь не задевать ветви деревьев, засыпанные пухлым, недавно выпавшим снегом. За ним на привязи растянулся караван осёдланных лошадей; на последней лошади ехал преклонного возраста хантыец, его звали Егор, он работал в должности конюха. Экспедиционные работники ехали в отдалённую деревушку, в которую должна выйти бригада. Арсений предполагал, что в бригаде закончились продукты; договаривались с бригадиром, что Арсений приедет в деревню, чтобы всем уехать на лошадях. Бригада весь сезон работала без транспорта, пешком. В середине лета начальник отряда с конюхом привозили на лошадях продукты в бригаду и тогда договорились, что встреча произойдёт в Покров день (14 октября), поэтому Арсений торопился, зная, что бригада должна появиться в деревне в назначенный день — хотелось сделать работникам приятное, предоставить каждому лошадь, чтобы облегчить выезд из тайги.

Караван лошадей появился в деревне в канун Покрова дня, а бригады ещё не было. Деревня оказалась наполовину опустевшей. Проживало в ней около двух десятков семей, с давних времён в деревне жили только ханты. Они занимались охотой и рыбалкой. Егор вначале занялся своим делом, он расспросил у местных жителей, где можно спутать лошадей, чтобы они смогли копытами добраться до травы, которая была прикрыта первым снегом. Определив лошадей на пастбище, конюх отправился к своим соплеменникам. Вскоре Егор возвратился, он поведал начальнику отряда,

что завтра в деревне будут отмечать главный праздник года — Медвежий праздник. Сейчас в деревне начинается подготовка к этому мероприятию. По сообщению конюха, утром соберутся несколько самых опытных охотников и отправятся к медвежьей берлоге, в которую залёг на зиму медведь. Охотникам предстояло вызволить залёгшего на зиму медведя из берлоги и суметь его застрелить. Прошло всего полмесяца, как хозяин тайги оккупировал свою зимнюю квартиру, он не успел ещё расслабиться, полон сил, поэтому брать медведя в этот период крайне опасно и сложно. У охотников с древних времён существует целая система ритуальных степеней по подготовке к охоте на медведя. В канун похода к медвежьей берлоге охотник не должен питаться мясом и не имеет право брать мясо в руки. В качестве талисмана у охотника должен висеть на шее медвежий коготь. Имеется целый перечень негласных обычаев, которые ханты обязательно соблюдают в канун охоты на медведя.

Конюх поведал, что имеющиеся у охотников ружья не соответствуют такой серьёзной охоте. Арсений удивился, зная способности северных людей, которые только и занимаются охотой. Егор пояснил, что у каждого местного жителя имеется два ружья: одно для охоты на белку и соболя — это мелкокалиберное ружьё, которое маленькой пулькой сражает насмерть зверька; вторые ружья ханты используют на крупных зверей, но они у них одноствольные. Обычно в канун Покрова дня в деревню приезжал кто-нибудь из соседней деревни с надёжным оружием, зная, что в этот день обязательно будет охота на медведя. На этот раз никто не приехал.

Егор предложил Арсению Прохоровичу принять участие в охоте, ссылаясь на то, что у него имелся пятазарядный карабин. Такое грозное оружие некоторые местные жители глухой, отдалённой деревни даже не видели. Местные жители стараются обходиться без стрельбы — они охотятся на соболей и белок, используя многочисленные ловушки, у них имеется каскад разнообразных приспособлений, в которые залазят эти пушные зверьки. Главная особенность такой охоты состоит в том, что на шкурке нет следов от пуль, поэтому пушнину охотники сдают высшего качества, с максимальной оплатой.

Начальник отряда сказал, что он никогда не принимал участия в таком сложном мероприятии и охотой не занимался, но для оказания помощи деревенским жителям готов дать карабин, чтобы оградить их от трагических столкновений и неприятных последствий. Егор с таким приятным сообщением отправился к охотникам. Утром один из аксакалов появился в доме, где проживали экспедиционные работники. Начальник отряда вручил ему карабин и пару обойм с патронами. Позже выяснилось, что медведя застрелить удалось именно из карабина. Один охотник промахнулся из

ружья, второй выстрелил, но пуля попала в неубойное место, а аксакал успел выстрелить три раза из карабина, и разъярённая бурая громадина рухнула в снег в трёх метрах от охотников. После этого охотники высоко оценили поступок начальника отряда, который дал грозное оружие чужому человеку, поэтому все дни «медвежьего праздника» к начальнику отряда относились как к самому почётному гостю.

Во второй половине дня в деревне появились два охотника, которые объявили, чтобы народ готовился к празднику. К концу дня показались охотники, они везли на санях огромную тушу медведя. Их встречала толпа деревенских людей в праздничной одежде. Жители всей деревни устроили хоровод с развлекательными песнями и плясками. Интереснее всех выглядели дети: они были разного возраста, их национальная одежда была украшена вышивками из цветного бисера. В своих песнях сельчане воспевали медведя. С древних времён медведь у северных народов считается священным животным, поэтому в песнях они просили прощение за то, что застрелили медведя, обвиняя в этом «ружьё». Ритуал этот продолжался до сумерек. В середине деревни имелась поляна, на которой возвышался чум, вблизи развели костры, вокруг которых продолжала хороводить молодёжь. Охотники тем временем взялись обдирать медведя под песни и пляски. В первую очередь отделили медвежье сало и разделили его для каждой семьи для лечебных целей. Мясо варили в нескольких котлах, этой работой занимались только мужчины под песни и пляски молодёжи.

Медвежьи лапы у северных народов считаются самым ценным культовым подарком. Одну лапу подарили начальнику отряда, вторую вручили шаману для изготовления колотушки для бубна. Шаман все дни возглавлял мероприятие «медвежьего праздника», третью лапу повесили в чуме в качестве талисмана, а из последней лапы когти вручили самым почитаемым в деревне жителям — это в основном были аксакалы. Мясо начинали съедать ровно в полночь. Ели его молча и расходились. На второй день молодёжь начинала хороводить, мужчины варили в отдельном котле сердце, лёгкие, печень, глаза, этот бульон начинали пить в полночь, предварительно каждый мазал лицо сажей, после этого каждому полагалось съесть кусочек сердца, а потом приступали к съедению мяса.

В третий день праздник продолжался. Вначале все поочерёдно заходили в чум и целовали медвежью лапу. Во время хоровода женщины прикрывали свои лица платками. Медвежью голову заворачивали в кору бересты и в сопровождении шамана охотники уносили ношу в горы и там водружали череп на дерево — в этом мероприятии принимали участие только мужчины под руководством шамана. Каждый день скопившиеся

медвежьи кости аккуратно складывали и закапывали в землю; по поверью северных народов, кости со временем должны обрасти мясом.

В конце третьего дня в деревне появилась топографическая бригада. Они тоже принесли медвежье мясо. Работники рассказали, что в последние дни никаких продуктов в бригаде не было. Голодные и уставшие люди продолжали маршрут с большими трудностями. Однажды два работника отказались идти, уговаривая бригадира идти с оставшимися работниками, а потом из деревни приехать за ними на лошадях. Бригадир на такой вариант не согласился, тогда один из рабочих предложил зарезать собаку и сварить её, чтобы выжить. Собаку подарили в деревне, когда начинался полевой сезон, звали пса Шарик. За лето к собаке все очень привыкли — однажды она пригнала к палаткам косулю, которую рабочим удалось застрелить, с тех пор к Шарика стали относиться с уважением, поэтому мнения об уничтожении собаки разделились. У Шарика на этот счёт, очевидно, имелось чутьё — он вдруг исчез. Теперь у всех появился интерес, куда мог подеваться Шарик. Бригада передвигалась в день по несколько километров. В течение дня больше времени лежали, чем шли.

Вдруг однажды услышали звонкий лай своего Шарика. Раздирающий лай был настойчивым, иногда лай превращался в озлобленный визг, у всех появились силы для того, чтобы пройти сквозь заснеженные заросли к псу, который находился в отчаянном состоянии, призывая на помощь. Бригадир, сгибаясь под повисшими заснеженными ветвями, торопился, понимая, что происходит жестокая схватка, но с кем? Вокруг вывороченного с корнями ствола бегал маленький Шарик, а за ним гонялся огромный медведь. Стало понятно, что Шарик наткнулся на берлогу, в которую залёг хозяин тайги, и потревожил медведя. Силы были неравные. На глазах всей бригады медведь схватил лапой Шарика и раздавил его, отбросив визжащего, смертельно раненного пса в сторону.

Разъярённый медведь, увидев людей, встал на дыбы и направился на расправу. Испуганный бригадир находился в самой близости. Руки дрожали, он начал стрелять из карабина, из которого в течение лета не сделал ни одного выстрела. Ведь за каждый патрон нужно было отчитываться, но здесь был вопрос — кто кого. Смерть была перед глазами. У рабочего тоже было ружьё, он тоже начал стрелять. Наконец медведь взревел и повалился. После этого бригадир полдня пребывал в судорожном состоянии. Так в бригаде появилось медвежье мясо.

Шарика похоронили около берлоги. Ханты стали расспрашивать, куда они дели медвежью голову. Услышав, что голова осталась лежать около костра, около которого они два дня занимались с мясом, охотники отправились к тому месту. Ханты пояснили, что они должны забрать голову,

принести её на праздник, а потом унести в горы и водрузить на дерево, иначе может произойти большая беда.

У топографической бригады не было времени, чтобы задержаться на праздник, поэтому они, оседлав лошадей, уехали.

Клещевая болезнь

Саша сидел у догорающего костра, потирая пальцами виски, голова болела второй день. Вспыхивающие над обуглившимися дровами языки пламени освещали палатки, в которых похрапывали уставшие коллеги. Головная боль у Александра усиливалась, он не смог лежать в спальном мешке, поэтому разжёл костёр, заварил чай, выпил, немного сделалось легче, но ненадолго. Александр задумался, отчего могла заболеть голова. В детстве никаких ударов по голове не было, в армии служить повезло: попал в музыкальную группу, играл на скрипке. К этому инструменту любовь привили родители, отдав его в музыкальную школу. Возвратившись из армии, захотел поработать в экспедиции, давно мечтал о таинственных путешествиях по загадочной Уссурийской тайге. Желание сбылось — пять месяцев работал в экспедиционной геодезической бригаде в должности рабочего второго разряда. Вначале сильно уставал, постепенно стал втягиваться, каждый день переходы по таёжным зарослям, вечером костёр. Транспорта никакого не было, иногда сплавлялись на плоту. Научился делать плоты и управлять гребным веслом при сплаве по реке.

Продуктами бригада обеспечивалась из лабазов — продуктовых сооружений, которые были подготовлены ранней весной, для Александра все эти новшества были интересными и увлекательными. Одна продуктовая точка была организована на берегу реки в шатре нанайца Тимофея. Нанаец удивил Сашу своими познаниями местности и образом жизни в таёжных условиях. Оказалось, что Тимофей никогда из этой местности не уезжал, он не видел автомашин, поездов. Зато он знал прекрасно окружающую местность и в каком ущелье водятся медведи, лоси, олени, кабаны. У него имелась даже домашняя кабарга, которая жила без привязи. Странно, что она уживалась вместе с собакой.

Нанаец предсказывал погоду и даже точно показывал накануне предстоящего дня направление ветра, в этом геодезисты убедились, когда у него ночевали. Питался нанаец в основном рыбой и чётко знал, когда рыба ловится; в некоторые дни он говорил, что не стоит даже идти к реке, рыба клевать не будет. Его высказывания рабочие проверяли несколько раз и убеждались, что он прав. Тимофей был большим знатоком в лечебных делах. Однажды пришли к нему за продуктами, у одного рабочего была большая рана — упала вершина дерева и рассекла ему плечо. Не знали, что нанаец владеет таким искусством, но он увидел окровавленное плечо, сразу же сделал раствор из трав, промыл, затем сумел остановить кровь, которая

постоянно сочилась, и приложил к ране распаренные листья от какого-то растения. После этого рана стала заживать. Сейчас Саша думал только о том, чтобы попасть к нанайцу, который наверняка сможет вылечить головную боль.

Утром по радиосвязи пришло сообщение, что в бригаду на контроль вылетает главный инженер экспедиции Владимир Николаевич Гнатишин. Он сообщил, что вертолёт может приземлиться только вблизи шатра нанайца, там имеется небольшое болото, над которым вертолёт зависнет, чтобы главный инженер сумел выпрыгнуть. Лесные заросли распространились на многие десятки километров, возможность посадить вертолёт имелась на берегу реки, но эта поляна располагалась в низовьях реки, до которой нужно идти по тайге полтора дня. До нанайца бригада добралась часа за два. Гнатишин находился уже у шатра Тимофея, они были давно знакомы. В предыдущие годы Гнатишин работал поблизости в должности начальника партии, ему приходилось часто прилетать на вертолёте, тайга в этих местах такая, что площадку для вертолёта найти порой невозможно. Геодезист знал Тимофея, не один раз задерживался в этом шатре в ожидании сброса продуктов для бригад на болотную площадку. Гнатишин привёз нанайцу порох, пистоны, дробь разных размеров, гильзы для его ружья и свинец для литья пуль. Нанаец пули выливал из свинца по своей конструкции: готовые, приобретённые в магазине он не признавал. Тимофей был доволен подарочным комплектом, повторяя, что теперь ему этих запасов хватит на несколько лет. Нанаец использовал огнестрельное оружие, он в основном пользовался старинными методами, ловил соболей и белок разными приспособлениями, как и большинство таёжных охотников.

Появившийся бригадир доложил главному инженеру, что рабочий Александр Черномазов сильно заболел, кое-как его довели до шатра. В маршруте приходилось часто останавливаться, давая возможность ему отдохнуть, он мечтал скорее добраться до нанайца, рассчитывал на Тимофея, который слыл у работников бригады как большой специалист по излечиванию больных. Главный инженер эту версию тоже подтвердил, припомнив, как нанаец два года назад сумел поставить на ноги студента, который простудился в процессе переправы через горную реку в весенний период. Студент беспрестанно кашлял; заказали вертолёт, который прилетел через две недели; за это время нанаец вылечил практиканта, и вылетать ему не пришлось.

Бригадир поведал, что у Александра резко поднялась температура. Гнатишин сразу же подключился к осмотру сам, поставили градусник, который показал критическую цифру — 40 градусов. Нанаец взглянул на

язык больного, прощупал голову и сделал заключение, что рабочий страдает клещевой болезнью. В экспедиции эту болезнь называли — энцефалитной. На Дальнем Востоке была версия, что вирус энцефалита появился из соседнего государства, болезнь передавалась через укус клещей. Тимофей заявил, что клещевая болезнь совсем новая в их краях, излечивать её нанайцы ещё не научились, поэтому предложил срочно доставить больного в лечебное учреждение. После такого жесткого заключения, рабочему сделалось плохо.

Гнатишин знал, что в низовьях реки в эти дни базировался вертолёт, который доставлял на вертолётную площадку бочки с горючим, поэтому предложил отправиться с больным в низовья реки. Главный инженер решил ещё раз измерить температуру и вдруг обнаружил, что рабочий находится в бессознательном состоянии, поэтому он скомандовал срочно соорудить носилки, но нанец пояснил, что носилки у него имеются. Гнатишин, бригадир и два рабочих впряглись в носилки и отправились в далёкий маршрут по тропе в низовья реки к вертолётной площадке. Моросил дождь, больной постоянно бредил, просил воды. Первые часы шли уверенно, но вскоре начали уставать. Гнатишин уже сталкивался с подобной ситуацией, ему приходилось доставлять раненого топографа из тайги, но тогда больной был в сознании, его случайно ранил рабочий из ружья.

Александр находился в тяжёлом состоянии, иногда он пытался вскочить, произносил нелепые слова. В это время останавливались, давая отдых уставшему организму. Главный инженер ограничивал людей в отдыхе, периодически требуя ускориться, понимая, что промокшие, вспотевшие люди находятся на пределе человеческих возможностей. Шли до самой темноты. Ночь оказалась сложной, больной часто вскрикивал, он не приходил в сознание. По очереди вставали, жгли костёр, грели чай и поили Сашу. Чаще всех поднимался главный инженер, перед рассветом он приподнялся и отправился разжигать догорающий костёр, но взглянул в сторону Александра, а его на спальном мешке не было. Ночь была дождливой, поэтому над больным соорудили брезент, с наклоном в одну сторону для стока дождевой воды. Геодезист быстренько разжёл костёр, затрещали дрова, осветив округу, но больного не было видно. Владимир Николаевич поднял своих коллег, озадачив их тревожным сообщением, что сбежал их «черномазый», так его величали иногда рабочие, а бригадир предлагал ему сменить фамилию. Саша не обижался, он говорил, что как женюсь, то фамилию обязательно поменяю.

Темнота не позволяла рассмотреть, где находится сбежавший рабочий. Разбрелись по ближайшим зарослям, на него наткнулся бригадир: он увидел ползущего Александра. Промокший, заплаканный, с остекленевшими

глазами, он пытался уползти в таёжную темноту. Саша потерял рассудок, он вторил какие-то непонятные слова, его рот, словно был забит ватой. Долго пытались выяснить намерения рабочего, но установить причину его исчезновения так и не удалось. Критическая температура не снижалась. Гнатишин понимал, что исход может закончиться плачевно. В экспедициях предприятия каждый год от укусов энцефалитных клещей погибали работники, а некоторые переходили в разряд инвалидов, поэтому геодезист, качаясь от усталости, первым впрягся в носилки, давая пример своим поступком, что нужно торопиться. Утром одежда была просохшей, поэтому продвигались сравнительно быстро. Через некоторое время начинали запинаться, а затем спотыкаться, но, изнемогая, люди шли и шли. Как только больной начинал произносить какие-то слова, хотя они были нечленораздельны, все дружно останавливались на отдых. Давали больному пару глотков тёплого чая из фляжки и вновь впрягались в носилки. Изнурённые, промокшие путники порой падали, медленно поднимались и вновь продолжали передвигаться. Иногда это происходило молча.

К великому счастью, на площадке находился вертолёт, экипаж, увидев крайне утомлённых экспедиционных работников, с которых стекали ручейки дождевой воды, сразу же завёл двигатель, и вертолёт с больным отправился в ближайший населённый пункт. Бригада осталась продолжать работать, с Александром полетел Гнатишин. К прилетевшему вертолёту подъехала машина скорой помощи, главный инженер сопровождал Александра до больницы.

На крыльце больничного учреждения долго сидел Гнатишин в ожидании сведений об Александре. Крупные капли дождя медленно падали на стропила старенького крыльца, их стук был монотонным, громким, словно они ударялись о барабан.

Дверь заскрипела, показался пожилой врач, одетый в изрядно поношенный, не очень опрятный светлый халат.

«Как называется экспедиция, в которой работал парень?» — спросил врач, потирая рукой свою полысевшую голову. «Экспедиция № 27» — ответил Гнатишин, поднявшийся со ступенек. «Поздно доставили», — грустно проговорил врач.

С тех пор прошло много лет, теперь заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации Владимир Николаевич Гнатишин работает генеральным директором Дальневосточного аэрогеодезического объединения, но как только вспоминает тот случай, у него сразу начинает щемить сердце.

В бригаде появились волчата

Эвенк Миргачан тащил завёрнутых в куртку волчат, крича на всю тундру: «Поймал двух маленьких волков, кусаются, царапаются, идите смотреть!» Бригадир Николай Калабин попросил принести добычу к инструменту. Геодезист не мог отойти от нивелира, чтобы не нарушать систему измерений. Только задний реечник не мог оставить свой пикет, поэтому он стоял в пятидесяти метрах от собравшейся у нивелира бригады. Серые зверёныши оказались очень забавными. Они походили на щенков от овчарки. Маленькие хищники вначале пытались вырваться из рук Миргачана, но вскоре успокоились, всем захотелось их погладить и взять на руки. Их молниеносные взгляды перебрасывались с одного человека на другого, но стоило кому-то заговорить, волчата устремляли свои взгляды на говорящего человека. Эвенк пояснил, что у волков прекрасно развит слух, поэтому они реагируют мгновенно, но обоняние и зрение гораздо слабее.

Миргачан рассказал, что он спокойно прорубал визирку, заросли оказались на редкость густыми, от бригадира удалился с прорубкой метров на шестьдесят, вдруг уткнулся в огромное упавшее дерево, оно не совсем свалилось, вершина зацепилась за стоявшие рядом лиственницы. Решил обойти и осмотреть, в какую сторону сместить направление визирки. Неожиданно под вывороченными корневищами дерева мелькнула серая тень. Полез в темноту, там прижались друг к другу два сереньких зверька, когда начал протягивать к ним руки, они стали издавать какие-то призывающие звуки. Эвенк осмотрелся, чтобы не попасть на растерзание волчьей стаи. Если серые хищники захватили бы лежащего человека около своего логова, то смерти бы не миновать. Миргачан рассказал потом, как стая озверевших волков однажды напала на спящего в берлоге медведя и в результате загрызла его, схватка длилась долго, два волка тоже погибли, всего зверствовало волков около берлоги полтора десятка.

Бригадир стал интересоваться, что теперь делать с волчатами, но все вдруг единогласно закричали, что их нужно оставить в бригаде. Калабин противиться не стал, хотя понимал, что за ними нужен специальный уход. Волчата быстро освоились, они с удовольствием лежали на руках, прижимались и пытались даже лизнуть лицо. Миргачан смастерил им ошейники и сделал поводки. Волчат по очереди стали брать на ночь в спальные мешки. Они ели почти всю пищу, которой питались экспедиционные работники.

Бригада прокладывала нивелирную трассу по берегу северной реки Курейка. В день проходили три-четыре километра. Всё оборудование перевозили на моторной лодке. Каждую ночь осваивали стоянку на новом месте. Процесс нивелирования — это монотонная работа, бригада медленно передвигалась по берегу реки, прорубая визирки, иногда лесные заросли раздвигались, уступая место тундре. Один рабочий ежедневно занимался перебазированием палаточного лагеря. Он снимал палатки, собирал всё имущество и перевозил на лодке на новое место. Этой работой занимался опытный кадровый рабочий Николай Павлович Киргинцев, по возрасту он был старше всех, поэтому его величали Павлычом. Теперь у Павлыча появилась дополнительная забота: около лодки постоянно на привязи находились волчата. Во время переезда с одной стоянки на другую волчата восседали в лодке спокойно, очевидно, воды они боялись, никогда прыгать в воду не пытались. Новые поселенцы весь день находились с мотористом, на переезд уходило много времени. На новом месте нужно было установить палатки, перетаскать все спальные мешки, продукты, затем нужно было подготовить дрова для костра. К вечеру Павлыч начинал готовить ужин, в это время волчата находились рядом.

Иногда у серых младенцев появлялось настроение резвиться, но всё обычно заканчивалось потасовкой, чтобы утомить их, требовалось много усилий. К Киргинцеву волчата привыкли больше, чем к остальным, он иногда забывал их привязывать, они следовали за ним по пятам. Однажды моторист случайно наступил одному волчонку на ногу, он громко и жалобно долго визжал. Моторист пытался его успокоить, сожалея, что так получилось. Через некоторое время вдруг раздался вой, лодочник понял, что это завывает волк. На теле появились мурашки. Сделалось страшно. Волчата насторожились, устремив свои взгляды в сторону воющего волка. Вой приближался. С первых дней появления волчат моторист был против того, чтобы приютить их в бригаде. Теперь такая возможность появилась, потому что пришла мать за своими младенцами, — нужно было срочно их вернуть.

Киргинцев снял ошейники, чтобы дать свободу волчатам, разжёг костёр, зная, что волки боязливо относятся к огню, взял в руки ружьё на всякий случай и стал у костра готовить ужин. Удивительно было, что волчата не уходили. Моторист сделал несколько шагов в лесные заросли в сторону воющей волчицы, за ним последовали волчата, но далеко уходить он не осмелился, немного постоял, рассчитывая, что малыши отправятся на призыв матери, но они уселись и стали поглядывать на Павлыча.

В это время слышались голоса работников, они возвращались на ужин и ночлег. Вой прекратился. Моторист рассказал про страх, который он

испытал от воя волчицы. Все были удивлены, что волчата находились непривязанными и на призыв матери не пошли. Эвенк сделал заключение, что здесь в экспедиционных условиях им живётся лучше, чем в волчьем логове. С приходом бригады Киргинцев успокоился. После этого случая несколько дней шёл дождь, поэтому работники отсыпались, рыбачили. Эвенк ходил на охоту, настрелял уток и стал кормить мясом волчат, предварительно его сварив. До этого они ели консервированное мясо, а теперь попробовали натуральное. Утиное мясо им больше понравилось. Они вырывали куски друг у друга, даже разодрались, а драка у них происходила злобная: они не уступали друг другу, один другому прокусил ухо, у другого появилась кровь. Разнять их практически было невозможно. Эвенк облил их холодной водой, и драка прекратилась.

После дождливой погоды вновь наступили солнечные дни, на севере дни длинные, поэтому бригада практически работала без отдыха. Переспали — и вновь за работу. Моторист только успевал перевозить каждый день имущество и создавал условия для очередной ночёвки. В один из дней бригадир скомандовал, чтобы моторист тоже подключился к прорубке визирок, пояснив, что до обеда предстоит прокладывать трассу через густые заросли, а затем начнётся тундра, прорубки не будет, тогда моторист с Миргачаном могли вдвоём заняться перебазированием. После обеда эвенк с Павлычем возвратились в палаточный лагерь, чтобы заняться переездом. Волчата оставались привязанными к корме лодки, которая была вытащена наполовину на песчаный берег. Эвенк в первую очередь отправился к своим любимцам. На этот раз они оказались не очень любезными. Миргачан обнаружил на песке свежие, чёткие волчьи следы, он пригласил Павлыча и стал показывать отпечатки приходивших волков.

Вдруг эвенк заметил небольшую кучку, которую волчата не могли достать, их ограничивал поводок. Вначале появилось подозрение на испражнение волков, но бывалый охотник знал, что такого не должно произойти, поэтому он встал на колени и стал её рассматривать, ковыряя кучку палочкой. Наконец эвенк установил, что это отрыгнутое, полупереваренное мясо, оставленное волком для волчат, но оставил его хищник далековато от волчат, поэтому они не смогли съесть. С таким явлением эвенку приходилось сталкиваться, когда он работал в заповеднике, в котором разводили волков особой породы. Волчат вскармливала волчица молоком до особого возраста, а затем приступал к своим отцовским обязанностям самец: он приносил пережёванное мясо и оставлял его в отрыгнутом виде. Мирганчану часто приходилось наблюдать за странным явлением, когда волк извергал из своего желудка мясо.

Эвенк удлинил поводки волчатам, и они набросились на отрыгнутое мясо. Вечером у костра все долго обсуждали это редчайшее кормление самцом своих волчат. После этого волчата не очень-то стали воспринимать экспедиционную пищу. Эвенку приходилось при первой возможности отправляться на ближайшие озёра для охоты на уток, которых в этих местах скапливалось огромное количество.

Однажды произошёл ещё один странный случай. Киргинцев был большой любитель рыбалки, притом он признавал ловить рыбу только удочкой. Как-то раз ему удалось наловить два ведра крупных хариусов, поэтому моторист решил нажарить их и отправился в бригаду, чтобы порадовать её вкусным обедом. Возвратившись в палаточный лагерь, моторист, как всегда, пошёл вначале проведать своих питомцев, которые в это время скучали на привязи у лодки. Недалеко от волчат Киргинцев увидел погибшего утёнка, до него им не позволяли дотянуться поводки, поэтому волчата вырыли своими лапами значительную яму, пытаясь полакомиться доставленным утёнком. Моторист понял, что в период его отсутствия наведывались волки, потому что около лодки были разбросаны перья и пух, очевидно, одного утёнка им удалось растерзать и отведать.

Полевой сезон подходил к завершению, волчата прожили в бригаде более месяца. Эвенк заявил, что волчат он заберёт в своё стойбище и там будет выращивать. К этой идее все отнеслись равнодушно. В последний день работы прилетел вертолёт, в него загрузили всё экспедиционное оборудование, и весь состав бригады улетел в Игарку. Миргачан боялся, что его питомцы могут сбежать, поэтому постоянно держал их на привязи. В салон вертолёта эвенк со своими волчатами поторопился зайти первым.

Вертолёт улетел, наступила тишина. Моторист остался со своей моторной лодкой один. Ему предстояло перегнать лодку вверх по течению Курейки на базу партии. Он приступил к заправке мотора бензином, который доставил ему вертолёт.

Вдруг раздался жалобный вой, на высоком берегу показались два волка. Испугавшись, Киргинцев оттолкнул лодку от берега, завёл мотор, который долго почему-то не заводился, и отправился в далёкое плавание. На берегу стояли два волка, они тоскливо, протяжно выли, задрвав оскаленные, скорбящие головы.

Встреча с однокурсником

В тот год я работал начальником партии в предгорьях Восточных Саян. Однажды верхом на лошади я отправился в бригаду инженера Виктора Лосукова. Два дня я пробирался по таёжным зарослям, преодолевая горные реки, когда попадали звериные тропы, использовал их, но чаще всего приходилось ехать по лесным дебрям, объезжая буреломные завалы, при подъёме на крутые горы лошадь вёл в поводу.

Палаточный лагерь бригады располагался рядом с постройками геологической партии, которая базировалась на берегу реки уже несколько лет. Когда-то построенные деревянные дома кое-как вмещали экспедиционных работников, теперь эти помещения были заполнены ящиками с образцами горных пород. Лосуков мне пояснил, что геологи свою работу здесь закончили, на днях они переедут на новое место, ждут вертолёт. Перебазирование возглавлял главный геолог, и с ним находилось несколько работников.

Мне предстояло проверить качество выполненной Виктором работы, поэтому мы с ним верхом на лошадях отправились по тропе, проложенной геологами по берегу порожистой горной реки, которая протекала по узкому залесённому ущелью. Бригадир поведал мне, что на днях у него с главным геологом произошёл большой конфликт. Лосуков занимался обследованием окружающей местности, с помощью аэрофотоснимков отражал все тропы, родники, охотничьи избышки, каменные останцы, выходы коренных пород и т.д. Однажды Виктор с рабочим занимался измерением ширины небольшой речки, и вдруг рабочий оступися и провалился в шурф, который оказался сравнительно глубоким, — удачно, что рабочий не повредил ноги и руки. Инженер до позднего вечера занимался вызволением парня из беды, но вытащить рабочего из шурфа не смог. Яма оказалась узкой и глубокой. Возвратившись в палаточный лагерь, Виктор с бранью набросился на главного геолога, обвинив его в преступности, пристращал его даже пистолетом. Сразу же всем составом отправились к шурфу, вооружились верёвками, ломом, лопатами, топорами. С помощью капроновых верёвок удалось вытащить пострадавшего сравнительно быстро. Несколько дней рабочий находился в неуравновешенном состоянии, бригадир думал, что у него нарушилась нервная система и он не сможет закончить полевой сезон, поэтому бригадир старался отвлечь рабочего от работы. Виктор предложил заняться ему рыбалкой, пояснив, что в ближайшие дни предстоит уйти всем составом в горы на несколько дней, поэтому нужно сделать запас рыбы.

Хариус клевал прекрасно, поэтому юноша увлёкся рыбалкой и постепенно восстановился, а вскоре продолжил работу.

После этого главный геолог отстранил от работы инженера, который занимался шурфованием, оставив шурф незасыпанным, и отправил нарушителя в Кызыл. Долго извинялся главный инженер за своего нерадивого геолога. Виктор показал мне тот злосчастный шурф, пояснив, что мог и он попасть в него: накануне проходил по этому месту один, и никто бы никогда его ни нашёл. Рядом стояла жердь, прислонённая к стволу дерева, которой измеряли потом глубину шурфа — она была весьма длинной; я перевёл взгляд на Виктора, который был небольшого роста, и понял, что этот шурф был бы для него непреодолим.

К вечеру мы возвратились к базе геологической экспедиции. И здесь у меня произошла интересная встреча с моим однокурсником Сергеем, с которым мы учились в институте на одном курсе в параллельных группах. В институте мы познакомились с Сергеем на лыжных соревнованиях; он подвернул ногу, мне пришлось провожать его до дома. Сергей пригласил меня зайти в квартиру. Жили они вдвоём с матерью в коммунальной квартире, занимали небольшую комнату, обстановка была очень скромная. Мать звали Ольгой Николаевной, мне показалось, что она походила на мою старшую сестру, — такая же бледнолицая, голубоглазая и с шевелюрой пшеничного цвета. По профессии она тоже была учитель, преподавала в школе географию. Мать оказалась очень гостеприимной, она подробно расспросила меня, что произошло с Сергеем, как он повредил ногу, считая, что он ей не расскажет. Напоила чаем с морошкой — мне впервые удалось попробовать эту редкую ягоду — и накормила нас горячими пирогами с картошкой и капустой. После этого мне несколько раз приходилось бывать у Сергея. Однажды я у них заночевал, мы долго печатали фотографии. Я в то время увлекался фотографированием капитально, мои снимки часто публиковались в газете «Молодость Сибири», там я работал в качестве внештатного фотокорреспондента. Иногда мои фотографии печатались в газете «Вечерний Новосибирск», поэтому ко мне в институте относились как к профессионалу; у меня имелась вспышка — в те времена это было большой редкостью. В тот вечер Сергей рассказал мне, что отца он не помнит: он умер, когда Сергею было два года. Жили они на Алтае в небольшом городе, когда Сергей поехал поступать в Новосибирский геодезический институт, мать тоже отправилась с сыном. Арендовали комнату, Ольга Николаевна устроилась на работу и также стала преподавать географию в школе.

После окончания института прошло четыре года, и вдруг мы неожиданно встретились с Сергеем в Саянах. Он тоже работал начальником

партии в геодезической экспедиции, а я в топографической — в те годы экспедиции были специализированные. Его бригады создавали в Саянах геодезическую основу, а мои подразделения на этой же местности выполняли топографические работы.

За прошедшие годы Сергей немного возмужал, в его глазах я уловил затаённую грусть. Я спросил его о матери. Он помрачнел и рассказал, что этой весной она скончалась. После этих слов однокурсник замолк. Сергей и в студенческие годы был немногословен, поэтому Ольга Николаевна всегда встречала меня с большим уважением: Сергей при мне утрачивал свою замкнутость, молчаливость и включался в диалог.

Вечером, когда мы с Сергеем уединились на берегу, у таёжного костра, он поведал мне странную историю; очевидно, у него в течение всей его жизни в душе было какое-то предчувствие их семейной драмы, поэтому он был необщительный, сторонился всех коллективных встреч. Сергей рассказал, что после похорон матери к нему подошёл незнакомый мужчина, взглянул в покрасневшие глаза парня и тихо проговорил, что он его отец... Сергей отпрянул от него, стал всматриваться в лицо незнакомца. Он представился, что его зовут тоже Сергей Сергеевич. Мать никогда не рассказывала про отца, и фотографий почему-то его в альбомах не было. Отец поведал, что с Ольгой они учились в школе в одном классе. В старших классах они полюбили друг друга. После учёбы в школе судьба их разлучила, Ольга поступила в педагогический институт, а Сергей в другом городе учился на геолога. Постепенно их переписка стала затухать, а вскоре прекратилась совсем. Ольга познакомилась со студентом, который учился на год младше её, у них начался любовный роман. Она даже побывала однажды в доме Евгения, он познакомил Ольгу со своими родителями, которые оказались очень любезными.

После окончания учёбы в институте Ольга возвратилась в свой город и стала преподавать географию в школе. В это же время в городе появился Сергей, он приступил к работе в геологической экспедиции, которая располагалась в соседнем городе. Вспыхнула вновь любовь, и вскоре они поженились. Через два года родился мальчик, которого называли тоже Сергеем.

Однажды в город вдруг приехал Евгений, он разыскал квартиру, где жила Ольга со своей семьёй. В это время у Ольги гостила сестра. Ольга попросила её понынчиться с малышом, пояснив, что проводит гостя до вокзала водной пристани. Вскоре после этого приехал Сергей; узнав об отсутствии жены, он отправился на пристань и настиг их на аллее. Началась драка, Ольга попыталась их разнять, но получила от мужа удар по щеке. Сергей был крепкого телосложения, в студенческие годы увлекался боксом.

Один его удар оказался смертельным, Евгений упал, ударившись головой о ствол дерева, и сразу скончался. Сергей не хотел убивать, он сразу же стал делать искусственное дыхание, из головы Евгения текла кровь, поэтому он сорвал с себя рубашку и перемотал ему голову, пытался остановить кровь. Ольга предложила сходить за милицией, но Сергей пояснил, что их посадят обоих, — ему присудят пожизненное заключение, а ей грозит тюремный срок за соучастие. Сын останется сиротой. Долго Ольга уговаривала мужа пойти в милицию и признаться во всём. Сергей взял погибшего, унёс его к реке и утопил. После этого Ольга заявила, что забирает сына и уезжает к родителям. Сергей остановил её, сказав, что он уходит навсегда. Подойдя к спящему ребёнку, он поцеловал его и со слезами удалился из дома. Уехал он в Красноярский край и работал все эти годы геологом в Саянах.

После длинной паузы Сергей пояснил, что в тот раз после похорон матери он не смог продолжить разговор с отцом. Через несколько дней отец появился в экспедиции, оказалось, что он был знаком с главным инженером геодезической экспедиции и встречались они по производственным вопросам: оба были включены в комиссию по геолого-геодезическому обеспечению строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Увидевшись в экспедиции, они договорились вечером встретиться. У сына душа не лежала встречаться с отцом, поэтому он под всякими предложениями старался отказаться от переговоров. При очередной беседе отец поведал, что он прожил все эти годы один. Семьёй он не обзавёлся; отец сказал, что у него имеется двухкомнатная квартира в Красноярске, он хочет её подарить Сергею. Услышав такие слова, сын вскочил, заявив, что ничего ему не надо, на квартиру он скоро сам заработает. Разговор опять не состоялся.

На следующей встрече перед выездом на полевые работы выяснилось, что им обоим предстоит работать в Саянах по соседству. Случилось такое совпадение, оба Сергея работали в Саянах поблизости.

Однокурсник сказал, что сегодня приехал сюда по приглашению отца, он здесь работает главным геологом. Сергей предложил пойти вместе с ним на переговоры с отцом, но я категорически отказался. Я знал Ольгу Николаевну и никак не мог себя перебороть, я даже не захотел его видеть.

Утром прилетел вертолёт, и весь состав геологической экспедиции улетел. Сергей мне сообщил, что встреча их не состоялась.

Молва о золоте Миллионного порога

Марина по лестнице поднялась на лабаз, приоткрыла скрипучую дверцу, внутри было пусто. Месячный запас продуктов исчез. У девушки потемнело в глазах. Она распахнула дверь полностью. Никаких упаковок не было. От расстройства она чуть не свалилась с лестницы. В течение месяца экспедиционных работ по таёжным тропам Тофаларии Марина слышала от своего оленевода, что бывают случаи, когда медведи разоряют продуктовые лабазы, но этот лабаз опустошил явно не хозяин тайги, кто-то похитил все продукты, не оставив следов разгрома. Сникнувшая, бригадир сидела на краешке лабазного настила, слёзы накатывались на глаза. В последние дни продукты были на исходе, поэтому делили остатки, надеялись на лабаз, в котором имелся прекрасный запас.

В это время оленевод треножил оленей, на это у него уходило много времени. Нужно было вначале расседлать оленей, в этом ему помогали студенты, в бригаде проходили производственную практику два студента из топографического техникума. Марина Тучапская и сама ещё училась, у неё эта практика была преддипломной, она училась в геодезическом институте. В бригаде работал ещё один рабочий, но он заболел; предположительно его укусил энцефалитный клещ, пришлось его отправить в Нерху: в тот период бригада работала недалеко от этого тофаларского горного посёлка. Из-за отсутствия рабочего всем приходилось выполнять ежедневно дополнительный объём работ, в том числе несвойственных им, хотя за это начислялась зарплата. Целыми днями бригада находилась в маршруте, занимаясь обследованием горно-таёжных урочищ, примыкающих к реке Уда. Обычно к концу дня подбирали лужайку с учётом наличия пастбища для оленей. Оленевод сразу же приступал к своей работе. Ему требовалось топором вырубить метровую палку и привязать её на верёвке к шее каждому оленю, чтобы олень не смог ночью убежать. Тофаларский аксакал имел большой опыт работы с оленями. Среди тринадцати оленей были несколько лидеров, которые могли увести всех оленей за ночь далеко от палаточного лагеря, поэтому оленевод этим вожакам вырубал более массивные жерди. Студенты сразу начинали устанавливать палатки и разжигать костёр. На этот раз они предвкушали вкусный, долгожданный ужин из продуктов лабаза, поэтому на таганке уже висел котёл с водой в ожидании тушёнки, сушеного картофеля и консервированного борща. Марина смотрела на разгорающийся костёр, в это время подошли студенты к лабазу, чтобы заняться поисками

необходимых продуктов для приготовления борща, о котором мечтали несколько дней. Бригадир была словно остолбеневшая.

— Ужина не будет, — тихо проговорила Марина. Студенты переглянулись, приняв за шутку высказывание бригадира, но озабоченный, расстроенный вид её заставил практикантов ей поверить. Бригадир заявила, что кто-то украл все продукты. Студенты поднялись на лабаз и ахнули, но кто это мог сделать — кругом тайга на сотни километров. Такое огромное количество продуктов можно увезти только на вьючных лошадях или оленях. Студенты залезли во внутреннюю часть лабаза, чтобы ещё раз убедиться пуст ли он, с надеждой что-нибудь отыскать съедобное, но ничего найти не удалось.

Положение стало безвыходным. Марина находилась в тупике. Она вновь стала себя ругать, зачем согласилась возглавить бригаду, все её однокурсники спокойно проходят производственную практику в бригадах опытных геодезистов и не испытывают таких проблем. Вспомнились советы отца, который приводил огромное количество разных случаев из экспедиционной жизни и как выйти из ситуации, но такой не было. Отец всю жизнь работал геологом в таёжных регионах Саян, он занимал должность главного геолога крупной экспедиции. Марина выросла в семье геологов, поэтому на студенческом полигоне все знали, что Марина сможет разжечь костёр даже во время дождя; однажды на полигоне она сумела сделать искусственное дыхание деревенскому мальчику, которого вытащили из реки тонувшим, таким образом удалось спасти мальчугана. Она была единственной в группе приспособлена к работе в экспедиционных таёжных условиях.

Оленевод тоже не мог предположить, куда исчезли продукты; он внимательно осмотрел все подходы к лабазу и сделал заключение, что продукты похитили не медведи, а люди. Днём оленеводу удалось застрелить рябчика, этим и пришлось довольствоваться всему составу бригады. Сварили так, чтобы каждому досталась кружка бульона и кусочек рябчика.

С наступлением темноты в горах прогремел гром и пошёл дождь, который оказался затяжным. Три дня продолжался дождь, голодные работники лежали в спальных мешках. Марина не знала, как ей выходить из этого положения. В голову лез только один вариант — бросить всю работу и отправиться всем составом на базу партии, для этого потребуется три дня. Марина настроила себя на то, что она откажется от самостоятельной работы; понятно, что она подведёт руководство экспедиции, план будет сорван, — это больше всего её беспокоило.

На третий день оленевод вдруг закричал, что слышит звуки моторной лодки. Все повыскакивали из палаток. В эти места моторная лодка никогда

не поднималась, такое заключение сделал оленевод. Из-за поворота показалась металлическая лодка с мощным мотором. В лодке находился один человек. Подплывая к берегу, мотор замолк, и лодка тихо упёрлась в каменистый обрыв.

Экспедиционная четвёрка обездоленных людей выстроилась на высоком берегу, сосредоточенно всматриваясь в приплывшего незнакомца.

— Я явился к вам с повинной головой, — заявил мужчина, поднявшись на берег. Лодочник представился, что его звать Михаил Иванович Пугачёв. Он сразу же заявил, что он забрал экспедиционные продукты, попросил, чтобы его выслушали, при каких обстоятельствах это случилось.

Он возглавлял туристическую группу из девяти старшеклассников школы Нижнеудинска, ему помогали два преподавателя. Маршрут был запланирован по высшей сложности, поднялись пешком в отроги Саян, на обратном пути посетили пещеры, затем спустились до альпийских лугов, по охотничьей тропе стали спускаться по берегу Уды. Вдруг несколько школьников заболели. Поднялась температура, их стало тошнить. На теле больных обнаружили впившихся клещей, один из преподавателей когда-то работал фельдшером, поэтому сразу поставил диагноз, что дети заболели от укуса энцефалитных клещей. Состояние учащихся ухудшалось, они не могли передвигаться. Было принято решение соорудить плот и продолжить маршрут по Уде, тем более планировалось проплыть на плоту небольшое расстояние — имелось всё необходимое, чтобы безопасно отправиться по воде.

Смастерили надёжный плот, на каждого ученика был надет жилет, и отправились в плавание. Пугачёв пояснил, что он всю жизнь занимался исследованием территории Тофаларии, ему приходилось работать проводником в разных экспедициях, много раз возглавлял туристические группы в пределах Восточных Саян, по этой реке спускался неоднократно.

— Беда случилась вон на той излучине, — Пугачёв показал рукой в сторону крутого поворота реки. Поток с бурным стремительным течением у скалистого берега был перекрыт упавшей сорокаметровой лиственницей с гигантской корневой системой. Справиться с управлением не успели, плот перевернуло. Взрослые мужчины стали спасать больных детей. Удалось всех вытащить, но продукты все утонули. Когда проплывали мимо лабаза, Пугачёв сказал детям, что в таких сооружениях экспедиции складывают продукты. После того, как всех собрали на берег, в группе создалось паническое настроение. Промокшие, больные, проголодавшие, дети сникли, поняв, что остались без продуктов. Всем составом отправились к лабазу, который был совсем близко; к великой радости, он оказался заполнен продуктами. Пугачёв, взяв ответственность на себя, разрешил забрать все

продукты, которые дали возможность выжить всей группе и добраться до своего города. В настоящее время школьники чувствуют себя нормально. После возвращения в Нижнеудинск Пугачёв занялся заготовкой продуктов, которые были изъяты из экспедиционного склада, но некоторых консервов оказалось раздобыть трудно, поэтому произошла задержка.

Лодочник спустился к лодке, раскрыл брезент и попросил студентов забрать доставленные упаковки с продуктами, а сам он принёс большую коробку Марине, пояснив, что здесь на ужин свежие огурцы, помидоры, зелень, которых в этом году бригаде ещё не приходилось попробовать. Студенты занялись приготовлением ужина.

Пугачёв сказал Марине, что он готов искупить свою вину, поведал о своей работе в предыдущие годы, в зимний период преподавал в школе в посёлке Алыгджер, затем в Нижнеудинске работал в школе. Периодически читал лекции в коллективах о Тофаларии, о богатых природных ресурсах Восточных Саян, которые довелось изучить досконально во время ежегодных экспедиций. Марина предложила поработать в бригаде в течение двух месяцев, поняв, что приезжий человек прекрасно знает местность. Пугачёв сразу же согласился, бригадир сообщила ему размер заработной платы, этого он не ожидал. Бывалый оленевод предложил гостю называть его Ивановичем, Пугачёв согласился. После прихода Пугачёва темп работы резко возрос, по многим впадающим рекам стали выполнять обследование, используя лодку. Иванович знал все имеющиеся тропы, охотничьи избушки, юрты, водопады, пещеры, он знал, кому принадлежат избушки и юрты, — эти данные всегда приходилось «добывать» с большими трудностями. За месяц удалось выполнить полуторамесячное задание. В бригаде заканчивались продукты, поэтому бригада всем составом приблизилась к очередному лабазу, который был сооружён вблизи Миллионного порога. Пугачёв обещал рассказать загадочную историю про этот порог на реке Уда и про странное название каменного чудовища, торчащего среди русла реки.

До появления вечерних сумерек бригада добралась до лабаза. На этот раз все продукты были в сохранности, только кто-то позаимствовал коробок спичек, но здесь же лежала записка, в которой об этом было написано. Пугачёв удивился, что вблизи порога находятся люди, он отправился туда на лодке и вскоре увидел костёр на берегу, а рядом возвышался шалаш. Обросший парень пояснил, что они проводят в этом месте свой отпуск, прибыли они из Нижнеудинска, работают на слюдяной фабрике. Бородач пояснил, что его два друга отправились за поворот реки, там двое юношей занимаются тоже поисками, когда он произнёс слово «поисками», понял, что проговорился. Те юноши прибыли из Тайшета. В конце концов, парень признался, что они занимаются поисками золота, которое находится на дне

реки, и поведал о золоте Миллионного порога. Пугачёв рассказал, что именно он в своих лекциях приводил пример об утонувшем золоте среди этих порогов. Молва, оказывается, разлетелась далеко за пределы Нижнеудинска. Парень рассказал, что перед ними четыре человека занимались поисками, они были из Усолья-Сибирского. Бородач поведал, что прошлым летом с фабрики три друга пробыли здесь две недели, они всем рассказывали, что ничего не нашли, но окружающие удивлялись их резкому улучшению материального положения.

Пугачёв долго хохотал, когда услышал легенду о пропавшем золоте в искажённом изложении. На самом деле всё происходило так: это случилось в двадцатые годы, зимой вывозили золото с приисков на лошадях, запряжённых в сани. Обоз медленно передвигался по льду реки, который сопровождался надёжной охраной. Вблизи порогов лошади с тяжело нагруженными санями стали проваливаться. Среди порогов утонуло много золота, после этого пороги стали называть Миллионными порогами. С тех пор прошло много лет, поиски драгоценного металла прекратились, но как только краевед Пугачёв в своих выступлениях озвучил это официально, молва разнеслась далеко за пределы округа и потянулись любители золота к Миллионным порогам.

Подарок с Вилюя

Студент Алексей Гусаров в летние каникулы уехал в экспедицию, чтобы подзаработать немного денег. Руководство экспедиции предложило студенту заняться обследованием местности, где предполагалось в ближайшие годы выполнить большой объём топографо-геодезических работ. Алексею подобрали оленевода с караваном оленей, одного рабочего и отправили его в истоки Вилюя. До истоков более двух тысяч километров. Оленевод Емельян был опытным таёжником, поэтому удалось справиться с работой и остаться в живых. Маршрут оказался чрезвычайно сложный: вначале имелись тропы, охотничьи избушки, но в таёжной глубине тропы стали исчезать — приходилось идти по берегу, пересекая многочисленные реки и ручьи. Большие проблемы начинались во время преодоления больших рек, а их было значительное количество. Емельян работал во многих экспедициях проводником, некоторые регионы он знал прекрасно, но имелись ущелья и водоразделы, в которых ему не приходилось бывать, поэтому он с удовольствием принимал участие во всех обследованиях. Иногда бригадир предлагал оленеводу остаться в устье реки, впадающей в Вилюй, а сам с рабочим готовился обследовать очередное ущелье; нужно было пройти по тропе, обычно каждая тропа в распадке приводила к избушке. Бывали такие случаи, когда Емельян оставлял оленей и отправлялся в маршрут с бригадиром, а рабочий оставался охранять оленей, чтобы они не сбежали.

Однажды на берегу Вилюя обнаружили семью, они жили в этих местах с давних времён. В этой глухомани редко появлялись люди, по словам хозяина, в последний раз останавливалась экспедиция на две недели — это было несколько лет назад. Экспедиционный отряд возглавлял инженер Пётр Карев, он обещал ещё раз приехать, но до сих пор его нет. Аксакал семьи поведал, что Пётр помог вылечить сына, который находился при смерти. Старый якут пояснил, что сын в семье был один, а остальные девочки, мальчишка болел полтора года. У инженера в аптечке были лекарства, которые помогли поставить сына на ноги. Таёжный житель подробно рассказал, как геодезист занимался лечением сына. В течение недели Пётр утром и вечером сам поил лекарством малыша, целый день работал, иногда ему приходилось возвращаться издалека, бригада уходила по берегу вниз по течению реки. Рабочие с треногами на плечах шли по берегу, впереди шли другие рабочие, они топорами прорубали просеку. Весь полевой сезон Карев со своей многочисленной бригадой занимался геодезическими

измерениями. Работа продвигалась с большими трудностями. Дорог не было, никакой связи в те годы не существовало. Геодезическая основа требовалась для создания топографических карт, на которых проектировали Вилуюскую ГЭС и гигантское водохранилище. В пожелтевших от времени формулярах топографических карт, которые хранятся вечно, значится фамилия КАРЕВ. Фундаментальные геодезические измерения, выполненные инженером Каревым, легли в основу дальнейшего каскада топографо-геодезических работ по всей реке Вилюй.

Хозяин таёжной избушки вспомнил, как однажды на отряд напали медведи, — это произошло летом в период медвежьих свадеб. Рабочие прорубали просеку, вдруг к одному из них сзади вплотную подошёл медведь, рабочий думал, что это его напарник, развернулся — медведь взревел, вскочил на задние лапы. В пяти метрах друг от друга стояли какое-то мгновение медведь и человек. У рабочего за плечами висела двустволка, в руках он держал огромный топор, но испуг был неожиданный и разъярённый медведь оказался совсем рядом — рабочий не смог предпринять каких-либо действий. В это время трое рабочих увидели двух медведей, которые направлялись к берегу реки. Один рабочий был профессиональным охотником, он сразу догадался, что это свадебная процессия, поэтому стал стрелять вверх, чтобы отпугнуть брачную компанию; охотник знал: с медведями в этот период встречаться нежелательно, они могут всех людей превратить в трупы. Услышав выстрел, медведь недовольно рявкнул, развернулся, опустился передними лапами на землю и удалился к своим собратьям. Побледневший рабочий долго не мог опомниться. Он так перепугался, что отказался продолжать работать. Хозяин припомнил случай, когда у Карева в отряде закончились продукты, по каким-то причинам произошла задержка поставки в этот отдалённый край. Много разных неприятностей происходило в экспедиционном отряде, но работу закончили они своевременно и до снега успели уйти из далёкого таёжного Вилюя.

Хозяин в знак благодарности за спасение сына давно приготовил подарок Кареву, но он не появлялся, поэтому попросил студента передать Петру подарок. Алексей согласился выполнить такую миссию. Подарок оказался увесистым, сделанный из бивня мамонта, размерами он был около пятидесяти сантиметров. Изящно сделанный морж из белоснежного бивня выглядел великолепно. Подарок был упакован в шкурку песка голубоватого цвета. Алексей завернул подарок в брезентовую сумину и передал Емельяну для крепления на оленьё седло. Студент пообещал хозяину, что через полтора месяца подарок будет вручен по назначению.

Полевой сезон подходил к завершению. Осенняя тайга погружалась в спячку. С неба иногда доносилась заунывная перекличка караванов улетающих птиц. Внезапные северные ветры резко снизили температуру воздуха, близкую к нулю, морозящие дожди не переставали. Передвигаться в такую погоду по лесным зарослям практически невозможно. Под ногами мокрота и сверху с деревьев обрушивался поток леденящей воды. После многодневных ненастных дней вода в реках поднялась, переправы становились затруднительными. Алексей рассчитывал за неделю выбраться из осеннего вилюйского плена и уехать в родной Новосибирск.

В один из дождливых дней приняли решение переправиться через реку, сделали вместительный плот — сложность состояла в том, что нужно было и оленей переправить на плоту. Река широкая, течение быстрое, олени не смогли бы осилить такую переправу. Емельян уложил оленей на плот, связал им ноги, иначе их не перевезти, поместили всё оборудование и отчалили, энергично работая вёслами и греблями. Добравшись до середины, вдруг увидели из-за поворота реки плывущую гигантскую лиственницу с огромной кроной сучьев и с торчащими корнями. Это громадное чудовище плыло наперерез плоту. Вначале попытались отвернуть от столкновения, но течение оказалось настолько быстрым, что не успевали отплыть и изменить ситуацию. Беда надвигалась молниеносно. Емельян вытащил нож и стал быстро срезать верёвки с ног оленей, чтобы они смогли поплыть самостоятельно. Лиственницу разворачивало течением, и она стремительно приближалась к плоту, её остроконечные, обломанные, торчащие толстые сучья наводили страх. Емельян кричал, чтобы цеплялись за дерево, его за поворотом причалит к берегу. Ствол лиственницы ударился о плот, который сразу погрузился в воду и перевернулся. Оказавшиеся в водной пучине люди пытались уцепиться за ветви лиственницы, некоторые олени успели спрыгнуть, а другие попадали в воду. Емельян сумел выбраться из воды на ствол лиственницы первым, он помог взобраться бригадиру. Наконец все были на суковатой лиственнице.

За поворотом лиственницу развернуло поперёк реки, и до берега оставалось совсем близко, оленевод закричал, чтобы все прыгали в воду и плыли к камням. У Алексея коченели пальцы рук, ноги в кирзовых сапогах стянуло судорогой. Берег был совсем близко, но ноги дна не доставали. Емельян вновь пришёл на помощь, он сумел добраться до мели и сразу переключился на помощь. Он схватил бригадира за шевелюру и помог добраться до отмели. Рабочий выкарабкался самостоятельно. Алексей вылил воду из полевой сумки, его утешало одно, что сумка с документами сохранилась, остальное всё утонуло. Стали стягивать сапоги; оказалось, это сделать непросто: нужно было вылить из них воду. От пронзительного ветра

стыли руки. Емельян советовал выжимать из одежды воду, а сам отправился искать оленей.

Алексей вспомнил, что накануне совершил оплошность, всё лето носил в кармане спички в гильзе от ружья, а как только отправились в маршрут на выход из тайги, вскрыл патрон, теперь эти спички очень быгодились. Студент с рабочим пригорюнились, понимая, что попали в сложнейшую ситуацию. Мокрая одежда не позволяла передвигаться, пронзительный ветер сковывал руки и ноги. Настроение становилось упадочным. Пытались выжимать одежду, но окоченевшие руки не слушались. Вскоре появился Емельян, он привёл уцелевших двух оленей, притом у одного была сломана нога. Оленевод стремительным движением ножа перерезал горло хромому оленю, затем распорол брюшную полость и затолкал свои руки в кровавое месиво оленьего живота. Бывалый таёжник настоятельно предложил сподвижникам последовать его примеру, чтобы отогреть руки и заняться разведением костра. Алексей усмехнулся, понимая, что костра без спичек не будет, но разогреть озябшие руки согласились, хотя процесс был очень неприятный. В глубине желудка было горячо, пальцы рук вначале заломило от резкого тепла, но вскоре они зашевелились, от рук тепло стало передаваться по всему телу. Емельян, вытащив окровавленные руки, сразу же сбросил с себя фуфайку и начал ножом её протыкать и вытаскивать вату, она была мокрой, он продолжал поиски сухой ваты, Алексею было непонятно, что делает якут и зачем. Наконец оленевод обнаружил утолщённое скопление и вырезал клочок сухой ваты. На лице аборигена появилась улыбка. Он попросил своих коллег срочно заняться сбором хвороста и дров для костра. Бригадир и рабочий находились в недоумении, каким образом он сможет разжечь костёр, но сразу стали собирать сучья, корьё, ломать ветки. Оленевод требовал больше собрать сухих дров, пока разогрелись руки. Руки действительно отошли, и весь организм получил какую-то дозу тепла от рук.

Емельян вытащил из кармана маленький кусочек, который слегка поблескивал, он пояснил, что это камень-кремень, рядом с ним находился плоский обломок напильника и в тряпочку был завёрнут высушенный губчатый гриб-трутник. Абориген пояснил, что трутник намок, поэтому нужна вата, кусочек которой ему удалось отыскать в фуфайке. Якут рассказал, что в период зимней охоты ему часто приходилось добывать огонь высеканием искры. Алексей с рабочим ломали сучья хвойных деревьев, топоров не было: они утонули, поэтому пришлось заниматься сбором дров без пилы и без топора. Оленевод ещё раз погрузил свои руки во внутреннюю часть оленя, чтобы отогретыми пальцами приступить к высеканию искры, потому что процесс очень ответственный. Емельян

попросил в этот момент оставить его одного, ему нужно сосредоточиться. Алексей с рабочим ушли от реки вглубь леса, там удалось найти упавшее сухое дерево, которое зависло, поэтому сучья оказались сухими и вполне пригодными для большого костра. Наломав охапки сучьев, мужчины отправились к берегу с надеждой увидеть огонёк. Заметив дымок, Алексей бросился к реке, откуда-то взялись силы, хотя он и передвигался еле-еле, мокрая одежда сжимала руки и ноги, было такое впечатление, что одежда замёрзла на теле, она тёрла на всех перегибах и швах. Ноги в сапогах хлюпали.

Якут сидел на своих переплетённых крест-накрест ногах; нагнувшись, он раздувал маленький костёрчик, от которого лениво расплзался фиолетовый дымок, вселявший надежду на выживание. Такой радости Алексей никогда не испытывал. Крохотный огонёк начинал потрескивать. Рабочий хотел положить в огонь сухой сук, но оленевод воспротивился, он пояснил, что вначале нужно дать ему разгореться, набрать силы, а потом можно будет смело бросать в него сучья и даже брёвна. Как только костёр сделался большим, начали отогреваться, а затем всю ночь сушили одежду.

Рано утром отправились в маршрут, в распоряжении остался один олень. На берегу Емельян увидел ещё двух оленей — решили задержаться, якут стал искать остальных, в результате ему удалось обнаружить в лесу ещё пять оленей. За неделю добрались до базы партии, питались всю неделю мясом оленя, в котором разогревали руки.

Добравшись до Новосибирска, Алексей долго не звонил Кареву, стыдно было рассказывать о подарке с Вилюя, который затонул в реке.

Тембенчинская повариха

На базу партии, расположенную на берегу озера Тембенчи, прилетел вертолёт, доставивший из Игарки рабочих. Из вертолёта выходили один за другим крепкие парни, одетые в новенькую зелёную экспедиционную спецодежду. Последней спустилась хрупкая девушка — начальник партии остолбенел: он не понимал, зачем отправили эту девицу, бригадам предстояло строить деревянные геодезические знаки, переходы запланированы без транспорта, не каждый мужчина выдерживал эту невообразимо трудоёмкую работу. Нужно топором рубить деревья, таскать брёвна, переносить тяжести с одной горы на другую. Радист, увидев брюнетку, вымолвил, что теперь на базе партии будет свой повар. Начальник партии сразу догадался, чьи это проделки. Дело в том, что на некоторых базах партий имелись повара, а на Тембенчи не было. Имелась небольшая столовая на несколько посадочных мест, готовил обеды и ужины рабочий Петрович. Иногда в партии по несколько дней работал вертолёт, поэтому для экипажа нужно постоянное питание. Экипажам не нравилось, как готовил Петрович. Начальник партии смирился, что в столовой поварихой теперь будет работать прилетевшая Анка. Она быстро включилась в свои обязанности, Петрович только успевал поставлять свежую рыбу, которой в озере было огромное количество, притом самой разной. Столовой стали пользоваться и появляющиеся бригады, которые периодически прилетали на вертолёте на пару дней, устраивали банные дни, сдавали отчёты, пополнялись на складе консервированными продуктами.

В конце июля на озере Тембенчи произошла страшная трагедия — утонула бригада. В заполярной тундре, на высоком восточном берегу озера Тембенчи, возвышается памятник погибшим геодезистам, на котором выгравировано: «Здесь, на озере Тембенчи, в 1969 году, создавая топографическую карту, трагически погибли: Токарев В.Г., Переверзев Б.М., Самофалов Л.Ф., Черников В.Г.». В книге «Российские колумбы» в рассказе «Морской дьявол» я подробно описал эту трагедию. Дело в том, что мне пришлось «соприкоснуться» с этим групповым несчастным случаем вплотную. В то время я работал начальником экспедиции, в которой произошла эта трагедия. За неделю до этого я находился на Тембенчи в этой самой партии; едва успел добраться до дома, а ехать было далеко и долго. От Тембенчи на гидросамолёте до Агаты, далее на вертолёте в Игарку, затем на самолёте Ли-2 до Красноярска (с тремя посадками — в Туруханске, Подкаменной Тунгуске и Енисейске), затем до Абакана на самолёте Ан-24 и

наконец на машине до Минусинска, где находилась центральная база экспедиции. Получив тревожную радиogramму от оставшегося в живых начальника партии Гулевского, я вновь отправился на Тембенчи в составе комиссии по расследованию этого несчастного случая. Комиссию возглавил прилетевший из Москвы начальник Управления топографо-геодезических работ А.С. Земцев.

Происшествие не укладывалось в голове. Труднее всего было поверить в смерть руководителя бригады — геодезиста Виктора Токарева. Ещё недавно он долго не мог приступить к работе, потому что по всем складам искали ему сапоги 48-го размера, в конце концов, их прислали из Барнаула. Его рост превышал два метра. Рабочие у него в бригаде тоже были под стать ему.

На вечерней радиосвязи Токарев сообщил начальнику партии, что месячное задание бригада закончила и вышла к берегу озера; все промокли от проливного дождя, и бригадир стал просить начальника партии приплыть за ними на моторной лодке. Булевскому не хотелось плыть в дождливую ночную погоду, но Виктор уговорил. Булевский сам десять лет проработал в полевых условиях, поэтому понимал, каково промокшим коллегам быть на берегу озера, с которого сквозит леденящий ветер.

В Заполярье летние ночи светлые, начальник партии отправился в конец озера за бригадой. Промокшие парни, обутые в болотные сапоги, одетые в ватные фуфайки, уселись в лодку. Начальник партии дёрнул заводной шнур мотора «Вихрь», и лодка направилась по мглистой озёрной глади. Длина озера была пятьдесят километров, а ширина — два километра, глубина в этом месте пятьдесят метров. Проплыли минут двадцать, вдруг все почувствовали мощный удар в дно лодки, лодка резко развернулась. Начальник партии сбросил газ, стал поворачивать лодку в прежнее положение, в это время сильный удар перевернул лодку вверх дном. Берег был в двухстах-трёхстах метрах. Все оказались в ледяной воде, вынырнули и ухватились за лодку, носовая часть находилась над водой. «Это морской дьявол, — пробурчал начальник партии. — По дороге сюда он дважды пытался меня перевернуть».

Болотные сапоги, мокрая одежда тянули ко дну. Судорогой стало сводить ноги и руки. Один за другим начали тонуть. Начальник партии обнаружил в воде двадцатилитровый бачок с бензином — вот на нём он и выплыл.

В состав комиссии по расследованию в Игарке добавились представители административных органов, в том числе из прокуратуры и милиции. Из Норильска прилетел вертолёт для доставки комиссии на озеро Тембенчи, вертолётom управлял командир звена Владимир Новиков. О

случившейся трагедии ему было уже известно. Он был единственным в то время лётчиком, имевшим разрешение на полёты в ночное время. Он много раз бывал на Тембенчи и прекрасно изучил этот регион. Члены экспедиции, которых ему приходилось вывозить с этого озера, рассказывали про страшное чудовище, живущее в воде. Все называли водного неведомого зверя по-разному: жабровый мамонт, северная акула, морской кит, морской дьявол, царь-рыба.

О том, что в озере водится большая рыба, знали все. Говорили, что в озере однажды поймали тайменя весом около ста килограммов. Я сам был свидетелем, как наш радист Михаил Гигиняк вытащил из озера тайменя, который по весу был немного легче нашего работника, и, конечно, я запечатлел на плёнку удачный улов. Но небылицы ходили явно не про этих рыб.

Из Игарки до Тембенчи мы летели на вертолёте над просторами безлюдной горной тундры, расстояние в четыреста километров мы одолели менее чем за два часа. Председатель комиссии очень торопился, поэтому он предложил забрать в вертолёт начальника партии и сразу полететь на место трагедии, которое располагалось в пятнадцати километрах. После осмотра и фотографирования береговой части, где находился лежащий бензиновый бачок и груды сучковатых бревен, принесённые весенними водами, комиссия возвратилась на базу партии. Прежде чем приступить к расследованию, я на правах хозяина предложил пообедать. Весь состав комиссии разместился в столовой. Расторопная повариха Анка капитально подготовилась, ей помогал Петрович. Командир вертолёта мне шепнул, что у него имеется коньяк, но я категорически отверг выпивку.

Мне показалось, что прокурор очень внимательно всматривался в лицо поварихи. Всем членам комиссии понравился обед, приготовленные блюда были в основном из консервированных продуктов, за исключением рыбы и хлеба, который выпекали на базе партии. Выйдя из-за стола, прокурор подошёл ко мне и поинтересовался, давно ли работает эта девушка поваром в экспедиции, и попросил дать ему её анкетные данные до выезда в Игарку, но просил сделать это без огласки, и главное, чтобы не знала она и работники партии. Мне это показалось странным. Анкетные строчки оказались весьма скудными, но расспрашивать работников партии, тем более, было запрещено, поэтому, выписав имеющиеся данные, я передал их заявителю, пообещав дополнить в Игарке, в экспедиции, там оформляли её на работу.

В Игарке прокурор вновь обратился ко мне с той же просьбой и попросил проследить, чтобы до выяснения обстоятельств повариха оставалась на базе партии. Ситуация складывалась очень сложной, я не мог

об этом кому-либо говорить, в то же время нужно было запретить выезд поварихи с озера. Комиссия по расследованию продолжала заниматься им в Игарке. Я рассказал о заинтересованности поварихой руководителю Управления Земцеву, он предложил отправить радиogramмы по всем партиям, чтобы радировали фамилии работников, которые вылетают в Игарку. Я сразу же это сделал.

Через неделю прокурор позвонил мне, что на Тембенчи отправляется вертолёт, на котором вылетают два сотрудника милиции арестовывать повариху, но просил об этом не информировать начальника партии: милиционеры будут действовать самостоятельно. Прошло несколько часов, прокурор звонит, обвиняя меня в пособничестве убежавшей поварихе. Началось новое расследование по поводу исчезновения поварихи. Выяснилось, что она улетела в Норильск на вертолёте, который летел туда на ремонт. В данном случае прокуратура сработала оперативно, в Норильске её сумели задержать. Впоследствии выяснилось, что повариха занималась шпионскими делами. Какое-то время она работала на Диксоне радистом в морском порту, затем в Игарке; когда за ней началась слежка, она уволилась и устроилась в экспедицию, чтобы замести свои следы. В прокуратуре имелись фотографии для розыска этой брюнетки, она меняла фамилии и имена. Прокурор, увидев повариху на Тембенчи, сразу вспомнил фотографию.

Позже выяснилось, что она в ночное время, когда все работники на Тембенчинской базе партии ложились спать, пробиралась к радиостанции и работала ключом по азбуке Морзе, таким образом держа связь со своими наёмниками. Увидев в журнале поступившую радиogramму о том, чтобы радировали фамилии работников, вылетающих в Игарку, она сразу поняла, что может попасть в капкан, поэтому улетела в Норильск, пояснив начальнику партии, что к ней туда должна в эти дни прилететь мать из Красноярска.

Через несколько дней меня пригласил прокурор и рассказал, что тембенчинская повариха до поступления на работу в нашу экспедицию работала на зарубежную разведку, несколько лет её не могли вычислить, она очень была законспирирована, теперь она находится в Москве, с ней занимаются другие службы.

С теодолитом через реку на бревне

Инженер-геодезист Дина Красина, возвратившись с полевых работ, сразу отправилась в экспедицию. Зайдя в камеральный цех, она почувствовала, что все в один миг замолкли. Она громко со всеми поздоровалась, коллектив для неё был совершенно незнакомый, окончив институт, она приехала в экспедицию по распределению, и сразу её отправили на полевые работы.

Выйдя в коридор, Дина услышала в цехе разразившийся хохот. Настроение испортилось, она стала проклинать тот день, когда согласилась поехать в эту экспедицию. «Теперь придется три года отрабатывать», — с сожалением думала она. В мрачном холле стояли парни с заросшими лицами, очевидно, тоже недавно возвратились из экспедиционных маршрутов. Дину что-то подтолкнуло взглянуть на стенгазету, испещрённую яркими цветными заголовками. Вдруг она увидела странный заголовок «С теодолитом через реку на бревне». Дину заинтриговал заголовок, она стала всматриваться. Оказалось, это про неё. Нарисованная, плывущая на огромном бревне девушка со светлой шевелюрой держала в руке теодолит. Тут же была приклеена фотография Дины. Фотография взята из её личного дела. Она удивилась, как могли узнать о её рискованном плавании в летний период. Теперь она поняла, почему так хохотали женщины в камеральном цехе. Очевидно, они увидели в окно появившуюся с полевых работ Дину и вспомнили про дружеский шарж в экспедиционной стенгазете.

Дина стала восстанавливать в памяти, как это случилось. Выполняла она топографические работы со своей бригадой вблизи деревни. Однажды производили измерения на противоположной стороне реки, но не успели закончить, наступила темнота. На второй день решили пойти и завершить их, зная, что объём остался небольшой, поэтому с утра занялись обработкой материалов, а к обеду отправились на работу. Бригада уже ушла, а инженер немного задержалась, сказав студентке, которая выполняла должность помощницы, что она бригаду догонит. Идти на противоположную сторону реки предстояло через мост в центре деревни. Старинная сибирская деревня растянулась по обоим берегам реки на несколько километров. День был жаркий. Дина поняла, что она сильно задержалась. Идя по берегу реки, у неё мелькнула мысль: переплыть реку и опередить своих работников, которые должны добраться до нивелирного репера и ждать её там.

Увидев на берегу массивное бревно, она приблизилась к нему, напряглась и столкнула его в воду — её крепкое телосложение позволило

это сделать сравнительно просто. Затем, засучив штанины, она уселась на бревно верхом и поплыла; удерживая в одной руке теодолит, а другой, держа длинную палку, старалась оттолкнуться от берега. Река небольшая, со спокойным течением, дно немного илистое и вязкое, поэтому здесь находилось огромное количество деревенских гусей и уток, но они сосредоточились ближе к деревне, а чуть дальше иногда собирались подростки — это было их любимое место купания. На той стороне реки возвышался берег высотой два-три метра, с него обычно ныряли дети, устраивая соревнования, кто из них нырнёт и дальше проплывёт под водой.

На середине реки шест не достал дна. Дина не ожидала, что река настолько глубокая, начала орудовать ногами: одной ногой тормозила течение, а другой гребла. Бревно стало разворачивать поперёк реки, его покачивало, оно становилось неустойчивым. Она ещё раз попыталась достать палкой дно — не получилось. В какой-то миг бревно качнулось, девушка дёрнулась в другую сторону и очутилась в воде. Теодолит из рук выскользнул. Вынырнув, пловчиха увидела, что бревно уже удалилось. Она поплыла к противоположному берегу; выжав одежду, инженер отправилась к реперу. Студентка и рабочие удивились, когда увидели, что бригадир идёт с противоположной стороны. Дина рассказала о своём неудачном плавании, сразу все отправились на поиски теодолита. Стали нырять, вскоре появилась деревенская детвора. Инженер объявила конкурс, кто достанет со дна реки инструмент, получит десять порций мороженого. Полдюжины подростков включились в поиски, каждый из них, чтобы доказать, что он был на дне реки, выныривая, разжимал пальцы рук и показывал песок, который доставал со дна. Дети увлеклись до такой степени, что наступившие потёмки их не останавливали. Поиски вели до полной темноты, но день закончился безрезультатно. На следующее утро процедуру ныряния продолжили, детвора пришла в полном составе: они оказались более подготовленными к такой работе, у них был интерес, тем более жара в этот день усилилась, и бригадир вознаграждение удвоила. Дина на второй день убедилась, что инструмент не найти, подумала, что его унесло течением. Вечером она отправилась на попутной машине в Минусинск. В экспедиции она готовилась написать объяснение об утопленном теодолите, зная, что инструмент очень дорого стоит, она придумывала разные версии, но руководство всё было в разъездах в полевых партиях и бригадах. Дина обратилась к кладовщику, что нужен теодолит, а руководителей нет, он выдал ей инструмент, и она отправилась в деревню.

В деревенском доме, где квартировала экспедиционная бригада, Дина вдруг увидела на столе теодолит, а рядом стоял медный изогнутый самовар. Студентка пояснила, что подростки вначале принесли самовар, который им

довелось достать со дна реки, они пришли радостные за получением вознаграждения. Девушка рассказала, что теодолит совсем выглядит по-другому; один из подростков вспомнил, что он видел на штативе инструмент, когда бригада работала за рекой, поэтому он знает теперь, что нужно искать. Студентка в качестве аванса выделила денег на мороженое, дети умчались, пообещав, что они найдут инструмент. К вечеру они пришли с радостным сообщением: им удалось с помощью рыбацкого невода выловить теодолит. Студентка выдала детям вознаграждение, и они, довольные, отправились покупать мороженое. Практикантка заявила, что в оптику инструмента проникла вода и для измерений он не пригоден, хотя внешне никаких царапин и изъянов на теодолите нет. Бригада продолжила выполнять топографические работы привезённым теодолитом.

Глубокой осенью, когда закончился полевой сезон, Дина решила осмотреть теодолит с отпотевшей оптикой, предстояло писать объяснение, она придумывала разные варианты о попавшей воде в оптику теодолита. Заглянув в окуляр инструмента, она удивилась, что теодолит исправен, в оптике не было никаких признаков воды. Теодолит несколько месяцев стоял на солнце, очевидно, влага испарилась. Инженер обрадовалась, что объяснений писать не нужно и знать никто не будет, что теодолит был утоплен. И вдруг её выставили на посмешище в стенгазете, и все об этом узнали.

Вечером Дина возвратилась в общежитие очень расстроенной. Ей в тот вечер повезло, потому что возвратилась с полевых работ Мария Рубан, с которой они учились вместе в одной группе. Маша работала недалеко от экспедиции, поэтому была возможность часто приезжать в экспедицию и ночевать в общежитии. Однокурсница рассказала, что осенью повстречалась со студенткой, уезжавшей на занятия, которая проходила производственную практику у Дины и слышала, как она рассказывала в цехе подробно о преодолении реки её бригадиром верхом на бревне и о затонувшем теодолите. Дине теперь стало ясно, откуда появилась публикация в стенгазете.

Мария поделилась своими проблемами, которые возникли в период полевых работ. У неё рабочие в бригаде поссорились между собой, потом один из них ночью положил на спальник своему противнику горящее полено из костра, в результате чуть все не сгорели. После этого у рабочих началась драка, оба когда-то отбывали тюремный срок, поэтому схватка была жестокой. Мария со студенткой убежали в деревню и вызвали милицию. Бывшие арестанты помирились, но были наказаны на пятнадцать суток каждый, девушки в результате оказались виноватыми. Мария окончательно убедилась, что геодезическая специальность не для женщин.

Через несколько дней в экспедиции появился лётчик — это был студенческий поклонник Марии, он сделал ей предложение, они поженились и уехали в Новосибирск. Дина осталась в одиночестве, ей не с кем было даже словом обмолвиться — она поняла, что не сможет работать в этом коллективе. В конце концов, Дина перевелась в соседнюю экспедицию, там отношения в коллективе сложились нормальные, а вскоре она вышла замуж, сменила фамилию и про неудачный заплыв с теодолитом забыла.

Загадка сбежавших лошадей

Прогремело несколько выстрелов из ружья. Инженер-геодезист Василий Пугач, находясь с бригадой на вершине горы, сразу скомандовал рабочим уложить всё в рюкзаки и срочно спускаться к палаточному лагерю. Лагерь располагался на берегу реки, в нём, как обычно, оставался конюх Кузьмич с лошадьми. Бригада проработала уже полтора месяца в таком режиме, но никогда Кузьмич не делал столько выстрелов. Бывали случаи, он возвращался с глухарём или рябчиком, однажды принёс пару уток, но эти выстрелы насторожили Василия: они последовали один за другим, предположительно конюх едва успевал перезарядить своё одноствольное ружьё.

Обычно бригадир с помощником и два рабочих уходили в горы на несколько дней, занимаясь измерениями на пунктах триангуляции, конюх оставался в лагере, под его присмотром находились четыре лошади. Он постоянно подыскивал поблизости травянистую лужайку, переводил туда лошадей, спутывал их и следил, чтобы они не убежали. На ночь он старался перегонять лошадей ближе к лагерю, чтобы они были под наблюдением, для этого на шею каждой лошади висел колокольчик, который давал знать, где находятся его подопечные. Кузьмич имел большой опыт работы с лошадьми, поэтому бригадир был спокоен за имеющийся транспорт. Приходилось периодически, через пару недель переезжать на новую стоянку. Хотя на это уходило много времени, благодаря сноровке конюха, справлялись со всем вполне успешно. Василий относился к Кузьмичу с большим почтением, потому что год назад у Пугача лошади разбежались в самом начале полевого сезона, пришлось работать всё лето без транспорта, таскали на себе весь груз, при перебазировании лагеря делали по несколько заходов, чтобы перенести всё экспедиционное снаряжение. Конюхом тогда работал молодой парень, который не имел опыта.

Спускаясь с горы, заросшей густым лесом и заваленной старыми, сгоревшими стволами, бригадир несколько раз падал, но заканчивалось всё благополучно. Бригадир нервничал, торопился, чувствуя, что в лагере произошла неприятность. Вершина, на которой бригада работала, находилась совсем близко от лагеря. Поднялись на гору утром рано, чтобы провести утренние наблюдения, а в последующие дни планировали удаляться дальше и дальше.

Возвратившись в лагерь, стали искать Кузьмича — его нигде не было, прошли по лужайкам, на которых обычно паслись лошади, но и там его не

обнаружили, не было и лошадей, стали стрелять и кричать. Последовал ответ. Бригадир настойчиво стал звать Кузьмича, отправились к нему навстречу всем составом. Через некоторое время увидели конюха, его лицо было мрачным, расстроенным, глаза испуганные, таким он никогда не был. Руки тряслись, он стал заикаться. Конюх кое-как собрался с мыслями и начал рассказывать о случившейся с ним беде.

Забрав уздечки, конюх отправился на лужайку, чтобы перевести лошадей на дальнее пастбище. Он распутал лошадей, надел на них узды и повёл по берегу своих любимчиков, вначале нашёл пологий спуск к реке, напоил их. Кузьмич обратил внимание на то, что лошади мало пили, хотя утром росы не было; обычно водопойный процесс длился долго. Лошади вели себя как-то беспокойно, раздражённо. Конюх стал подниматься на береговую террасу.

Вдруг на поляне показался медведь, он вышел из густых зарослей, за ним второй, но меньших размеров. Увидев пришельца с лошадьми, первый медведь встал на задние лапы и заревел. Лошади захрапели, затем начали ржать, мгновенно вырвали поводья из рук конюха и умчались. Медведь стал приближаться к конюху, из зарослей показался ещё один медведь, стало понятно, что это медвежья свадьба. Кузьма слышал про такие свадебные сборища, когда медведи становятся жестокими: они подолгу дерутся между собой, и только самый сильный остаётся претендентом с медведицей на любовные дела. Охотники рассказывали, что у медведей свадебный обряд продолжается неделями, и в этот момент попадать на глаза им нельзя. Они расправляются со встречными беспощадно. Хозяин тайги, грозно рыча, продвигался к появившемуся человеку, который был невеликого роста, а ревуший гигант высотой около трёх метров с открытой пастью был совсем близко. Кузьма, сняв с плеча ружьё, стал нервно перебирать в кармане патроны, в одном лежал патрон с пулей, в другом кармане находилось несколько штук, заряженных дробью. Он зарядил ружьё пулей, руки тряслись, испуг был такой, что хотел стрелять в бурое чудовище, но разум остановил: на краю поляны стояли ещё два его собрата, хотя они были немного меньше, вероятно, последняя была медведица, потому что она не проявляла активности. В какой-то момент медведица произвела негромкий рёв, развернулась и отправилась в чащу. Ревущий громила опустился на землю передними лапами, в этот момент Кузьма перезарядил ружьё дробью и выстрелил вверх, над медведем. Медведь приостановился, тогда Кузьма стал стрелять и стрелять, успевая перезаряжать ружьё. Патроны закончились, медведь развернулся и направился в лес. Кузьма припал к земле и долго находился в таком состоянии. Наступила тишина. Конюха осенила мысль, что его лошади сейчас галопом мчатся где-то далеко-далеко

и теперь их не догнать, в таком испуганном состоянии они домчатся до Енисея. Окончательно опомнившись, Кузьма отправился в лагерь, в первую очередь он стал наполнять патроны пулями и картечью. Затем, наполнив карманы сухарями, он отправился в далёкий маршрут, понимая, что ему до колхоза понадобится идти дня три.

Пройдя небольшое расстояние, он услышал стрельбу и крики, поэтому решил вернуться и рассказать о случившейся беде, что осталась без транспорта. Выслушав его, бригадир предложил рабочему Александру отправиться с Кузьмой, обеспечил его деньгами, чтобы там прикупили некоторые продукты. Конюх предупредил, что поедут они из колхоза без сёдел, поэтому много продуктов увезти не получится. Конюх с рабочим ушли за лошадьми, а геодезист с помощником и одним рабочим отправился на неделю в горы заниматься измерениями.

В колхозе экспедиционным работникам сообщили, что никаких лошадей не приходило. Имеющийся колхозный табун лошадей находится на выпасах, далеко за Енисеем. Кузьма окончательно сник, он не мог ещё отойти от стрессового состояния. Во время маршрута он сильно стёр ноги, поэтому надеялся, что в обратный путь поедет верхом на лошади. Конюх отказался возвращаться, пояснив, что ноги стёрты и копь нет лошадей, то ему в бригаде делать нечего. Александру пришлось добираться в бригаду одному. Успокаивало одно обстоятельство: идти нужно постоянно только по берегу реки, которая впадала в Енисей, поэтому он был уверен, что не заблудится, а в тайге это самое главное. Прикупив продуктов, Александр отправился в далёкий путь. До палаточного лагеря рабочий добрался без приключений, хотя боялся встретиться со свадебной компанией.

Бригадир расстроился, что они остались без лошадей и без Кузьмы. Работа стала продвигаться медленнее, особенно это заметно становилось при перебазировании палаточного лагеря на новое место. На первой же стоянке соорудили капитальный шалаш и в нём оставили сёдла. Маршруты приходилось пересматривать, сроки работ затягивались. Продукты были на исходе, имелся большой запас только тушёнки. Она сохранилась, потому что появилось оленьё мясо. Однажды, переходя через небольшой ручей, вдруг бригадир резко остановился, словно замер, показывая рукой — надо остановиться, затем сделал движение назад. Мгновенно он достал пистолет, ружьё имелось у Александра, поэтому он продвинулся к бригадиру, зажимая в руке свою одностволку. Увидев свору волков, Александр выстрелил в них, серые хищники с оскаленными пастьями моментально исчезли, рабочий выстрелил ещё два раза — наступила тишина. Всем составом осторожно стали приближаться к ручью. На берегу, распластавшись, лежал олень. Волки, очевидно, окружили находившегося на пастбище рогатого красавца и

напали, перегрызли ему горло, разодрали брюшную часть, успели проглотить кишки, а мясо досталось экспедиционным работникам. Это мясо помогло бригаде закончить полевой сезон.

Сентябрьская тайга становилась унылой. Лиственные деревья сбрасывали свои наряды, засыпая золотистыми украшениями травянистую поверхность. Прекращались птичьи напевы. Постоянные порывистые ветры проверяли на прочность вековые стволы деревьев, некоторые из них тоскливо скрипели, стонали, стараясь удержаться и не рухнуть вместе с падающими листьями. Наступила пора ухода из тайги экспедиционной бригады. Рацион питания в последние дни был однообразен: тушёнка и чай с чагой с берёзовых деревьев. Инженер понимал, что многодневный выход будет очень сложным. Питание скудное и постоянные осенние дожди, но другого выхода не было.

В один из пасмурных дней, закончив измерения на вершине горы, сразу спустились по крутому склону и отправились по берегу небольшой реки к Енисею. Пройдя несколько километров, вдруг на лужайке увидели лошадей, вначале показалось, что это их лошади, но одна явно была чужой — белого цвета. Присмотревшись, поняли, что лошади чужие. Стали осматривать местность, надеясь увидеть хозяев. Бригадир стал вспоминать, кто должен был работать по соседству. Никаких признаков пребывания людей не обнаружили. Александр стал рассматривать лошадей, три лошади были спутаны, а одна, у которой имелся жеребёнок, оказалась на привязи. На конце длинной капроновой верёвки привязан был длинный кол, который запутался между двумя стволами деревьев. Это и задержало животных на поляне. Александр установил, что они на этой лужайке пасутся давно. Кобыла выщипала траву в округе до земли. Овальный сектор выеденной травы до черноты чётко вырисовывался на травянистой поляне до тех пор, до которых позволяла длина верёвки. Экспедиционным работникам удалось установить, что лошади сбежали из какой-то бригады уже давно. Кобыла паслась на привязи, обычно на верёвку привязывают лидирующую лошадь, за которой следуют всегда остальные. Вероятнее всего, она рывком выдрала кол и сбежала, а за ней остальные лошади и её жеребёнок. Лошади спокойно подпустили пришельцев, на кобыле имелась узда, а для лошадей пришлось делать уздечки из капроновой привязи. Бригадир сразу же предложил вернуться, забрать сёдла и тогда отправиться в маршрут. Такой радости люди не испытывали всё лето. Помощник признался, что хотел отказаться от маршрута на выход, зная, что не хватит сил на многодневный маршрут, притом натёр ноги в дождливую погоду, но теперь проблема решена.

В шалаше сёдла сохранились сухими, поэтому заседлали лошадей и тронулись в далёкий маршрут. Во время ночлега дежурили по очереди,

чтобы лошади не сбежали. Приехав в деревню, сразу направились в конюшню. Колхозный конюх, увидев экспедиционный караван, обрадовался, пояснив, что они последние, все уже давно выехали и сдали лошадей. Александр пытался выяснить что-нибудь про лошадей, которые у них летом сбежали, но конюх сказал, что в этом году разные экспедиции брали в аренду двадцать лошадок и всех возвратили. Он посетовал, что год очень удачный для колхоза, а в прошлый год половина арендованного поголовья из тайги не вернулась.

Конюх выдал расписку бригадиру, в которой было указано, что Пугач Василий Андреевич сдал в колхоз четыре лошади с сёдлами и одного жеребёнка. Геодезист пытался рассказать о сбежавших лошадях и поинтересоваться, кто их сдал, и узнать о тех, которых они сдали, но конюх не стал слушать. Дождь усилился, стал пробрасывать снежок. Конюх заторопился, ему предстояло перегнать табун лошадей на заимку, которая располагалась далеко за деревней.

Гена женился на эвенкийке

«Гена женился на эвенкийке» — эта фраза муссировалась во всех комнатах камерального производства экспедиции. Прошёл год с тех пор, как Гена появился в экспедиции. Он окончил топографический техникум и был направлен в экспедицию на полевые работы. Стройный юноша смущался от пристальных женских взглядов. Его миловидное лицо и огромная пышная шевелюра привлекали внимание многих женщин. Геннадия зачислили в топографическую партию, которую возглавлял опытный начальник партии Василий Фёдорович Колесняк. Весь зимний период партия готовилась к полевым работам, предстояло выполнять работы на Севере, за полярным кругом. Молодому топографу не приходилось бывать в северных регионах, от начальника партии он слышал, что местность очень сложная, поэтому готовился с полной ответственностью. На топографических картах топограф запроектировал все свои маршруты. Сложность была в том, что использовать наземный транспорт было невозможно. Горная тундра с крутыми подъёмами и каменистыми склонами не позволяла использовать вездеходы на гусеничном ходу. На оленьем транспорте можно было работать только по долинам рек и озёр, которые заросли лесом, но недостаточно было кормов для оленей. Не пригодны были олени для подъёма на каменистые вершины, а все измерительные работы предстояло производить на вершинах гор, поэтому топограф готовился работать без наземного транспорта. Начальник партии, понимая, что Геннадий очень ответственно относится к предстоящей работе, старался ему помогать и подсказывать, какую последовательность предусмотреть в комплексе топографических измерений в период полевых работ.

После майских праздников все бригады прилетели на базу партии. Геннадий получил продукты, в бригаде имелось три рабочих. На первую вершину бригаду завезли на вертолёт. Начальник партии дал возможность планировать работу самостоятельно, сказав, что раз в неделю будет прилетать в бригаду вертолёт, доставлять на неделю продукты, в это время можно использовать вертолёт для перелёта на следующую вершину горы. В этом ключе и стал планировать топограф свою работу. В течение недели старался делать переходы на близкие вершины, а для перелёта оставлял самые высокие горы и длинные маршруты с переправами через реки. Таким образом к первому сентября топограф работу закончил. Рабочих рассчитали и отправили с базы партии.

Начальник партии, принимая полевые материалы, вдруг обнаружил, что студенческая бригада не произвела измерения на двух точках, расположенных на самом краю объекта. Студенты уехали на занятия две недели назад. Колесняк предложил Геннадию слетать на вертолёт на два-три дня и проделать измерения. Топограф получил на складе продуктов на неделю, забрал теодолит, спальный мешок и на вертолёте полетел на дальние рубежи объекта. Подлетая к намеченной местности, топограф увидел чум на берегу огромного озера, поэтому показал экипажу посадку на поляне около чума, а через три дня просил прилететь за ним.

Взвалив на плечи инструмент, топограф отправился к чуму, заметив, что у входа стоит человек. Приблизившись, он увидел хрупкую девушку с грудным ребёнком на руках. «Ей едва ли исполнилось восемнадцать лет,» — подумал топограф; на её плечи была накинута меховая безрукавка, расшитая национальными узорами цветным бисером, на ногах унтайки с подобной отделкой. Геннадия удивили её глаза: они были широко раскрытыми, в отличие от коренных жителей Севера. Лицо слегка скуластое с припухшими щеками. Девушка словно остолбенела, она как замороженная смотрела на пришельца, спустившегося с неба. Геннадий, поздоровавшись, пояснил, что он работает в экспедиции, в этих местах пробудет три дня. Вдруг захныкал ребёнок, она тряхнула его дважды, и он засопел. Наконец она заговорила, её голос оказался нежным, успокаивающим, напомнил ему голос его матери. Девушка сказала, что звать её Елюён», топограф, улыбнувшись, сказал: «Значит, Лена». Хозяйка пригласила гостя в чум. К удивлению топографа, в чуме никого не было. В середине чума стояла печь, рядом невысокий столик, заставленный скромной посудой. Пол застелен оленьими шкурами. В дальнем сегменте сгрудились книги, над ними висела берданка, рядом свисали пучки лекарственных трав, от которых распространялись удивительные ароматы. Топограф поставил инструмент у входа и отправился за остальным багажом.

Возвратившись, он увидел, что на печке уже кипит вода в чайнике. Хозяйка предложила выпить чаю, гость согласился, тем более идти в горы было уже поздно. Геннадий выставил свои консервированные продукты, девушка, увидев сгущёнку, сказала, что ей очень нравится сгущённое молоко. Топограф пытался выяснить, где же остальные члены семьи и когда они появятся, но девушка уходила от ответа, стараясь выяснить, чем будет заниматься экспедиционный работник, не последует ли здесь грандиозное строительство. Она рассказала, что когда училась в интернатской школе, то их возили на экскурсию, где возводилась Хантайская гидроэлектростанция, там экскурсовод показала им гигантские турбины, которые вырабатывали электричество. Вокруг строительной площадки лес был выкорчеван,

местность превратилась в пустыню. Топограф успокоил хозяйку, что здесь величественных строек не планируется, экспедиция занимается топографической съёмкой, в результате этих работ будет создана точная карта, на которой будет показан даже её чум. Лена успокоилась, сказав, что где происходят стройки, то исчезает в озёрах и реках рыба и уходят из лесов звери. Заговорив про рыбу, девушка поведала, что вчера с помощью лодки поставила у берега небольшую рыбацкую сеть, утром не смогла вытянуть, не хватило сил, набилось много кумжи. Геннадий сразу прекратил пить чай, отправился к берегу. Хозяйка прикрыла спящего ребёнка пледом и пошла к озеру. В ячейках капроновой сети виднелись крупные серебристые рыбыны — стали тянуть сеть вдвоём. Она оказалась совсем короткой, но рыбы набилось много, и она запутала капитально сеть. До потёмков пришлось Геннадию выбирать кумжу, некоторые рыбыны были более метра и весом около десяти килограммов. Лена подсказала, что рыбу желательно сегодня всю распороть и засолить, поэтому они разожгли костёр и перерабатывали рыбу до полуночи. Хозяйка запекла рыбное филе в тесте на костре, такое блюдо готовят эвенки, оно очень понравилось гостю.

Утром, чуть забрезжил рассвет, топограф отправился в горы. Ему предстояло проделать измерения на двух вершинах. Он торопился, заканчивалась первая декада сентября. Погода начинала портиться, небо стало часто затягивать свинцовыми тучами. Порывистые ветры не переставали сдувать последние золотистые хвоинки с бородавчатых лиственниц. На первой вершине удалось проделать измерения сравнительно быстро. На второй горе произошла осечка. Выставленная веха на дереве, которую предстояло подсесть с геодезического знака, исчезла. Пришлось идти на соседнюю гору, взбираться на дерево, а безопасного пояса для этого не было. Оказалось, веху согнуло ветром, удалось её восстановить, но при спуске с дерева топограф сорвался, упал и сломал руку. Начались дожди, иногда пробрасывал снег; с ноющей болью в руке топограф добрался до вершины горы; теперь нужен был просвет на небе, чтобы увидеть в окуляр теодолита веху и проделать измерения. Взятые продукты закончились, топограф вспоминал, что в чуме огромное количество рыбы, о которой сейчас он мечтал. Шли дни — топограф, спрятавшись под оголённую лиственницу, натянув на сучья брезент, ждал улучшения погоды. Рука распухла, она не давала покоя.

Однажды ночью небо прояснилось, установилась морозная погода, утром удалось быстро отнаблюдать, и сразу же топограф отправился к чуму, торопился, словно в родной дом. Хозяйка встретила его с радостной улыбкой, стала кормить вкусными угощениями, приготовленными из красной икры и рыбы. Лена обратила внимание на его болезненное

состояние, стала расспрашивать. Геннадий сознался, что повредил руку. Оказалось, что Лена окончила курсы фельдшеров, поэтому она мигом прощупала кости, наколола от полена лучинки и уложила их на руку с поломанной костью. Для этих целей у неё имелся алебастровый порошок, она приготовила вязкую жидкость и наложила гипс, туго замотав его оленьими сухожилиями. Девушка рассказала, что она практиковалась на маленьком олене, поломавшем ножку. Оленёнок был редкостным — белым, нужно было его обязательно сохранить. Пастухи связали его и удерживали, а она накладывала гипс! В результате у оленёнка кость на ножке срослась.

Погода с каждым днём ухудшалась. Шли дожди, иногда пробрасывал снег. Начальник партии прилетел на вертолёте через восемнадцать дней. Геннадий сообщил своему руководителю, что он остаётся здесь жить. Колесняк от такого сообщения пришёл в шоковое состояние, пояснив, что это недопустимо, за исчезновение топографа ему грозит тюрьма. Гена представил Лену, сказав, что они решили пожениться, просил их благословить. Внимательно посмотрев на девушку, руководитель понял, что от такой изумительной красоты действительно не уедешь. Геннадий рассказал, что у девушки в этом году трагически погибли родители и её паренёк, они ехали на оленьей упряжке, попали на озере в полынью, и все утонули. Геннадий написал заявление на увольнение в связи с семейным положением и изменением места жительства. Начальник партии пытался уговорить молодожёнов уехать из тундры, но топограф пояснил, что Лене предлагали родственники перебазироваться в стойбище, но она решила жить там, где находилось жильё родителей.

Геннадий попросил начальника на заработанные в летний период деньги купить им продукты на зиму и кое-какое оборудование, для этого он подготовил список. Начальник улетал в подавленном настроении: никогда он не думал, что так круто может развернуться у человека жизнь. Через пару дней начальник прилетел, вертолёт был загружен до предела. Согласно заказу доставил: бензопилу, бочку бензина, продукты, кроме этого Колесняк поведал, что его партия на следующий год базироваться будет в другом месте, поэтому негодное имущество привёз сюда — это старые спальные мешки, кошму, палатки для утепления чума, посуду и многое другое. Геннадий радовался, приговаривая, что теперь они не замёрзнут. У начальника на душе было тоскливо, хотя он и проработал всю свою жизнь в экспедиционных условиях, приходилось жить зимой в палатках, но не мог себе представить, как двое совсем молодых людей с маленьким ребёнком останутся на зиму жить в тундре, за сотни километров от деревень и городов.

В экспедиции не верили, что Гена женился на эвенкийке и остался жить в тундре, женщины пытались даже обвинить начальника, что он оставил топографа на зиму в тундре. Общественность потребовала от начальника партии объяснения, но у него имелось заявление на увольнение и сохранился список продуктов, охотничьих припасов, мотора на лодку — всё это было написано рукой Геннадия, поэтому они отстали от Колесняка.

Прошло много лет, однажды Колесняк прилетел в Норильск заключать договор на вертолёт и гидросамолёт и встретил знакомого командира вертолётного звена Владимира Смирнова. Во время разговора начальник партии поинтересовался, не знает ли он о судьбе бывшего экспедиционного работника Геннадия. Вертолётчик рассказал, что он много раз бывал в этом чуме. В семье родилось четверо детей, у них имеется радиостанция — установил рыбозавод; в летний период Геннадий добывает много рыбы и отправляет по вызову гидросамолётом на завод. Зимой занимается охотой, в тех местах несметное количество песцов, а также имеются соболи. Жена выделывает шкурки. Рядом с чумом Геннадий выстроил дом. На рыбозаводе Геннадию предлагали большую должность, притом выделяли квартиру, но он отказался. Дальнейшая судьба Геннадия осталась неизвестной.

Хромая рысь

Наш экспедиционный проводник Тюлюш Хуурак отправился в очередной маршрут. На этот раз ему предстояло доставить продукты в бригаду Алексея Герасимова. Топограф Герасимов работал в залесённых предгорьях Саянских хребтов. В тот период я исполнял должность начальника партии, база партии располагалась в старинном сибирском селе Верхнеусинское. Иногда мне приходилось вместе с Тюлюшем отправляться в бригады, но появлялись и непредвиденные случаи. На этот раз из бригады поступила радиограмма, что на лабазе побывал медведь и все продукты оказались уничтоженными. Для экспедиции это всегда большая проблема, дело в том, что по положению продукты не списываются. Проводник завьючил полученные продукты на лошадей, я стал предлагать Тюлюшу взять в маршрут рабочего, который имелся на базе партии для этих целей. По правилам техники безопасности я не имел права отправлять в тайгу людей поодиночке. Хуурак мне пояснил, что он всю зиму занимается охотой в тайге один. Охотиться на соболей и белок не ходят по два человека. Он был профессиональным охотником, на его счету много убитых медведей. Такая у него профессия. Мне приходилось соглашаться.

По радиации я договорился с бригадиром, что они встретят Тюлюша в маральем заповеднике у юрты. Маралий заповедник распространился на многие километры. Часть топографических работ приходилось выполнять на территории заповедника. Юрта с семьёй тувинских жителей располагалась в западной части заповедника. К концу второго дня Тюлюш добрался до юрты, которая была установлена у ручья, на краю огромной лужайки. Бригада радостно встретила проводника; как обычно, все принялись в первую очередь разбирать почту. После того, как расседлали лошадей, начали распаковывать продуктовые коробки. Тюлюш сходил в юрту, познакомился с хозяевами. Оказалось, что хозяин с сыновьями ушёл заготавливать сено на зимний период для маралов. Хуурак поинтересовался, сколько же детей у них, женщина ответила, что много, сыновья большие, поэтому помогают отцу, а дочери с матерью. Две малышки пугливо поглядывали на пришельца, а пятилетняя девочка бегала около сарая, который находился около юрты. Топографы уже приготовили ужин и позвали проводника к костру. Приближались вечерние сумерки.

Вдруг около сарая раздался душераздирающий крик, плач, визг. Все от костра бросились к сараю, из юрты выскочила хозяйка. Пятилетняя девочка отбивалась от огромной разъярённой собаки. Увидев подбегающую группу

людей, собака убежала в лес. Испуганная девочка плакала, кровь сочилась из щеки, плечо было разодрано и искувано. Алексей побежал за аптечкой, нужно было обработать раны. Хозяйка попросила лошадь, чтобы увезти девочку на центральную усадьбу маральника, там имелся фельдшер. Женщина рассказала, что это была рысь, а не собака; по её утверждению, она обитает в этих местах много лет.

Тюлюш заседлал двух лошадей. Женщина с ребёнком села на одну лошадь, а на другой поехал проводник. В пути тувинка рассказала, что эта рысь приносит большую пользу. Хозяйка поведала, что в сарае в зимний период складировали корм для маралов, поэтому разводится много крыс, они собираются со всей округи и съедают приготовленную пищу для рогатых животных. Руководство маральника предложило вылавливать грызунов с помощью капканов и завезли несколько штук разного устройства, вначале грызуны попадали в эти капканы, но со временем капканы стояли неделями, а хищники успешно поедали маралий корм. Тогда решили привезти кошку, но она не стала заниматься истреблением крыс, очевидно, она боялась их. В какой-то момент в сарай пробралась рысь, она загрызла кошку и стала вылавливать крыс. Она истребляла грызунов с большим удовольствием, притом не очень-то боялась людей, но старалась избегать встречи с ними.

Недавно мальчишки принесли из тайги рысёнка, маленького, забавного, с чёрными красивыми кисточками на концах ушей. Изготовили в сарае клетку ему. Детям нравилось играть с ним, кормить его. Летом в сарае кормов не было, поэтому и рысь не появлялась. Очевидно, рысь почувствовала, что рысёнок находится в сарае, вот и пришла она за ним. Девочка рассказала, что она кормила рысёнка, в это время в сарай вбежала рысь, но рысёнок она успела закрыть в клетку — рысь напала на девочку.

Тувинка поведала, что мальчишки постоянно притаскивали из тайги каких-нибудь зверьков. Однажды в Первомайские праздники они притащили маленького медвежонка, он был величиной с варежку. Кормили его молоком из бутылки с соской. Медвежонок спал с детьми, всё лето для детей это была самая лучшая забава. Они его постоянно купали, расчёсывали, подстригали, он вёл себя послушно, не сопротивлялся, не огрызался. Вначале водили его на поводке, но со временем про поводок забыли, он сделался для детей домашней собачкой. Из центральной усадьбы привозили детей, которые хотели погладить и поиграть с медвежонком. К концу лета медвежонок подрос, но никого не поцарапал и не укусил, ни одного ребёнка.

Осенью, перед снегопадом, в лесной чаще однажды раздался тревожный медвежий рёв. Медвежонок вдруг вскочил и убежал в лес. Дети страдали, малыши даже плакали. Мальчишки с ружьём ходили в лесные заросли, но никаких признаков медвежонка не нашли.

Через месяц охотники с центральной усадьбы поднимали медведя из берлоги и там обнаружили в медвежьей семье медвежонок с ошейником, сразу поняли, что он принадлежит тувинской семье из юрты, поэтому поймали его и передали хозяевам. За месяц медвежонок совершенно изменился, сделался другим: он стал кусаться, своими острыми когтями впивался в руки, ноги, дети были все окровавленными. Взрослые поняли, что от одичавшего медвежонка нужно избавляться. В это время в Кызыл приезжал цирк со зверьми, поэтому его отвезли им в качестве саянского подарка.

На центральной усадьбе имелась звероферма, в медпункте постоянно находился фельдшер, он осмотрел все ранки, поставил укол девочке, некоторые ранки ему пришлось ей зашить. Фельдшер настаивал на том, что надо женщине остаться на пару дней, чтобы он мог проследить за состоянием ребёнка, но та ответила, что там остались дети гораздо меньшего возраста, поэтому ей пришлось возвращаться. Герасимов с радостью сообщил Тюлюшу, что он застрелил рысь, которая нанесла много царапин и укусов девочке. Случилось это так. Утром в синеве тумана Алексей вдруг увидел рысь, которая, крадучись, пробиралась к сараю. Он схватил ружьё, расстояние было небольшое, и одним выстрелом уложил хищницу. Топограф показал проводнику огромную распластавшуюся рысь, лежавшую в палатке. Алексей приготовился отнести хозяйке рысь, зная, что шкура этих хищников у тувинцев очень ценится. Тюлюш остановил топографа, сказав, что этого делать нельзя, и упомянул о положительных качествах бывшей хищницы, которая у них находилась на правах домашнего животного, — они даже оберегали её от всяких неприятностей и подкармливали в трудный период года. Проводник предложил Алексею забрать рысь, завернуть в спальный мешок и увезти в тайгу, а там ободрать, чтобы хозяйка не видела. Алексей сожалел, что так получилось, думал продемонстрировать справедливость — ведь ему первому пришлось обрабатывать раны на теле девочки, было жалко страдающего ребёнка, хотелось уничтожить хищника за его злодеяния. Бригада собралась, завьючила на лошадей всё своё снаряжение и отправилась в далёкие таёжные дали выполнять топографо-геодезические работы. Тюлюш Хуурак, попрощавшись с хозяйкой, поехал через перевал в своё село Верхнеусинское.

Через три года Тюлюшу довелось заехать к хозяевам в юрту, ему захотелось узнать, как искусанная девочка перенесла то стрессовое состояние и как выглядит она теперь. Хозяйка встретила Тюлюша с огромной радостью, представила мужу спасителя, который помог им на лошадях съездить к фельдшеру. Девочка выглядела прекрасно, на щеке

просматривался небольшой шрам. Гость вручил ей куклу, а остальных детей угостил конфетами. Хозяйка накрыла стол, стала угощать гостя и расспрашивать, какими судьбами он попал в эти края. Хозяин в свою очередь рассказал, что у них недавно произошло радостное событие, им выделили лошадь, теперь сыновья целыми днями ездят на ней верхом поочерёдно, осматривают стада маралов в заповеднике и следят за наличием кормов.

Когда пошла речь о хищных животных, в окружении которых жила тувинская семья, то хозяева рассказали, что та рысь, которая изранила их дочь, после того исчезла, по их мнению, она ушла в мир иной, потому что они живут не более пятнадцати лет. Тюлюш не стал рассказывать, что ту рысь застрелил топограф, хотел оградить детей от дальнейших нападений. Хозяин с гордостью рассказал, что у них появилась молодая рысь, у неё имеется небольшой недостаток, она хромя, но это не мешает ей уничтожать грызунов.

Тюлюш Хуурак вспомнил про хромя рысь. В бригаде топографа Герасимова работал рабочий Ренат, он и сделал эту рысь хромя. Парень признался в этом Тюлюшу, когда он с тувинкой возвратился на лошадях из центральной усадьбы. У Рената болела мать, она находилась в тяжёлом состоянии несколько лет. Однажды соседка посоветовала съездить ей к народному целителю, живущему в горах, который вылечивает, по её словам, все болезни. Ренат отправился к этому старцу и рассказал подробно о болезни, целитель задавал много вопросов, уточнял детали поведения больной. После этого он поведал, что может изготовить лекарство, которое вылечит больную, но нужен один компонент — это пальцы с когтями от рыси, достаточно с одной лапы. Когда Ренат узнал, что в сарае находится маленькая рысь в клетке, он отправился туда и сотворил грязное дело. Он завернул рысёнка в куртку, чтобы тот не исцарапал руки, и отрезал с задней лапы пальцы с ногтями. После этого лапу он облил зелёнкой и отнёс зверька в хвойный лес. Парень признался в этом только Тюлюшу, когда утром бригадир вдруг убил большую рысь; Ренат сожалел, что так сделал, но было уже поздно.

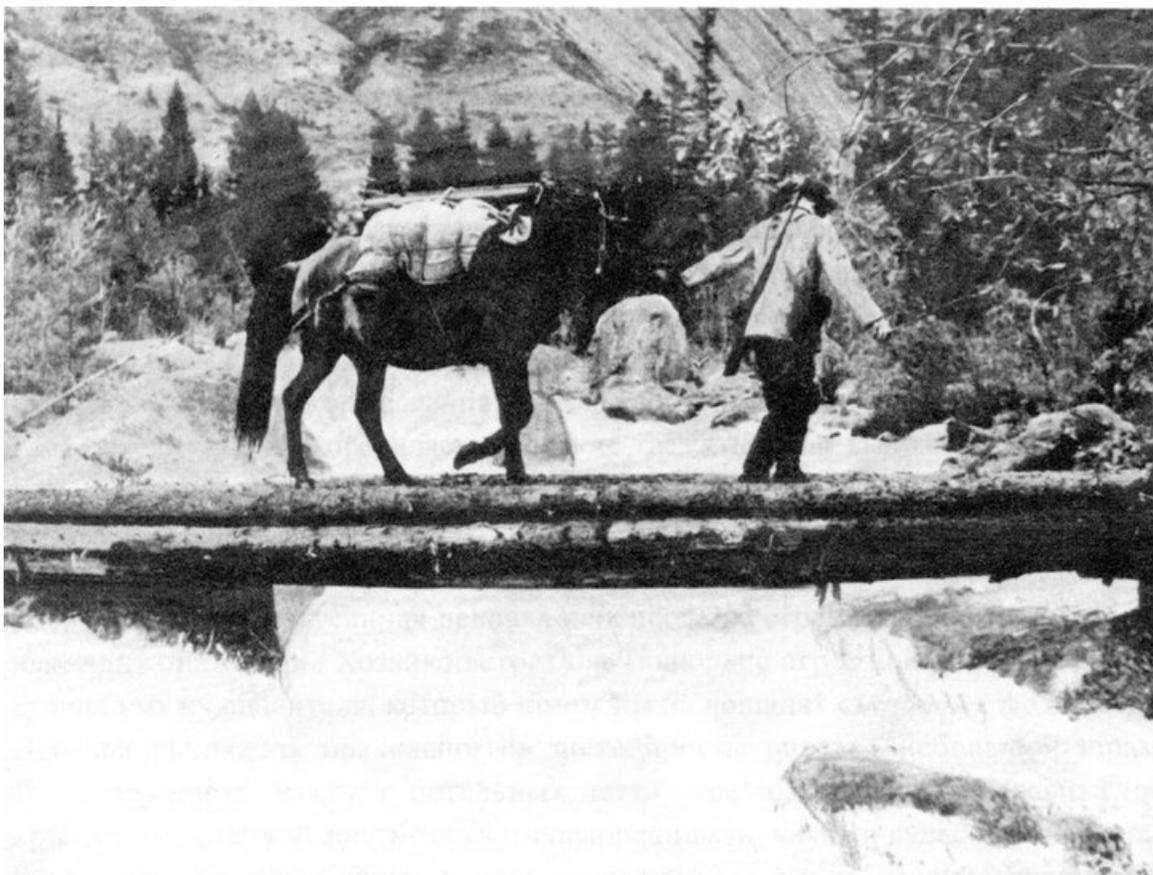
Тюлюш не стал рассказывать, почему рысь сделалась хромя.

* * *

Photos

В очередной экспедиционный маршрут

Переправа через горную реку

Бригада на маршруте

В бригаду прилетел гидросамолёт

Начальник партии Агафонов

Установка палатки

Геодезисты на съёмке шельфа

Сборы в маршрут

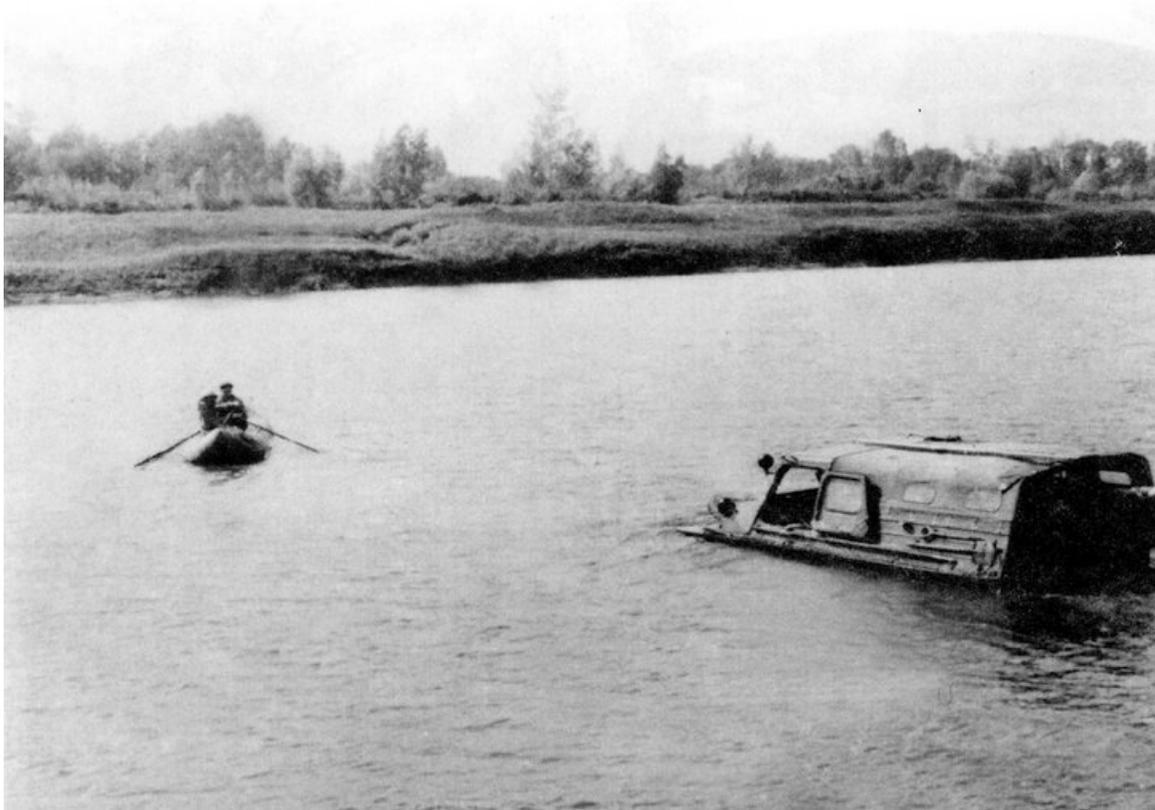
Местная жительница Алтая

В маршруте с вьючными лошадьми

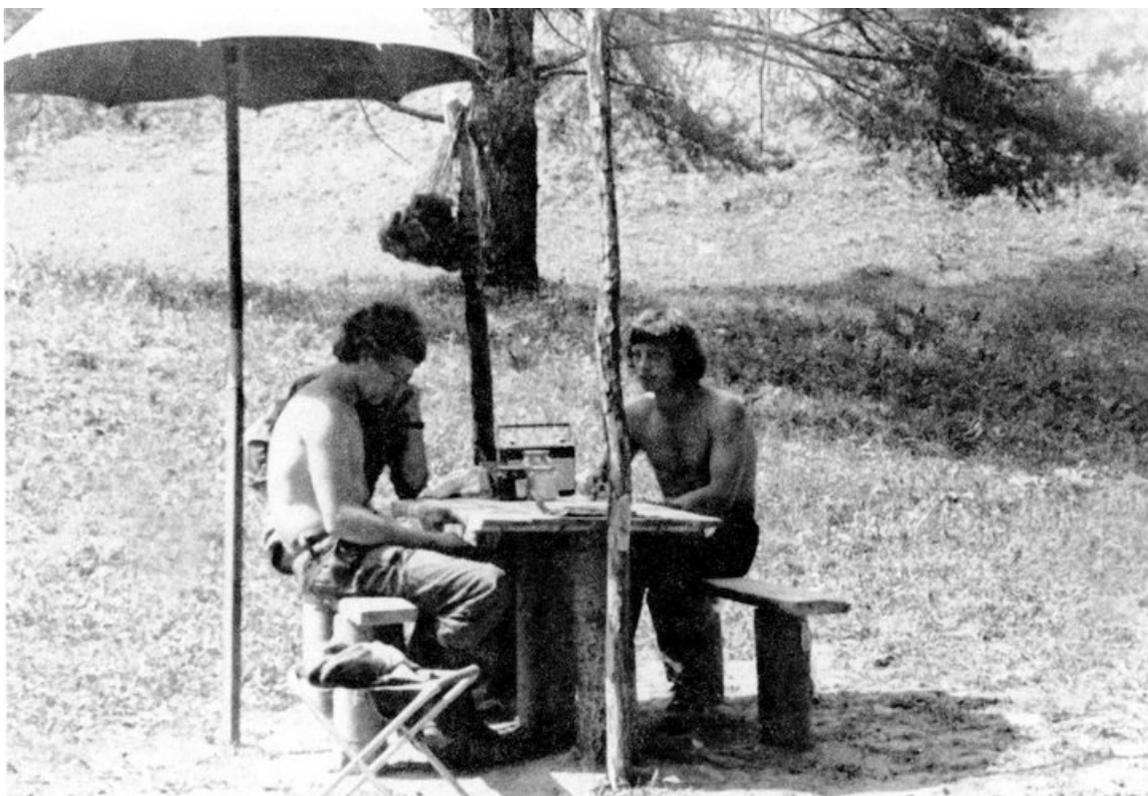
Лабаз с продуктами

Гусеничный вездеход затонул

Постройка геодезического знака

В обеденный перерыв

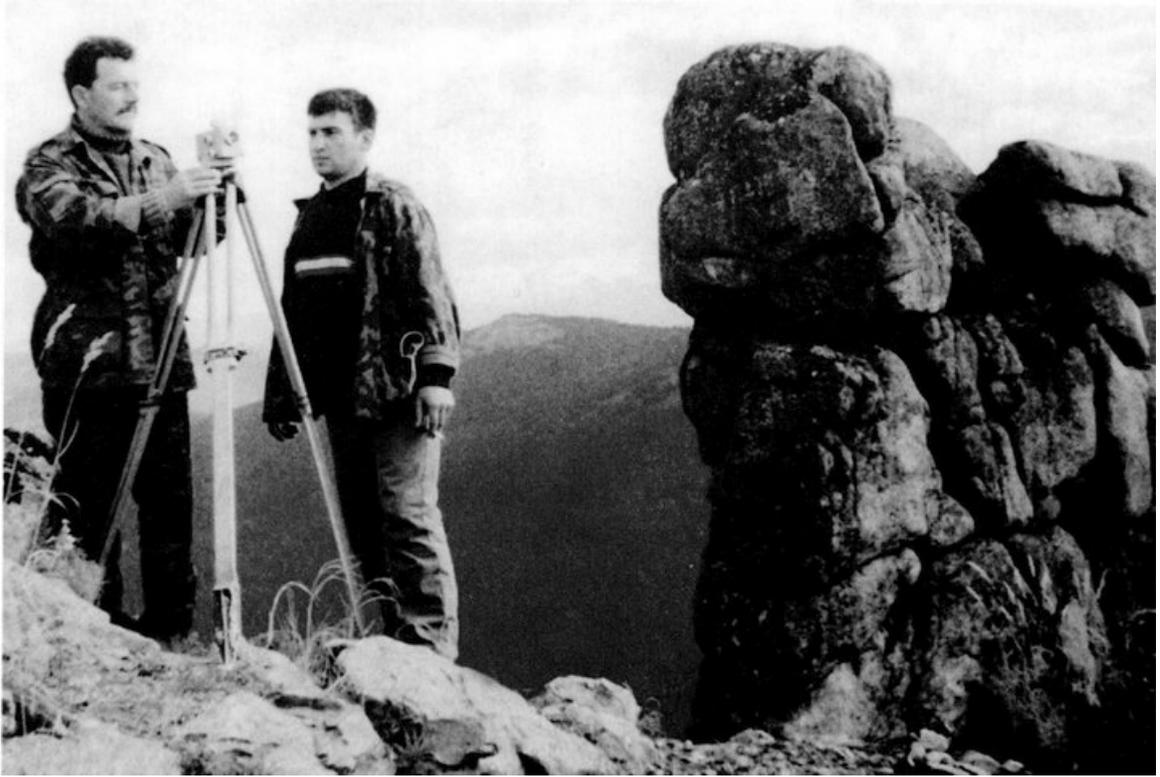
Топографическая съёмка

Ямал. Местные жители

Разгрузка вертолѣта

Топографы в Саянах

Удачный улов

Инженер Мокрушин

Собрались в маршрут

Топографические измерения

Лошадь и авиация — основные помощники

Будни геодезистов

Отправка груза в экспедицию

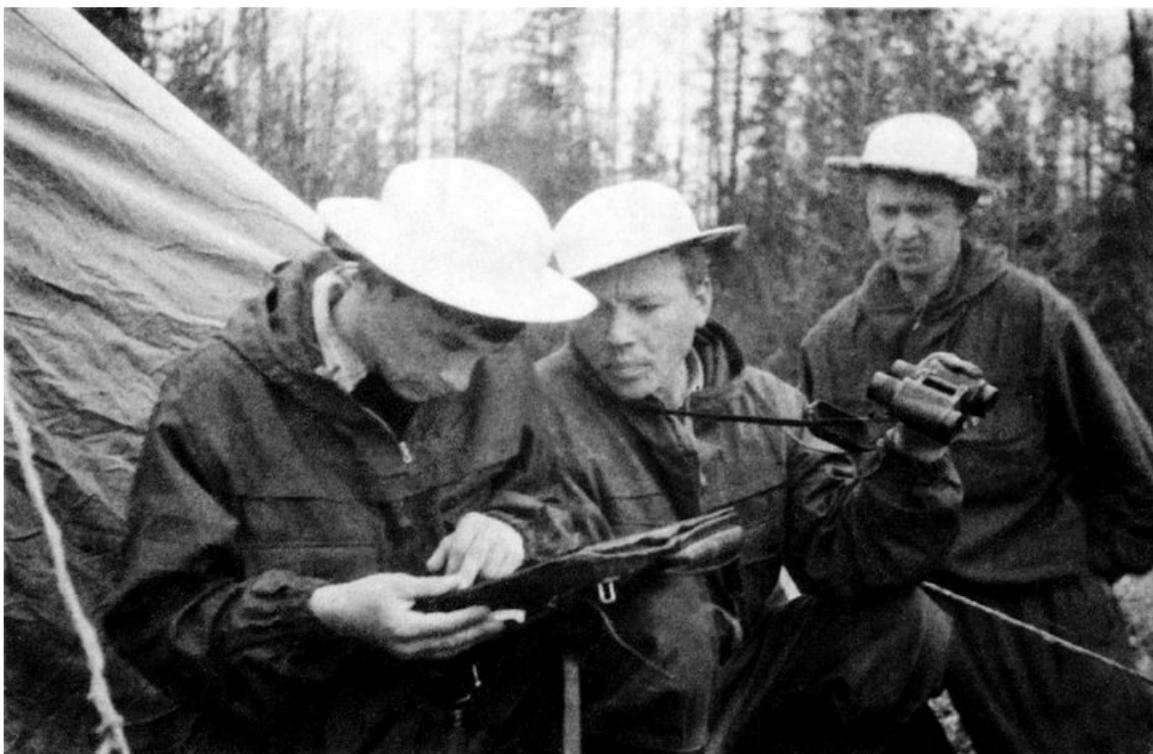
На лодке через Енисей

Весенние работы по насту

Бригада готовится к наблюдениям

Подготовка к очередному маршруту

По заснеженным вершинам

геодезического знака

Завершается строительство

Будни полевых работ

В часы досуга

подбирают место для знака

Рекогносцировщики

Дневниковые записи в пути

Верхом через ручей

Перекур в пути

Останцы Тофаларии

работы

Бригада прибыла на место

Процесс измерений. Ю. Репушкин, А. Сильванский, Ю. Носов

Contents

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Ложная тропа

Злобное предсказание шамана

Каменные идолы на картах

Затерянное в лесу святилище

Выжил в потайной женской келье

Геодезиста обвинили в добыче женьшеня

Гость из скита

Ящерицы помогли кладоискателям

Пророчество кержаков

Таёжный узник

Безлюдный плот

Раненый кабан

Встреча с отшельниками в тайге и в джунглях

Запрещенная гора для селькупских женщин

Нечистая сила в болотах Васюганья

Солонцы родовой памяти

Младенец из фактории

Поиск интернатских подростков

Из-за ласки обвинён в воровстве

Сорок семь дней в небытии

Эпизоды из экспедиционных маршрутов

Укус в спальном мешке

Сорока-воровка

Загадочные останки в прибрежной тундре

Снежный человек в горах Алтая

Колымская дорога на скелетах

В Ботовской пещере клубок пряжи

Загадочная ритуальная площадка в Саянах

Карты Урала на отвесных скалах

«Медвежий праздник»

Клещевая болезнь

В бригаде появились волчата

Встреча с однокурсником

Молва о золоте Миллионного порога

Подарок с Вилюя

Тембенчинская повариха
С теодолитом через реку на бревне
Загадка сбежавших лошадей
Гена женился на эвенкийке
Хромая рысь

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено таежных маршрутов – пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). В настоящее время Виктор Романович Яценко работает в ФГБУ «Центр геодезии, картографии и ИПД».

Виктор Романович Яценко – Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России.

В 1990 году издательство «Недра» напечатало книгу рассказов В.Р. Яценко «По геодезическим маршрутам», в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

